Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 АВГУСТА 15—16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1927
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 96398. Москва. Тираж 75.000.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23/а.

Как партия относится к „широкой дискуссии“?

В своей борьбе против партии оппозиция обвиняет партийное руководство в том, что оно не желает поставить на широкое обсуждение партийных масс сложные вопросы нашей политики, что оно уклоняется таким образом от демократического способа решения вопросов партийной политики. На многих партийных собраниях немногочисленные представители оппозиции выступают с заявлением, что Центральный Комитет не открывает дискуссии, якобы, потому, что он боится этой дискуссии, что он не имеет достаточно идейной силы для открытой борьбы с оппозицией на широких партийных собраниях.

На этом аргументе нельзя не остановиться. Последний пленум ЦК и ЦКК заявил, что за месяц до партийного с'езда на страницах партийной печати будет вестись дискуссия по основным вопросам нашей внешней и внутренней политики, подчеркнув вместе с тем, что в настоящий момент он считает дискуссию недопустимой.

Уже несколько лет оппозиция пытается толкнуть партию на путь перманентной дискуссии. Она считает нормальным такое положение, когда партия непрерывно, из года в год, из месяца в месяц, разделяется по «платформам» и дискутирует, превращаясь таким образом в дискуссионный клуб.

При этом речь идет не о деловых спорах по новым практическим вопросам партийной политики. Подобного рода споры ведутся и на партийных собраниях и в партийной печати всегда. Они не только допустимы, но они являются неизбежными и необходимыми.

Партия не смогла бы быть уверенной в правильности своего пути, если бы она не освещала политических вопросов всесторонне, если бы она не взвешивала при решении этих вопросов все «за» и «против». Обстановка, в которой наша партия руководит строительством социализма, настолько сложна и противоречива, что многие новые практические вопросы политики требуют детального обсуждения, освещения со всех сторон, разбора разных подходов к этим вопросам и т. д. и т. п.

Достаточно посмотреть на страницы наших партийных органов, чтобы понять, что подобные споры завоевали себе в партии законное место и «сочатся» изо дня в день.

Всестороннее освещение спорных вопросов, помогающее партии проводить определенную общепартийную линию,—это показатель жизни и роста партии.

Но, когда вместо делового всестороннего освещения политического вопроса, вместо деловых споров, имеющих целью помочь партии проводить ее единую линию, малодисциплинированные члены *начинают раздувать разногласия*, стремятся создать *«платформу»*, стремятся развернуть *«широкую дискуссию»*, стремятся создать в партии, без особой к тому необходимости, борьбу «направлений»,—то они забывают о «нашем» мелкобуржуазном и международно-капиталистическом окружениях, об опасности раскола, заложенной в классовых соотношениях советского общества.

«... Одно дело—теоретическая дискуссия,—говорил Ленин на X с'езде партии в речи о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне,—другое дело—политическая жизнь партии, политическая борьба. Мы—не дискуссионный клуб. Издавать сборники, специальные издания мы, конечно, можем и будем, но мы должны прежде всего бороться в самых трудных условиях и поэтому должны сплотиться воедино...».

Оппозиция нарушила ленинские традиции тем, что она решительно взяла курс на «политическую борьбу», на борьбу с партийной *линией*, на борьбу с особой платформой, на борьбу, ведомую в необычайно острых формах и угрожающую единству партии.

Необходимо отметить, что Ленин высказал свое отношение к подобного рода «широким дискуссиям» во *многих* выступлениях и с большой определенностью.

Он предлагал не путать деловой повседневной дискуссии по многочисленным вопросам политики с «широкой дискуссией» по *«платформам»*. Он подчеркивал, что надо «соединить необходимую тактическую сплоченность и единство с необходимой свободой дискуссии...».

— «Разве вы не видите,—заявил он на X с'езде,—вы, агитаторы и пропагандисты в той или иной форме, разве вы не видите разницы между пропагандой идей внутри борющихся политических партий и обменом мнений в специальных изданиях и сборниках?..

Не тормози нашей политической работы, особенно в тяжелый момент, но не оставляй научных изысканий».

Вот еще несколько цитат, из которых видно отношение Ленина к «широкой дискуссии».

На VII с'езде партии, подводившем итоги дискуссии о Брестском мире, тов. Ленин заявил: «...Гарантией того, что мы себе на этом вопросе шеи не сломаем, является то, что *вместо старого способа решения фракционных разногласий,—старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссии*, достаточном количестве расколов,—*вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ—проверка всего фактами, событиями, уроками* всемирной истории».

Оценивая дискуссию о профессиональных союзах, Ленин заявил на X с'езде партии: «Едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как *непомерную роскошь*. От себя же лично я не могу не добавить, что на мой взгляд *эта роскошь была совершенно непозволительной* и что, *допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку*, не видя того, что мы в этой дискуссии выпятили вопрос, который по об'ективным условиям не может стать на первом месте, что мы пустились роскошествовать, не видя того, до какой степени мы отвлекаем внимание от насущного и грозного, лежавшего так близко перед нами вопроса о том самом кризисе» и т. д.

Подчеркивая тот факт, что руководимая партией диктатура пролетариата действует в условиях империалистического окружения и преобладания мелкобуржуазного населения в нашей стране, тов. Ленин стремился предотвратить широкие партийные дискуссии, расшатывающие партию, расслаивающие ее, вносящие обострение во внутрипартийные отношения, грозящие, в силу этого обострения, расколом. По поводу той же дискуссии о профсоюзах Ленин утверждал, что шаги т. Троцкого к срыву работы цекистской комиссии, обсуждавшей вопрос о профсоюзах, и к началу дискуссии, вопреки определенному решению ЦК, являются антипартийными. «*Такой прием*, как срыв комиссии,—заявлял Ленин,—*является бюрократическим, несоветским, несоциалистическим, неправильным, политически-вредным»*.

Перенесение споров в комиссию тов. Ленин характеризовал, как *«переход от интеллигентских разговоров, от пустых разногласий к деловой работе»*. «Надо ли было выносить все такие споры на *широкую дискуссию*? Заниматься этим *бездельем*? Занимать нужные для нас недели перед партийным с'ездом?» —говорил Ленин.

Конечно, Ленин чувствовал себя достаточно идейно сильным в споре с тов. Троцким, но он усматривал в дискуссии срыв деловой работы, характеризовал ее как «безделье», как «несоциалистический, неправильный, политически-вредный прием». Установка Ленина в этом вопросе заключалась в том, что он считал дискуссию возможной лишь в исключительных случаях, что «широкая дискуссия» должна быть в условиях существования нашей диктатуры пролетариата по мере возможности предотвращена, что долг каждого члена партии—не раздувать разногласия, а способствовать разрешению вопросов деловым путем.

В противоположность этому ленинскому подходу к вопросу оппозиция стала на путь требования перманентной дискуссии. Главная задача партии, «оказывается», заключается не в систематическом, повседневном руководстве советской работой во всех ее проявлениях, не в деловом руководстве строительством социализма в нашей стране, а в постоянной дискуссии внутри партии, в постоянных спорах «по платформам», в постоянном расшатывании единства ее рядов. Оппозиция была бы довольна и удовлетворена, если бы партия непрерывно страдала, так сказать, «дискуссионным поносом». Вполне естественно, что партия в целом не могла и не может стать на эту точку зрения оппозиции. XV конференция ВКП(б) в своей резолюции об оппозиционном блоке ВКП(б) заявила:

«*Одним из средств разложения партийной дисциплины* и обострения борьбы внутри партии *оппозиционный блок избрал метод всесоюзной дискуссии*, навязать которую (дискуссию) попытался он в октябре этого года. Считая необходимым свободное обсуждение вопросов разногласий в теоретических журналах нашей партии и признавая за каждым членом партии право свободной критики недостатков нашей партийной работы, конференция напоминает вместе с тем слова Ленина о том, что *наша партия является не дискуссионным клубом, а боевой организацией пролетариата*. Конференция считает, что всесоюзная дискуссия может быть признана необходимой лишь в том случае, если: а) эта необходимость признается, по крайней мере, несколькими местными парторганизациями губернского или областного масштаба; б) если внутри ЦК нет налицо достаточно твердого большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если, несмотря на наличие твердого большинства в ЦК, стоящего на определенной точке зрения, ЦК все же считает необходимым проверить правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения партией. При этом *во всех этих случаях всесоюзная дискуссия может начинаться и проводиться лишь после соответствующего решения ЦК*.

Конференция констатирует, что в момент, когда оппозиционный блок требовал открытия всесоюзной дискуссии, не имелось в наличии *ни одного* из этих условий.

Конференция считает поэтому, что ЦК партии постановил вполне правильно, признав дискуссию нецелесообразной и осудив оппозиционный блок за его попытки навязать партии всесоюзную дискуссию *по уже решенным партией вопросам*».

В период, предшествовавший об'единенному пленуму ЦК и ЦКК конца июля—начала августа текущего года, оппозиция пыталась вновь втянуть партию в широкую дискуссию. Мы имеем все основания утверждать, что оппозиция стремилась это осуществить *вопреки воле партии. Налицо не было*, как известно,

ни одного из тех условий, которые XV партийная конференция считала обязательными для открытия дискуссии.

Во-первых, не было и нет ни одной местной парторганизации губернского или областного масштаба, которая считала бы необходимым открытие дискуссии.

Во-вторых, внутри ЦК подавляющее большинство его членов стоит на весьма определенной, ленинской точке зрения в важнейших вопросах партийной политики.

В-третьих, сам Центральный Комитет, стоящий на определенной, ясной точке зрения, не считает необходимым проверить «правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения в партии».

Оппозиционный блок пытается навязать партии дискуссию, несмотря на то, что перечисленных выше условий в наличии не было. Мало этого. *На громадном количестве собраний партийных ячеек единодушно было указано, что партия в настоящий, трудный для диктатуры пролетариата, период считает дискуссию излишней. Оппозиция не желает считаться с волей партии.* Точно так же, как прошлый год, она навязывает дискуссию по уже решенным партией вопросам. Тт. Троцкий и Зиновьев в своих выступлениях по пункту 4 порядка дня об'единенного пленума высказали стремление развернуть дискуссию по таким вопросам, как вопрос о победе социализма в нашей стране, о принципах нашей политики в деревне и т. д., т.-е. по вопросам, которые уже решены нашими партийными с'ездами и конференциями. *Оппозиция считает себя в праве открыть дискуссию тогда, когда она хочет, и по таким вопросам, по каким она хочет, даже в том случае, если эти вопросы уже решены партией на ее с'ездах и конференциях.*

Представители оппозиционного блока не желают считаться с *партией*, как целым, с волей партии, как волей организованного коммунистического авангарда пролетариата. Идейный вдохновитель оппозиционного блока в споре с тов. Лениным говорил когда-то, что «дисциплина имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным и во имя чего налагаешь на себя дисциплину. Но *когда известное направление поставлено перед перспективой «лишения прав», т.-е. лишения возможности бороться за идейное влияние, тогда вопрос его существования из вопроса права превращается для него в вопрос силы*».

Не нужно большой прозорливости для того, чтобы понять, что в этом вопросе оппозиционный блок идет по «старой» троцкистской дорожке.

Наша партия — не партия «вообще». Это — лучшая партия в Коминтерне; это—партия, воспитанная Лениным; это—партия, правильность линии которой позволила ей достигнуть крупней-

ших успехов в деле борьбы за социализм; это—партия, которая пользуется полнейшим доверием пролетариата, это—партия развивающаяся, укрепляющаяся, идейно и организационно растущая, приобретающая все большее влияние на пролетариат и широкие массы трудящихся, партия, стоящая во главе победоносной диктатуры пролетариата, которая с каждым годом становится все более крепкой.

И вот воли *этой* партии не хочет признавать оппозиция, не хочет признавать небольшая группа партийцев, оторвавшихся от партийных масс и разучившихся понимать партию.

Необходимо отметить далее тот существенный политический факт, что оппозиция стремится прорвать фронт партии и навязать ей дискуссию, действуя, по сути дела, *методами второй партии*. Она составляет *свои платформы* по важнейшим вопросам экономической политики, она ведет свою фракционную политику *конспиративным* путем, скрывая ее от партии, она распространяет *антипартийные* документы *через свой конспиративный аппарат*, она «критикует» в этих документах линию партии, так сказать, «со стороны», притом с враждебной «стороны», как другая политическая партия, враждебная ВКП, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тон этих документов сплошь и рядом напоминает тон «Социалистического Вестника». Это делается, несмотря на то, что Ленин предупреждал зарывающихся оппозиционеров о необходимости следить за своим тоном в критике партийной линии. «Всякий, выступающий с критикой,—заявлял Ленин в своей резолюции на X с'езде, — *должен*, кроме того, *по форме критики учитывать положение партии среди окружающих ее врагов*».

Оппозиция утверждает, что, формально запрещая дискуссию, Центральный Комитет ведет «одностороннюю дискуссию», печатая только статьи сторонников Центрального Комитета, критикующие политическую «линию» оппозиции. Но оппозиция замалчивает тот факт, что критика оппозиции в нашей печати, несмотря на то, что формально дискуссии не существует, об'ясняется именно только-что охарактеризованными методами борьбы оппозиции против партии.

Высказываясь против дискуссии, стремясь ее предотвратить, Центральный Комитет вместе с тем обязан считаться с тем, что оппозиция попыталась через свой фракционный аппарат эту дискуссию сделать фактом. Поскольку оппозиция, несмотря на определенные решения партии, распространяет антипартийные документы, постольку Центральный Комитет, не вступая на путь широкой дискуссии, вынужден дать оценку оппозиционных документов, пущенных оппозицией «по рукам». За месяц до с'езда оппозиция получит возможность защищать свою точку зрения в органах партийной печати. Эта грядущая дискуссия, несомненно,

еще выпуклее обнаружит идейное убожество оппозиционного блока, гнилость и противоречивость его идейных позиций, антиленинское содержание последних. Партии нечего бояться: она имеет ясные, твердые, проверенные на практике взгляды на основные вопросы международной и внутренней политики пролетарской диктатуры, она без труда докажет антиленинский характер выступлений идеологов оппозиционного блока.

Но партия напоминает оппозиции, что в этой дискуссии представители оппозиции должны «по форме критики учитывать положение партии среди окружающих ее врагов». Партия поэтому не может обещать, напр., помещения *всякой* статьи оппозиции. В случае, если отдельные представители оппозиционного блока будут выступать против партии с явно меньшевистскими аргументами и в тоне, совпадающем с тоном «критиков» из «Социалистического Вестника»,—то партия в праве подобного рода статей не допускать на страницы партийных органов. Со своей же стороны партия примет все меры к тому, чтобы последние выступления лидеров оппозиции, в основном и существенном, были известны членам партии и получили должную оценку. Вместе с тем в каждой партийной ячейке должны быть приняты все меры к тому, чтобы от оппозиции были отвоеваны на сторону ленинизма все рабочие, обманутые оппозицией и введенные ею в заблуждение.

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(Статья четвертая) [1].

Аграрный вопрос и социал-демократия.

Общеизвестно, что экономическое развитие конца XIX—начала XX века сделало Германию страною высокоразвитой индустрии. Крестьянство не играет поэтому в общественной жизни Германии такой большой роли, как, напр., в России. В то время как сельскохозяйственное население в СССР составляет больше 80% всего населения страны, соответствующим процентным выражением для Германии считают—30 [2].

Тем не менее аграрный вопрос в Германии выступает прежде всего как *крестьянский* вопрос, ибо сельскохозяйственный пролетариат составляет лишь $^1/_3$ всего занятого в сельском хозяйстве населения, в то время как остальные две трети приходятся, главным образом, на крестьянство. При этом подавляющее большинство крестьянства состоит из бедных землею парцелльных крестьян. Для этой же последней категории крестьян *земельный* вопрос является вопросом первостепенной важности (конечно, не только земельный вопрос сам по себе, ибо земля является лишь *одним*, хотя и чрезвычайно важным, но *не единственным* средством производства).

Социал-демократы не один раз приводили данные о распределении земельного владения между различными группами владеющих. Но они, как правило, замалчивают *напряженность* экономических и социальных противоречий и дают *одностороннюю* картину распределения земли.

Так, напр., Hans Krüger отмечает на основании данных статистики 1907 года, что группа мелких и парцелльных хозяйств, меньше 2 гектаров каждое, занимает около 5,4% общей земельной площади, в то время как на крупные предприятия, свыше 100 гектаров каждое, падает 22,2% сельскохозяйственной площади [3].

Однако, Krüger *не говорит* о том, *сколько* мелких и парцелльных хозяйств владеют 5,4% всей земельной площади; он замалчивает, *каково число* помещиков, концентрирующих в руках 22,2% всех земель. Если же поставить в связь число владеющих с количеством находящейся в их руках земли, если выразить эту связь в соответствующих процентных отношениях, то картина получит совершенно иную, *резкую* окраску.

[1] Начало ст. помещено в № 13 «Большевика».

[2] См. «Proletariat und Bauerntum» von Wl. Woytinsky, «Die Gesellschaft» 1926 г., Erster Band.

[3] «Sozialdemokratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft» 1924 г., Zweiter Band.

Согласно данным статистики 1907 года [1]) (говорить о принципиальных, *существенных* изменениях в земельных отношениях с тех пор по настоящее время нет оснований), отмеченные Krüger'ом 5,4% всей земельной площади, падающие на парцелльные хозяйства, приходятся на 60% всех земельных собственников, в то время как меньше чем 1% владельцев (крупные землевладельцы—свыше 100 гектаров) владеют более чем 30% всей земельной площади.

Эти данные необходимо иметь перед глазами при решении аграрного вопроса. Еще раз: *60% всех владельцев земли составляют парцелльные хозяева, которые владеют всего лишь 5,4% всей земельной площади, в то время как, крупные землевладельцы, число которых составляет менее 1% всех земельных собственников, сосредоточили в своих руках 30% совокупной земельной площади.*

Социал-демократы замалчивают эту дифференцированность в распределении земельного владения, чтобы облегчить себе защиту интересов крупного землевладения.

В проекте программы подчеркнута необходимость проведения земельной реформы в интересах бедных и средних слоев крестьянства.

Насколько лицемерны социал-демократы, выступающие с подобными декларациями, можно видеть из последующего анализа *данных* о землевладении в применении их к проектируемой социал-демократами «аграрной реформе».

Земельная реформа в интересах мелкого и среднего крестьянства может быть проведена только на основе решительного отчуждения помещичьего землевладения без выкупа.

Мы уже видели, что социал-демократы строго стоят на точке зрения «выкупа».

Но защита интересов крупного землевладения находит выражение не только в том, что социал-демократы стоят за «выкуп», но и в том, что, согласно проекту соц.-демократической аграрной программы, даже за выкуп-то у помещиков почти ничего не должно быть взятым.

Социал-демократические фразы об аграрной реформе есть прямой обман бедного и среднего крестьянства. Проектом аграрной программы социал-демократов, по сути дела, не предполагается никакой земельной реформы.

В самом деле. Крупные землевладельцы (мы говорим здесь о землевладельцах, имеющих—каждый—больше 50 гектаров) владеют в общем и в круглых цифрах 16.300.000 гектаров. Соответственно ориентировочной норме проекта речь может итти лишь о принудительной продаже государству части помещичьих земель (свыше 750 гектаров); помещики же, владеющие—каждый—свыше 750 гектаров, владеют лишь 2.500.000 гектаров из общей суммы 16.300.000, падающих на крупное землевладение.

Это значит, что 13.800.000 гектаров помещичьего землевладения из 16.300.000 общей суммы совершенно освобождаются от принудительной мобилизации и остаются в руках крупных землевладельцев, владеющих—каждый—от 50 до 500 гектаров.

[1] Все последующие статистические обобщения основываются на данных, имеющихся в «Die deutsche Landwirtschaft, bearbeitet im Reichsstat» Amt (1913).

Если же при этом принять во внимание, что 2.000—3.000 помещиков, владеющих—каждый—больше чем 1.000 гектаров, имеют, согласно проекту, право на оставление—каждый—750 десятин (что для всего числа помещиков составит от 1.500.000 до 2.225.000 гектаров),—то становится совершенно ясным, что *речь идет только о принудительной продаже государству нескольких сот тысяч гектаров помещичьей земли.*

Таким образом, доказано, что социал-демократы хотят в основном оставить нетронутыми современные отношения земельной собственности, сохранив земледельческие привилегии крупного помещика и отказавшись от удовлетворения земельного голода мельчайшего, мелкого и среднего крестьянства.

Зато помещики не могут ничего возразить против аграрного «консерватизма» социал-демократов.

В агитации, в своих декларациях социал-демократы клянутся в верности интересам бедного и среднего крестьянства, а в практических требованиях защищают крупное землевладение.

Эту «двойную бухгалтерию» хорошо выразил социал-демократ H. Hoffmann [1]:

Некоторые положения проекта аграрной социал-демократической программы наводят его на сомнения.

«Это относится,—пишет он,—к тем пунктам проекта аграрной реформы, которые—*хотя бы и из оснований агитационного свойства*—должны способствовать сохранению, поддержке и новому созданию мелких сельскохозяйственных предприятий... С народнохозяйственной точки зрения хозяйства, созданные путем поселения, отнюдь не являются производственной формой, соответствующей веку рационализации и расцвета техники... *Поэтому, если с агитационной точки зрения требование о переводе крупного землевладения в поселенческую собственность и действительно, то его проведение может стеснить прогрессивное развитие пролетариата».*

Так «защищают» социал-демократы интересы мелкого и среднего крестьянства в области земельных отношений.

Что касается вопроса о переселении и внутренней колонизации, то социал-демократы ограничиваются здесь платоническими пожеланиями, которые выдвигаются и самыми правыми партиями и об'ективный смысл которых заключается в прикрытии защиты интересов крупного землевладения.

Всякий знает, что переселение вообще—и особенно переселение на неудобные земли, которые требуют предварительной разработки—связано с вложением значительных материальных средств, требует инвентаря, требует *денег.*

Но верят ли серьезно социал-демократы, что эти средства даст *бедному* крестьянству *буржуазное* государство? Заметны ли хоть какие-нибудь успехи на этом пути до сих пор?

Крюгер сам признает, что в этой области до сих пор не достигнуто почти ничего [2].

И разве даже тогда, когда поселенец получает относительно хорошую землю, находившуюся доселе у помещика и у госу-

[1] «Landwirtschaft, Gewerkschaftsbewegung und Agrarprogramm» von H. Hoffmann, «Gewerkschaftsarchiv», April, 1927 г.

[2] См. «Landarbeiter und Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft» 1924 г. Erster Band.

дарства, как это имело место на основе закона о переселении 1919 г. в переселенческой практике Пруссии,—не оказывается вся эта переселенческая кампания мыльным пузырем?

Разве сами социал-демократы не вынуждены были признать, что результаты этой кампании оказались жалкими?

И тем не менее они продолжают будить иллюзии о возможности... серьезной помощи мелкому крестьянству, путем внутренней колонизации, помощи, которая якобы придет со стороны эксплоататорских классов, со стороны буржуазного государства. Можно ли назвать *этот* обман защитой интересов крестьянства?

Социал-демократы говорят о защите интересов мелкого и среднего крестьянства в области *арендных отношений*, о необходимости такого государственного регулирования арендных отношений, которое будет лить воду, на мельницу «лучшего хозяина».

Но почему они *умалчивают* при этом о том факте, что подавляющее большинство арендуемых земель приходится на крупных, состоятельных, капиталистических арендаторов, а не на мелких крестьян, что среди крупных помещиков не только сдают землю в аренду, но и *арендуют* землю.

Что говорят статистические данные 1907 года о распределении арендных земель?

Они говорят о том, что *на парцелльных хозяев, которые составляют 60% всего числа владельцев, падает только 10% общего количества арендуемой земли, в то время как крупные землевладельцы, составляющие меньше 1% всего числа землевладельцев, концентрируют в своих руках более 35% общей арендной площади.*

Социал-демократы, уклоняющиеся от *дифференцированного* анализа статистических данных, замалчивают действительное положение вещей и в *этой* области.

Беглый взгляд на вышеприведенные данные дает основание заключить, что большая часть арендуемой земельной площади концентрируется крупными землевладельцами, располагающими значительными капиталами, что в области аренды хозяином положения является крупный капиталистически-развивающийся хозяин, а не мелкий крестьянин.

Социал-демократы доверяют буржуазному государству регулирование арендных отношений под углом курса на «лучшего хозяина». Но при господстве капитализма этим лучшим хозяином неизбежно будет крупный капиталист и располагающий капиталами помещик, а не полунищий владелец парцелльного хозяйства или мелкий крестьянин. Полунищий хозяин парцеллы не имеет средств на аренду земли, он не обладает капиталом, необходимым для постановки прогрессивного, передового хозяйства. Крупный землевладелец имеет эти средства.

При этих условиях *курс на «лучшего хозяина», который предлагают социал-демократы, является, по сути дела, тем же «курсом», который стихийно пробивал себе дорогу в развитии сельского хозяйства и до сих пор, который находит свое выражение и в данных о земельном пользовании, о распределении аренды.*

Зачем же при курсе на «лучшего хозяина» одновременно обманывать мелких арендаторов, будто капитализм и буржуазное государство могут изменить и регулировать арендные отношения *к выгоде* и в *интересах мелких арендаторов*, которые не могут

быть в условиях капитализма «лучшими хозяевами», чем крупные предприниматели, чем капитализирующие своё хозяйство помещики?

Не обязывает ли элементарная порядочность перед лицом этих данных сделать вывод, что *регулирование арендных отношений в интересах мелкого крестьянства немыслимо без радикального изменения отношений собственности в сельском хозяйстве и без изменения отношений собственности на средства производства вообще?*

Социал-демократы утверждают далее, что в интересах крестьянства необходимо предоставить *государству право регулирования хлебных цен* (попросту говоря, право хлебной монополии), дабы избавить крестьянство от тяжелых последствий сильного колебания хлебных цен.

Буржуазное государство здесь еще раз выступает в представлениях социал-демократов, как *благодетель крестьянства.*

Но этой мерзости не могут вытерпеть даже некоторые социал-демократы.

«Кому, например, отдаем мы право хлебной монополии?— спрашивает Кретцер, содокладчик по аграрному вопросу на Лейпцигском окружном партейтаге.—Мы имеем правительство буржуазного блока. Буржуазный блок—союз индустрии с аграриями. Им должны мы вручить хлебную монополию?»

И автор совершенно резонно выражает «сомнение» в том, что буржуазное государство будет пользоваться хлебной монополией в интересах трудящихся (пролетариата и бедного крестьянства) [1].

Что следует из всего сказанного?

Социал-демократы защищают в городе против пролетариата интересы «рационализирующей» капиталистическое производство буржуазии, потому что буржуазия «прогрессивна». В их склонности к «прогрессивной» буржуазии они доходят до положительного отношения к государственному капитализму, в котором они усматривают по сравнению с «частным» капиталом *только* прогрессивные моменты. В сельском хозяйстве ведет их перспектива капиталистической «рационализации» к курсу на капиталистически-рационализирующееся хозяйство крупного землевладельца, которое недопустимо—с их точки зрения—дезорганизовать радикальными планами земельной реформы.

Они предлагают далее предоставить буржуазному государству право регулирования земельной собственности, арендных отношений, хлебной торговли и т. д. при условии, что государство будет поощрять «хорошего хозяина» и обеспечивать «переход земли в руки лучшего хозяина», т.-е. *экономически-сильнейшего капиталистического предпринимателя.*

Что касается мелкого и среднего крестьянства, то последнему «предоставляется» достигнуть уровня «хорошего хозяина» путем «прилежания» и утешаться убеждением, что мелкое производство имеет преимущества перед крупным.

Удобная, но подлая теория! В известном смысле эта подлость есть плюс. Чем очевиднее будут социал-демократы обманывать бедное и среднее крестьянство, тем скорее последнее поймет, что революционное преодоление крупного землевладения и раздел земель между бедными крестьянами возможны только в условиях диктатуры пролетариата; что только последняя обеспечит бедным и средним слоям крестьянства постоянную экономическую помощь (путем кредита и других мероприятий), что только диктатура пролетариата сделает возможным для бедных слоев крестьянства использовать плоды агрикультурного образования и пр., о чем наговорено в проекте социал-демократической аграрной программы.

[1] «Leipziger Volkszeitung», 1927 г., № 56.

«Левые» социал-демократы пытались (прежде всего на страницах «Leipziger Volkszeitung») доказать, что подобный проект аграрной реформы означает соскальзывание социал-демократии с пролетарской точки зрения на мелкобуржуазную почву; что социал-демократическая партия—в ее целом—после принятия этой программы заменила прежнюю ориентацию на пролетариат ориентацией на «средние» мелкобуржуазные слои.

В этом утверждении заключается *двойная ложь.*

Во-первых, «левые» социал-демократы лгут, когда они прежнюю ориентацию социал-демократической партии (т.-е. их ориентацию до проекта аграрной программы) обозначают как *пролетарскую* ориентацию. Каждый день все очевиднее доказывает, что в борьбе пролетариата против буржуазии социал-демократы защищают интересы буржуазии.

Во-вторых, они лгут, когда утверждают, что партия в целом выражает устремления мелких и средних слоев крестьянства; социал-демократы, в действительности, защищают капиталистов против рабочих, и помещиков—против средних, мелких и мельчайших крестьян.

Действительные требования мелких и средних крестьян могут быть достигнуты не на основе социал-демократической аграрной программы, а только в борьбе против социал-демократического оппортунизма, против «социалистического» реформистского кретинизма, против «социалистической» контрреволюции.

* * *

Социал-демократия еще в те времена, когда она не изменяла открыто марксизму, отличалась невниманием к мелкому крестьянству, нежеланием и неумением поставить во весь рост на почву практики вопрос о союзе пролетариата с бедным крестьянством.

Зато в *сельскохозяйственном пролетариате* социал-демократы *прежде* всегда усматривали носителя будущих *социалистических* форм в сельском хозяйстве.

Теперь сельскохозяйственный пролетариат в Германии насчитывает около 4 миллионов; крупные капиталистические предприятия в сельском хозяйстве, несомненно, в гораздо большей мере, чем прежде, «созрели» для перехода их после революционного переворота к социалистическому развитию.

Казалось бы, что в переживаемую нами эпоху пролетарских революций, вопрос о сельскохозяйственном пролетариате, как строителе социализма в сельском хозяйстве, должен быть поставлен острее, выпуклее, актуальнее, чем прежде. Но у социал-демократов, конечно, все наоборот. Пока капитализм находился в мирной, «органической» стадии своего развития, пока вопрос о революционном захвате власти пролетариатом маячил вдалеке, социал-демократы находили в себе «смелость» поговаривать о

социализме. Когда же капитализм стал трещать под напором социалистических революций пролетариата, когда он стал менее устойчивым, а пролетариат более сильным и более способным к захвату власти; когда вопрос о социализме стал не вопросом отдаленного будущего, а вопросом, стоящим в порядке пролетарского дня,—тогда социал-демократы по всей линии забили отбой и потребовали отсрочки для капитализма на сотню-другую лет. То же самое случилось с социал-демократами и в отношении сельскохозяйственного пролетариата.

Раньше социал-демократы утверждали, что *сельскохозяйственный пролетариат призван стать строителем социализма в крупных предприятиях*, отнятых революционным пролетарским государством у капиталистов. *Теперь* социал-демократы берут *курс на превращение сельскохозяйственного пролетариата в мельчайших крестьян, в мелких собственников.*

В главе V проекта программы (Forderungen für die Land- und Forstarbeiter) социал-демократы, говоря о сельскохозяйственных рабочих, предлагают «открыть путь всем тем, кто может и хочет стать мелким крестьянином-собственником»[1]). Крупнейший оппортунистический теоретик аграрного вопроса Hans Krüger несколько лет назад посвятил обоснованию этого курса большую статью, на аргументах которой стоит остановиться[2]).

Автор прежде всего разделывается с прежним социал-демократическим курсом.

> «Одно направление,—пишет он,—высказывается за сохранение крупных предприятий, при чем вместо капиталистического собственника может быть создана *кооперация* сельских рабочих, или же крупные предприятия должны быть национализованы, и управление ими должно быть передано государству. Оба способа мало помогут теперь рабочим, и в крупном масштабе подобные планы неосуществимы. *Отсутствуют необходимые средства, организационное проведение в жизнь этих планов натолкнется на большие затруднения, и, наконец, в случае сопротивления крупных землевладельцев нечего и думать о подобной национализации или о передаче управления предприятиями в руки кооперации.* Во всяком случае не подлежит сомнению, что в случае серьезных попыток к осуществлению этих планов в настоящий момент произойдет понижение продукции».

Hans Krüger откровенен и прям. Он против социализации, потому что ее не пожелают помещики и ее проведению не помогут капиталисты («отсутствуют необходимые средства» и т. д.). Вот это называется «реальный политик»![3]).

Он считает возможным проведение только такой реформы, которая не встретит серьезного сопротивления со стороны господ-

---

[1]) «Entwurf» u. s. w., «Vorwärts», 1927, № 18.

[2]) «Landarbeiter und Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft» 1924 г., Erster Band.

[3]) Мы не сомневаемся ни на одну минуту, что социал-демократические вожди являются «реальными политиками» «всерьез и надолго».

Но при этом условии они, вероятно, должны признать, что помещики и капиталисты *никогда* не пожелают уступить своих командных экономических и политических позиций.

Стало быть... стало быть, *никогда* нельзя потрясти основ капиталистического общества? Но почему почтенные теоретики социал-демократии не скажут этого *прямо* рабочим?

ствующих классов и не нарушит нормального хода капиталистического производства.

Открещиваясь от революционных перспектив Krüger намечает весьма «скромную» реформу.

> «Но тут открывается другой путь, который дает рабочему возможность улучшить свое положение не в далеком будущем, а в настоящее время—путь, на который можно вступить уже сейчас. Это можно сделать, если дать рабочему маленький кусок земли, независимо от его постоянной работы. Рабочему необходимо дать столько земли, чтобы он мог держать корову. Это, конечно, не везде сразу осуществимо. Придется начать с меньшего куска земли и постепенно его увеличивать при чем должна быть оставлена возможность дальнейшего развития в мелкокрестьянскую собственность. Рабочий таким образом получит свою долю участия в использовании земли как орудия труда, в то время как до сих пор он был лишен земли, которая была лишь средством капиталистической эксплоатации».

Очень характерно, что Krüger аргументирует как типичный *буржуа.*

Так, он считает важнейшим аргументом в пользу изложенного им выше проекта аграрной реформы в отношении с.-хоз. пролетариата то обстоятельство, что наделение с.-х. рабочих землею приведет к расширению внутреннего рынка для промышленного капитализма.

> «Это,—пишет он,—улучшило бы экономическое положение широких сельскохозяйственных масс и подняло бы их покупательскую способность в отношении продуктов промышленности... Это привело бы к увеличению сбыта наших промышленных изделий, что вдвойне важно в настоящий момент, когда уже ясно видно, что сбыт наших продуктов на мировом рынке никогда не достигнет прежнего уровня».

Мы оставляем здесь в стороне вопрос о том, насколько верно утверждение, что внутренний рынок расширится от наделения сельскохозяйственных рабочих «кошачьими» земельными площадями. Это трудно доказать, ибо с наделением землею происходит частичная *натурализация* бюджета рабочего. В данной связи важно лишь указать на то, что социал-демократ разрешает вопрос о судьбах и перспективах развития сельскохозяйственного пролетариата *под углом зрения укрепления отечественного капитализма.*

И не только промышленного, но и аграрного. Krüger не согласен с теми, которые усматривают в проектируемой реформе угрозу крупному капиталистическому с.-хоз. производству.

> «Но если даже стоять на той точке зрения, что крупные предприятия более продуктивны, то надо сказать, что наделение сельскохозяйственных рабочих земельными участками не привело бы к немедленному устранению этих предприятий. Напротив, крупные предприятия имели бы тогда к своим услугам рабочих, которые по всей вероятности работали бы и лучше и охотнее».

Итак, реформа должна быть принята, по Krüger'у, вследствие того, что она обещает улучшение перспектив *для промышленного и аграрного капитализма, для капитализма вообще.*

Но лицемерие социал-демократических «защитников» пролетариата заключается в том, что, по их утверждениям, интересы капитализма совпадают в данном случае с интересами пролетариата.

«Идиллия» замечательная: капиталисты получат расширенный рынок; аграрные капиталисты—«рабочих, которые... работали бы и лучше и охотнее», а рабочие—известную независимость от «работодателя».

Правда, последнее утверждение Krüger предлагает принять на веру.

Ибо, во-первых, он сам признает, что наделение рабочего небольшим клочком земли свяжет рабочего, привяжет его к «своему» капиталисту-аграрию.

«Во многих восточных областях это, правда, будет не так. И здесь рабочие, наделенные землей, вынуждены будут действительно искать работу *лишь у «своего» помещика*.

Но, ведь, сие и означает, что рабочий становится более, а не менее зависим от «своего» нанимателя!

Во-вторых, Krüger ничем не доказал, что заработная плата рабочего после проектируемой реформы повысится.

Для всех марксистов до сих пор было бесспорным *обратное*: еще Каутский доказал, что сами помещики не прочь провести ту реформу, о которой так хлопочут теперь «социал-демократические» адвокаты эксплоататорских классов, ибо *имеющему маленький надел рабочему аграрий может платить более низкую заработную плату*, ибо часть минимума средств существования рабочего покрывается тем добавочным «самостоятельным» трудом, который рабочий тратит на *«своем»* участке.

Помещик получает таким образом и более *прикрепленного* к нему и *более дешевого* рабочего.

Об этом писал неоднократно и Ленин.

«В числе условий,—писал Ленин по поводу книги Каутского против ревизионистов,—ставящих границы капиталистическому земледелию, Каутский указывает также то обстоятельство, что недостаток рабочих—вследствие ухода населения из деревень—заставляет крупных хозяев стремиться к наделению рабочих землею, к созданию мелкого крестьянства, которое поставляет рабочие силы помещикам... Когда мелкое производство слишком сильно вытесняется, крупные хозяева стремятся укрепить или возродить его посредством продажи или отдачи в аренду земли... Каутский точно характеризует факты и указывает их настоящее значение в современном классовом обществе: *классовые интересы землевладельцев заставляют их стремиться к наделению землею рабочих*»[1]).

Социал-демократы защищают программу крупных землевладельцев, называя эту программу «социалистической». Не вернее ли будет сие называть не социализмом Маркса, а «помещичьим социализмом»?

Социал-демократы пали так низко, что вместо перспектив революции, социализации и социалистического строительства в

[1]) Ленин. Сбор. Сочин., т. IX, стр. 21.

сельском хозяйстве, они «соблазняют» сельскохозяйственный пролетариат перспективой превращения рабочего в мельчайшего крестьянина.

«На практике,—пишет Крюгер,—следовало бы женатым рабочим, проработавшим определенное количество лет в одном и том же предприятии, давать сначала землю в аренду, а затем, когда выяснится, что они справляются со своей задачей, они должны будут получить землю в собственность... или же наследственное право обработки. Таким образом прилежный и деятельный рабочий получил бы возможность постепенно улучшать свое положение на месте своего жительства, и в процессе, правда, *долго продолжающегося, но органического развития* произошло бы уменьшение крупного землевладения в пользу теперешних безземельных классов».

Более ясно сказать нельзя: сельскохозяйственный рабочий должен разделаться с социалистическими «иллюзиями» и осознать, что его цель—в результате «долго продолжающегося, но органического развития» превратиться в беднейшего мелкого буржуа.

Именно по этому поводу «пляшет и скачет» старый ревизионист Paul Kampffmeyer, который с величайшей радостью приветствует «новые» ревизионистские ноты в программной «музыке» социал-демократии[1]).

«*Сельскохозяйственный рабочий вообще не хочет превратиться в члена социалистической крупнопроизводственной кооперации и хотел бы стать мелким земельным собственником... Теперь проект аграрной реформы открывает с.-х. рабочим путь к приобретению земельной собственности* и защищает крестьянские хозяйства в их теперешнем состоянии».

Само собою понятно, что партия революционного пролетариата не может *насильно* противиться переходу некоторых с.-х. рабочих к мелкому собственному хозяйству. Но, во-первых, возможность некоторого развития подобного хозяйства обеспечивается *только* захватом власти в руки пролетариата, т.-е. установлением диктатуры пролетариата; во-вторых, авангард революционного рабочего класса должен неустанно раз'яснять сельскохозяйственному пролетариату, что его экономическое освобождение обеспечивается только строительством социализма, только развитием и укреплением социалистических форм в сельском хозяйстве; что *генеральной линией*, по которой должны двигаться массы сельскохозяйственного пролетариата, установившие под руководством индустриальных рабочих и вместе с ними пролетарскую диктатуру, является линия на строительство и укрепление обобществленного социалистического хозяйства. Это особенно верно в отношении передовых, экономически развитых стран, к числу которых принадлежит Германия. А социал-демократы, во-первых, сеют в рабочих массах иллюзии, что в *условиях господства капитализма* с.-х. пролетарии могут добиться положения более или менее обеспеченных самостоятельных мелких производителей; во-вторых, *вообще* «отбивают» их от социализма, подогревая пережитки мелкобуржуазной идеологии в с.-х. проле-

[1]) «Bauer und Sozialdemokratie» von Paul Kampffmeyer «Sozialistische Monatshefte», April, 1927 г.

тариате и противодействуя усилению социалистических стремлений, роднящих с.-х. рабочих с индустриальными.

Спасение сельскохозяйственного пролетариата заключается в превращении рабочего капиталистического общества в мельчайшего буржуа—таков основной мотив «социалистической» аграрной программы. Мало этого. Индустриальный пролетариат тоже должен забыть о социализме и, не покладая рук, сколачивать копейку для создания собственного маленького хозяйства.

«Так же, как и фабричный рабочий может иметь свой *дом и сад*, так и с.-х. рабочий может иметь свой домик и поле без того, чтобы предприятие лишилось его рабочей силы».

Социал-демократы забыли, как осмеивал Энгельс этот «социализм дома и сада», говоря как раз о *немецком* рабочем:

«Здесь мы это видим ясно: то самое, что на прежней исторической ступени было основой относительного благосостояния рабочего,—связь земледелия с промышленностью, владение домом, огородом и полем, обеспеченное жилище,— все это теперь, при господстве крупной промышленности, является не только тормозом для рабочих, но и большим несчастьем для всего класса рабочих: основанием для беспримерного понижения рабочей платы ниже ее средней высоты, притом не только в отдельных отраслях промышленности, но повсюду, во всей национальной промышленности» [1]).

Не в собственном домике и собственном саде освобождение пролетариата, а в экспроприации капиталистов, в овладении всеми теми богатствами, которые созданы руками рабочих и которые монополизированы буржуазией. Социал-демократы последовательно защищают интересы капитала и крупного землевладения против пролетариата и мелкого крестьянства.

Они *против* революционного насилия над эксплоататорами; они *за* сохранение монопольных позиций господства за капиталистами и помещиками; они *против* завоевания сельскохозяйственного пролетариата и мелкого крестьянства на сторону социализма; они *за* такие мероприятия, которые *усиливают* зависимость с.-х. рабочих и мелкого крестьянства от помещика, буржуазии и империалистического государства.

Тем необходимее неустанно доказывать массам, что освобождение трудящихся не может быть достигнуто без решительной настойчивой, острейшей борьбы с контрреволюционной социал-демократией.

* * *

Аграрный вопрос играл в дискуссии перед Кильским партейтагом (май 1927 года) исключительно большую роль. «Левые» оппозиционеры пытались даже выступить по этому вопросу со своей особой платформой. Они пришли на с'езд со *своим проектом* аграрной программы, противопоставлявшимся официальному, утвержденному ЦК, проекту аграрной комиссии. В дискуссии подчеркивалась *принципиальность* вопроса, его связанность с основными проблемами социализма, намекалось, что от опреде-

[1]) Фридрих Энгельс. «Жилищный вопрос». Статьи из «Народного Государства».

ленного решения этого вопроса зависит *все политическое будущее социал-демократии.*

«Мы должны отдавать себе полный отчет в том,—заявлял, напр., Отто Енсен на партейтаге в Хемнице [1]),—что речь идет здесь не только о хорошей или плохой аграрной программе, но, в конечном счете, о *направлении всей нашей дальнейшей политики*» [2]).

«Левые» убеждали, угрожали, изобличали, осуждали, «гремели» фразами об измене марксизму; проект аграрной программы характеризовался некоторыми «оппозиционерами» прямо как буржуазно-реформистский документ.

«При сильнейшем подчеркивании требований дня, которые мы всегда представляли, мы должны вообще сказать, что *проект программы, рассматриваемый с хозяйственно-политической и земельно-правовой точек зрения, становится под знамена буржуазных земельно-реформистских стремлений, под влиянием которых мы сильно подпали вместо того, чтобы эти стремления оплодотворить социалистически* (!?)».

Так характеризовал официальный проект с.-д. аграрной программы на страницах «Фольксштимме» [3]) с.-д. Шенкер. Подобная оценка официального проекта среди «левых» отнюдь не единична. Тот же тон звучал и на партейтаге в Лейпциге; те же нотки звучали даже в статье К. Каутского, критиковавшего проект в высшей степени «лойяльно» и защищавшего, как он думает, «последовательно-социалистическую» концепцию.

Шуму было много. И «крамольные» речи Кретцена на Лейпцигском партейтаге и резкая критика «левого» Отто Енсена, как свидетельствуют «Лейпцигер Фольксцейтунг» и «Фольксштимме», встречали единодушное одобрение аудитории.

На первый взгляд политически мало искушенного читателя казалось, что надвигаются серьезные времена, что внутри партии должна завязаться ожесточенная борьба. Шутка ли: можно ли ладить с руководящим партией течением, которое нельзя характеризовать иначе, как «буржуазно-реформистское»?

Но «не все золото, что блестит», и не всякий, кто «гремит» радикальной фразой, является революционером.

На деле оказалось, что на Кильском с'езде проект аграрной программы, включивший лишь некоторые частные поправки и *оставшийся прежним в своей основе, был принят единогласно.*

Левые «революционеры» голосовали со спокойной совестью за буржуазно-реформистский проект. Вся оппозиционная шумиха с фразерским треском оказалась «бурей в стакане воды». «Левые» овечки, пытавшиеся изобразить собою львов, покорно пошли за Гильфердингом, Бааде, Крюгером и другими заядлыми реформистами, которые *целиком и полностью* капитулировали перед ревизионизмом Давида и его соратников. Последнее обстоятельство очень «трогательно» признает г-н Фриц Геллер в статье, носящей громкое название «Отцы против собственного дитяти». Автор вынужден признать, что «буржуазно-реформистский» папаша (Гильфердинг как собирательное лицо) скушал

[1]) См. «Volksstimme», 1927 г., № 81.
[2]) Курсив редакции газеты.
[3]) «Volksstimme», 1927 г. № 78.

свое «социалистическое» идейное дитя. И тем не менее... возмущенные чудовищным «поступком» папаши «левые наблюдатели» единогласно одобрили на Кильском партейтаге его поступок. Все-таки отменные подлецы эти «левые разоблачители»!

А, ведь, для революционного марксиста не могло быть никаких сомнений в том, что «левые вожди» капитулируют, что они *непременно* еще раз демонстрируют свою реформистскую природу и еще раз обманут искренне-оппозиционных, лево-настроенных социал-демократических *рабочих*.

Разногласия, разделявшие «левых» и «правых», по сути дела, весьма и весьма незначительны; *принципиальных* различий в подходе тех и других к разрешению аграрного вопроса *нет и не было*. Отсюда—неизбежность капитуляции «левых».

В самом деле. Что, прежде всего, *формально* отличает «левых» от «правых»? На отсутствие чего в проекте вторых напирали первые? На отсутствие «социализма», на отсутствие перспективы «социализации». Правда, фронт «левых» здесь не был единым. Мы уже знаем, что попавший в ряды «левых» К. Каутский (хороша же «левизна» того течения, к которому примкнул реформист из реформистов и проповедник контрреволюционной интервенции в СССР Каутский!), не считает грехом отсутствие в программе социалистических перспектив.

Но в проекте «левых», составленном по поручению Лейпцигского партейтага, этому моменту уделено особое внимание.

Авторы проекта заявляют, напр., что «преодоление стесняющих сельскохозяйственный прогресс препятствий возможно лишь на основе социализации земли» [1]).

В этом же духе высказываются и различные представители «левых», писавшие об аграрной программе. Так, напр., Г. Гофман [2]) пишет, что «только социализированное хозяйство может положить конец этим жалобам (жалобам сельских производителей. *А. С.*) и «обеспечить рациональную постановку крупного предприятия к выгоде всего общества». То же самое подчеркивает Отто Енсен, заявляющий, что в проекте недостает главного: *социализма* [3]). На это же напирает и Фриц Геллер в уже цитированной нами статье «Отцы против собственного дитяти» [4]).

Словом, «левые» стоят *формально* на почве «социализации» сельского хозяйства, «социализации», дополняющей «социализацию» индустрии.

Но исторический опыт уже показал, что без захвата власти пролетариатом ни о какой социализации не может быть и речи. Поэтому лозунг социализации без лозунга диктатуры пролетариата—«звук пустой», *оппортунистическая фраза*.

Однако, подобной смелости—*лозунга диктатуры*—«левые» себе позволить не решаются. Они настаивали всего лишь на внесении в программу упоминания о том, что *когда-то*, *где-то* и *как-то* должна притти всеспасающая «социализация»; они стояли за «хороший тон», за традицию в форме. В аграрной комиссии с'езда они должны были «понять», что *суть* не в том, что «идеоло-

1) «Leipziger Volkszeitung», 1927 г., № 82. «Richtlinien für ein Agrarprogramm», 1927 г., № 86.

2) Die Agrarswirtschaft im Kapitalismus» von H. Hoffmann, «Volksstimme», 1927 г., № 86.

3) См. «Reichsparteitag und Agrarprogramm». Ein Vortrag Jenssen. «Volksstimme», № 81.

4) «Leipziger Volkszeitung», 1927 г. № 72.

гический привесок» в виде лозунга социализации не может изменить *буржуазно-рационализаторских* принципов программы; что поскольку и «правые» и «левые» стоят за «*эволюционное врастание в социализм*», постольку на данной стадии, пока социализм-де еще не является «проблемой сегодняшнего дня»,— общей почвой для тех и других является поддержка капиталистического «прогресса» в сельском хозяйстве.

Что касается коренного вопроса о *власти*, от правильного решения которого зависит правильное разрешение всех социально-экономических вопросов—и в том числе аграрного вопроса, то дело ограничилось невинным указанием аграрной комиссии на то, что «освободительная борьба сельскохозяйственного пролетариата будет тем более успешной, чем сильнее будет политическая сила пролетариата» [1]).

Поскольку «левые» не посмели стать на точку зрения диктатуры пролетариата; поскольку «социализация» в силу этого повисла в воздухе бессильной фразой,—постольку, естественно, из-за лозунга социализации между «правыми» и «левыми» не могло произойти серьезной борьбы. Нет революционной борьбы за власть, а есть курс на поддержку буржуазной демократии. Нет перспективы революционной борьбы за социализм, а есть курс на капиталистическую рационализацию сельского хозяйства, которая-де со временем «подготовит» «социализм». Эти мотивы типичны и для «левых» и для «правых». Вполне понятно, что при таких условиях «левые» сдали свои позиции и голосовали за программу, которая, по их же определению, является программой «без социализма».

«Левые» указывали далее на то, что в официальном общепартийном проекте программы центр тяжести перенесен на крестьянский вопрос, а не на вопрос о классовой борьбе сельскохозяйственного пролетариата. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что речь идет здесь лишь о «словесных пропорциях»: одни предлагают *сказать* о сельскохозяйственном пролетариате количественно больше; другие—*сказали* меньше. Но *качественно*—и теми и другими говорится *одно и то же*.

В официальном проекте *говорится* о поддержке экономической борьбы сел.-хоз. пролетариата в *условиях буржуазной демократии* (и *только об этом*); об этом же *говорится* и в «оппозиционном» проекте; и в том и в другом проектах указано на «необходимость» повышать культурный уровень с.-хоз. пролетариата (что стоит это сказать?), и в том и в другом проектах указано на «необходимость» развития товарищеских, кооперативных, хозяйственных, производственных и сбытовых об'единений, которые должны «подготовлять» под руководством сельскохозяйственного пролетариата «социалистические» формы в сельском хозяйстве.

«Левый» Каутский довольно интересно «раз'ясняет» этот генеральный курс на кооперативы и товарищества в условиях господства капитализма [2]).

«Во всяком случае она (т. е. программа действий. *А. С.*) не должна пройти мимо опыта производственных товариществ сельскохозяйственных рабочих Италии, товариществ, которые

1) «Bericht der Agrarkomission», «Vorwärts», 1927 г., № 249.

2) См. «Der Kleinbetrieb in der Landwirtschaft» von K. Kautsky, «Leipziger Volkszeitung», 1927 г., № 68.

в своей организации имели определенный успех. Тот факт, что фашизм их растоптал, совсем не является основанием игнорирования их *со* стороны немецкой социал-демократии».

«Установка» кристалльно-ясная: будут ли у власти помещики, монархисты, фашисты, заядлейшие реакционеры; будут ли находиться экономические командные высоты (банки кредитные учреждения и все экономические регулирующие органы) в руках аграриев и контрреволюционных буржуа—суть дела для социал-демократов не меняется («совсем не является основанием» и т. д.): они будут твердить, что путь к социализму в условиях господства капитализма *возможен* через производственные товарищества.

Пусть последние растаптываются фашизмом,—Каутские не сделают из этого никакого *нового* вывода; они обещают и впредь сеять оппортунистические иллюзии, будто бы *при власти помещиков и капиталистов сельскохозяйственные рабочие могут «врастать в социализм»*!

Правда, «левым» показалось конфузным, что официальные аграрные теоретики социал-демократии указывают еще и *другой* путь «движения к социализму» в условиях господства капитализма: путь превращения сельскохозяйственных рабочих в мелких крестьян, ведущих «карликовое» хозяйство. По этому поводу К. Каутский пишет [1]), что подобный путь, в случае своего осуществления,

> «сделал бы невозможным иной тип развития сельскохозяйственного производства, чем мелкокрестьянский. Тем самым исключена была бы возможность помощи сельскохозяйственным рабочим, ибо их переход в ряды «карликовых» крестьян закрыл бы им путь к культурному под'ему, который им, как сельскохозяйственным рабочим, обеспечивает под'ем пролетариата и его прогресс, достигаемые прежде всего в индустрии и неизбежно воздействующие далее на наемный труд в сельском хозяйстве».

Даже привыкшего к пропаганде буржуазных пошлостей Каутского затошнило от обещаний социал-демократов обеспечить сельскохозяйственным рабочим, в условиях капиталистического господства, переход к мелкому (отныне, согласно социал-демократическим прописям, «превосходящему» крупное) сельскому «самостоятельному» производству. Отрицательное отношение к этой перспективе выражено и в «оппозиционном» проекте аграрной программы [2]).

> «Наделение сельскохозяйственных рабочих мелкокрестьянским земельным владением,—читаем мы в проекте,—означало бы только умножение в сельском хозяйстве и без того столь многочисленных «самостоятельных» производителей с жалким уровнем хозяйства, которые, хотя и стоят между пролетариатом и средними слоями, но социально и духовно образуют приверженцев буржуазного класса. Превращение сельскохозяйственных рабочих в мелких крестьян не может ничего изменить, кроме формы их эксплоатации, с одновременным отчуждением новых самостоятельных производителей от рабочего класса».

[1]) Там же.
[2]) См. «Richtlinien für ein Agrarprogramm», «Leipziger Volkszeitung» 1927, № 82.

Однако, после того, как *отцы* реформизма выпороли «левых» болтунишек, последние «поумнели». Тот же Каутский, как и различные представители «левых», сам признает, что вся эта перспектива совершенно неосуществимая и утопичная. Вместе с тем в аграрной комиссии с'езда был вскрыт истинный агитационный—и только голо-агитационный—смысл подобных обещаний. «Сделать—ничего не сделаем, а поддержку отсталых слоев сельскохозяйственного пролетариата этими обещаниями можем приобрести»—таков «смысл философии сей».

И эту философию «левые» прекрасно усвоили. «Принципы» и проч. они выбросили за борт и, забыв свою критику, голосовали за проект более умных и практичных «правых» руководителей партии, набивших руку на оппортунистическом делячестве и агитационно-обманном фразерстве.

Наиболее сильную атаку «левые» вели против «крестьянского уклона» партийного руководства.

На Лейпцигском партейтаге, как и в проекте «левых», написанном согласно решению Лейпцигского партейтага, этот «крестьянский уклон» был решительно осужден.

В оппозиционном проекте [1]) было подчеркнуто, что социал-демократия «не может давать ему (т.-е. мелкому владению. *А. С.*) никаких обещаний, которые идут по линии требований средних слоев», что «ошибочны все мероприятия, которые имеют целью искусственно сохранить эти мелкие предприятия или умножить их число»; «левые», полагающие, что авторы проекта аграрной программы, утвержденного ЦК, руководствовались ориентацией на «средние слои», заявляют о своем несогласии с проектируемой аграрной реформой и т. д.

Обоснование этой позиции дано Каутским в уже цитированной нами статье [2]).

Матерой оппортунист, конечно, не преминул указать, что «социал-демократия выступает в защиту всех угнетенных и эксплоатируемых без различия их пола, расы, класса (даже «класса»!? *А. С.*), религии».

Тем не менее на всем протяжении своей статьи К. Каутский доказывает, что пролетарская партия не должна вступать на путь реальной помощи эксплоатируемым слоям крестьянства, ибо эти слои непримиримо враждебны пролетариату.

Каутский стремится всемерно запутать вопрос, напустить туману, но это не меняет сущности его позиций, направленных против мелкого и среднего крестьянства.

В сельском хозяйстве еще сохранилась власть помещика, сплошь и рядом не ведущего хозяйства на большей части принадлежащей ему земли и живущего—в весьма значительной мере—на ренту. Даже коллеги Каутского не стесняются в выражениях по поводу хозяйственной роли этих помещиков, как и по поводу происхождения их земельной собственности.

Вопрос ставится резко, прямо, неотвратимо: *должна или не должна партия революционного пролетариата разрешить земельный вопрос путем экспроприации крупного землевладения, представляющего и экономически и политически реакционнейшие слои*

[1]) Там же.
[2]) См. «Der Kleinbetrieb in der Landwirtschaft» von K. Kautsky, «Leipziger Volkszeitung», 1927 г., № 68.

общества, в пользу мельчайшего, мелкого и среднего крестьянства? Каутский увиливает, прежде всего, от подобной постановки вопроса, увиливает жульнически, нечестно.

Мы уже указывали, что Каутский защищал необходимость исключения из программы требований социалистического порядка, поскольку-де социализм наступит еще не скоро; что Каутский предлагал ограничиться в программе требованиями *досоциалистической* программы действий в аграрной области.

Но при подобной постановке вопроса (ее неверность в отношении социализма мы уже вскрывали)—логически совершенно неизбежна, прежде всего, постановка вопроса о помещичьем землевладении, представляющем собою видоизмененную капитализмом, но сохранившую на себе печать феодализма социальную категорию.

Последовательность обязывает Каутского перенести—при его постановке вопроса—центр тяжести *именно в эту* область.

Посмотрите теперь, как передергивает Каутский, как он вертится и лицемерит, как он выдумывает «круглую» формулу, смазывающую основные противоречия в слоях сельскохозяйственного населения [1]).

> «Для *социалистической* аграрной программы важен вопрос *не о различиях между латифундией, с одной стороны, и всеми мелкими производственными единицами, с другой стороны, а различие между мельчайшим крестьянским производством, которое обслуживается силами семьи, обходясь без наемной рабочей силы, и всеми высшими классами, основой хозяйствования которых является применение наемного труда*».

Каутский, таким образом, предлагает видеть в сельском хозяйстве лишь две социально-экономических силы: *капиталистов и простых товаропроизводителей*. Он бежит от анализа диалектически-сложной системы реальных отношений, от анализа *главных*, определяющих соотношений и прикрывается наиболее невинной универсальной формулой.

В соответствии с формулой об «исключении социализма» *он сбрасывает со счетов в своей центральной «социалистической» формуле сельскохозяйственный пролетариат*. Тем самым заслуживший его особое внимание капиталистический класс повисает в воздухе: где же и когда существовал и существует эксплоататор наемной рабочей силы без об'екта эксплоатации? Где и когда капиталист существует без рабочего?

С другой стороны, Каутский *выбрасывает из поля своего внимания крупного землевладельца, как такового, помещика, как такового*. Тем самым формула проходит мимо отношений помещика и крестьянства, в которых наиболее сохранились элементы полуфеодального характера.

Хороша же «центральная» формула «социалистического» политика, которая *проходит мимо двух главных систем общественных отношений* в деревне: 1) *отношений капиталистов и сельскохозяйственных рабочих* и 2) *отношений помещиков и широких слоев трудящегося крестьянства*!

Беззубая, однобокая, не охватывающая главных типов классовых соотношений в сельском хозяйстве, формула Каутского

[1]) Там же.

свидетельствует, конечно, не только о примитивизме и формализме его *теоретической* концепции; она свидетельствует и о его серьезнейших *политических* ошибках.

Каутский не только выключает из своей формулы борьбу сельскохозяйственного пролетариата, совместно с индустриальным пролетариатом за социализм, но *выключает и борьбу крестьянина, возглавляемого пролетариатом, против крупного землевладения*. На всем протяжении своей статьи *Каутский* доказывает *вредоносность раздела помещичьих земель, вредность экспроприаторских стремлений в отношении крупного землевладения*.

Но давайте присмотримся поближе к социал-демократическим постановкам вопроса о *крестьянстве*. Каутский не оспаривает того, что подавляющее большинство крестьян является *простыми товаропроизводителями*. Как же—по Каутскому—следует оценить отношения этого простого товаропроизводителя—в конкретном, развитом капиталистическом обществе—к *крупному землевладельцу, индустриальному капиталисту и пролетарию?*

Говоря о соотношении крестьянства и крупного землевладения, Каутский проводит резкую грань между преимущественно сельскохозяйственными странами, *вывозящими* хлебный избыток на внешний рынок, и индустриально-развитыми странами, *ввозящими* хлеб из-за границы.

Для стран, *ввозящих* хлеб, Каутский считает неизбежным *тесный союз крестьянства и крупного землевладения*.

> «Все крестьянские элементы, которые получают их денежный доход не как заработную плату, а как цену за продаваемые ими продукты земледелия,—пишет Каутский о высоко-развитых индустриальных странах,—чувствуют себя при таких условиях вынужденными поддерживать политику помещиков, повышающих пошлинами и другими средствами цены на продукты земледелия и удорожающих питание сельскохозяйственного пролетариата.
>
> *Опыт показывает, что в индустриальном государстве интерес землевладельца настолько превалирует в самостоятельном крестьянине, что это толкает его к укреплению рядов аграриев и восстанавливает против пролетариата, требующего дешевого питания. Никакая аграрная программа не может этого изменить*».

Необходимо прежде всего осознать всю серьезность выводов, которые вытекают из подобного положения Каутского.

Германия является высоко-развитой в индустриальном отношении страной, ввозящей 30—40% средств питания, потребляемых внутри ее [1]). Значит, в отношении Германии, по Каутскому, *неизбежен союз основной массы крестьянства с помещиком, и невозможен союз этой массы с пролетариатом*.

А так как, по признанию самих социал-демократов, *пролетариат не может провести в жизнь ни одного серьезного изменения в общественной системе против воли крестьянства*, при враждебном отношении со стороны крестьянства [2]), то, стало

[1]) См. «Betrachtungen zum Agrarprogramm», von W. Schenker, «Volksstimme», 1927 г., № 78.

[2]) См., напр., ст. «Proletariat und Bauernschaft» von W. Woytinsky. «Die Gesellschaft». 1926 г., Erster Band.

быть, при подобных посылках, *проведение социалистических мероприятий невозможно до тех пор, пока существуют значительные массы крестьянства.*

Если же принять во внимание, что, согласно теперешним воззрениям социал-демократов, *мелкое производство в сельском производстве—в противоположность индустрии—имеет преимущество перед крупным*, то впереди—по расчетам социал-демократов—*предстоит перспектива роста мелкого производства* за счет крупного, из чего вытекает, что *социализм вообще невозможен.*

Социал-демократы заходят, таким образом, в тупик. Но «не так страшен чорт, как его малюют».

Сам Каутский, статьи которого теперь, как правило, кишат противоречиями, отмечает в этой же статье, уже цитированной нами, что социал-демократы всегда понимали и подчеркивали, что мелкое крестьянство, составляющее громадное большинство крестьянской массы, не столько продает хлеб, сколько его покупает.

> «Одним из важнейших наших аргументов против хлебных пошлин перед мировой войной была ссылка на то, что *многочисленные мелкокрестьянские предприятия не производили никакого избыточного хлеба, а должны были сами прикупать хлеб к произведенному ими».*

Этот факт не оспаривался Каутским раньше, не оспаривается им и теперь. В данной связи то обстоятельство, что та или иная страна является *импортирующей* предметы питания, а не экспортирующей, не играет никакой роли. *Вывозит страна хлеб или ввозит,—все равно мелкое крестьянство прикупает хлеб; все равно оно выступает на рынке в качестве покупателя продуктов сельского хозяйства. Это факт, который нельзя опровергнуть.*

Если же мелкое крестьянство выступает в гораздо большей мере покупателем сельскохозяйственных продуктов, чем их продавцом, то тем самым исчезает почва для экономического и политического союза мелкого крестьянства с помещиками, исчезает почва совместной борьбы за повышение цен на продукты сельского хозяйства, за введение аграрных пошлин и пр. Таким образом, теряет силу главный аргумент Каутского в *пользу* неизбежности союза основной массы крестьянства с крупным землевладением. На деле оказывается, что этот аргумент—поскольку речь идет об основных массах трудящегося крестьянства, о мелком крестьянстве—является аргументом *против* возможности прочного и длительного союза помещика с мелким крестьянином. Но если Каутский приводит *единственный* и *несостоятельный* довод *в пользу* союза помещика и мелкого крестьянина, то он совершенно замалчивает *факторы классовой борьбы* помещиков и мелких крестьян. Социал-демократы много кричат о своеобразии экономического и социального развития в области сельского хозяйства. Но можно ли понять это своеобразие без анализа *земельных отношений*, без анализа отношений *землепользования?*

Каутский замолчал именно эту *важнейшую* сторону дела. Он пытался доказать, что мелкое крестьянство вместе с помещиком заинтересовано в повышении ренты в форме повышения цен на продукты сельского хозяйства. Вступив на этот путь, Каутский оказался в противоречии с фактами, достоверность которых он не оспаривает сам. Мост, который в этом случае Каутский перебросил от помещиков к мелким крестьянам, оказался непрочным: одни от других отделяются на деле пропастью. Стремление помещика вздуть ренту находит далее свое выражение в *повышении арендной платы, в повышении цены на землю*. Почему Каутский замолчал тот факт, что эти стремления помещиков решительно противоречат интересам сельского мелкого производителя, испытывающего нужду в земле, в течение веков носящего ярмо малоземелья? Почему он замолчал это решающее, важнейшее противоречие, этот фактор, без внимания к которому нельзя понять ни исторического прошлого, ни действительной картины современных отношений?

Каутский предлагает закрыть глаза на эти решающие противоречия, пытается «породнить» помещика с мелким крестьянином, призывает пролетариат плюнуть на мелкое крестьянство, как на совершенно чуждую ему социальную силу и с удивительным педантизмом твердит об утопичности планов экспроприации крупного землевладения и пр.

> «Это смешная утопия думать, что возможно обеспечить каждому вырастающему крестьянскому сыну предприятие, достаточное для его пропитания».

Нет спору, «земля не резина», земли—ограниченное количество. Но вытекает ли из этого, что землю надо оставить у помещиков? Не вытекает ли для действительного защитника интересов эксплоатируемых масс—из этого факта обратное? Не обязан ли пролетарский революционер бороться за ликвидацию остатков феодализма?

Коллега Каутского, социал-демократ Альбрехт, анализируя земельные отношения, замечает [1]):

> «И далее—вновь приобретенное познание, что *большие скопления земель не могут рассматриваться как проявления капиталистического развития, но являются феодальными образованиями, возникшими благодаря насилию завоевателей и политической силе дворянства».*

С каких пор борьба против остатков феодализма—для объявляющего себя марксистом—стала «утопией», «реакционной» политикой и пр.?

«Левые» Каутские *укрывают помещика*, защищают привилегии крупного землевладения, и, прикрываясь фразами о «законах исторического развития», которые они разучились понимать уже давно, предлагают оставить за помещиком все, что он имеет, предлагают не вмешиваться в земельные отношения.

«Оппозиция» усмотрела в проекте аграрной программы, утвержденном ЦК, «крестьянский уклон»; она испугалась, что социал-демократы могут всерьез бороться за раздел помещичьих земель между мелкими крестьянами.

Но мы уже доказали раньше, что принципы аграрной программы, исключают возможность серьезных изменений в земельных отношениях; что авторы проекта, в общем и целом, стоят на почве сохранения привилегий крупного землевладения.

[1]) «Der Entwurf des sozialdemokratischen Agrarprogramms 1. Die Bodenrechtsfrage» von Otto Albrecht, «Die Arbeit», 1927 г., Heft, 4.

Тем самым—*на деле* между господствующим в партии течением и оппозицией исключается возможность принципиального разногласия в этом вопросе.

Составители официального проекта говорят: мелкому крестьянству надо помочь, мы за мелкое крестьянство—а предлагают, по сути дела, программу, *защищающую крупное землевладение и предполагающую сохранение его привилегий.*

Вторые заявляют: марксист не может стоять за утопические планы укрепления мелкого производства: поэтому *мы против радикальной земельной реформы в пользу мелкого крестьянства, мы за сохранение привилегий крупного землевладения.* С точки зрения *логики*, вторые последовательнее, — зато первые поумнее с точки зрения политического делячества.

Но *основной практически-политический вывод* у тех и других *один и тот же*; поэтому Кильский с'езд имел возможность выразить удовлетворение по поводу *единогласного* принятия аграрной программы. Поэтому оппозиционная борьба в этой области, как и в других, оказалась бутафорией. Поэтому «левые»—по своему существу—такие же предатели интересов пролетариата и трудящегося крестьянства, как и «правые».

Вся беспросветность оппортунизма «левых» соратников «правых» социал-демократических дельцов становится особенно очевидной, когда мы обращаемся к их суждениям об *отношении простого сельского товаропроизводителя* (т.-е. мелкого и среднего крестьянина) *к буржуа и пролетарию.* Каутский предлагает смотреть пролетарию на простого сельского товаропроизводителя глазами «своего хозяина», капиталистического предпринимателя.

Интересы рабочего и мелкого и среднего крестьянина—по Каутскому—решительно расходятся, потому что рабочий заинтересован в низких ценах на предметы питания, а мелкий и средний крестьянин в высоких.

Вспомните еще раз, какие выводы на основании этого положения сделал Каутский:

> «...В индустриальном государстве интерес землевладельца настолько превалирует в самостоятельном крестьянине, что это толкает его к укреплению рядов аграриев и восстанавливает против пролетариата, требующего дешевого питания. *Никакая аграрная программа не может этого изменить*».

Здесь заключено несколько грубейших оппортунистических ошибок.

Во-первых, Каутский, как мы уже указывали, замалчивает тот факт, что *мелкое крестьянство* гораздо больше выступает в качестве покупателя, чем продавца сельскохозяйственных продуктов и потому не заинтересовано в повышении цен на эти продукты, а заинтересовано в обратном.

Во-вторых, говоря о *неизбежности* блока среднего крестьянина с крупным землевладельцем («никакая аграрная программа не может этого изменить»), Каутский исходит из той посылки, что крупный землевладелец неизбежно сохраняет свое господствующее привилегированное положение в сельском хозяйстве. Но это-то как раз и можно изменить; это-то как раз и будет изменено. Если крупное землевладение, как таковое, уничтожается (а это может произойти только при успешном развитии пролетарской революции, защищающей интересы всех угнетенных), то отпадает самая возможность подобного блока, отпадает возможность усиления в среде трудящегося крестьянства тенденций в пользу союза с крупным землевладением, *которого уже нет.* Наоборот, уничтожение крупного землевладения и раздел значительной части помещичьих земель (другая часть остается у пролетарского государства) породит у крестьян стремление не допустить реставрации крупного землевладения.

В-третьих, Каутский не может и не хочет понять тех классовых соотношений, которые устанавливаются *после* укрепления диктатуры пролетариата.

Все его посылки исходят из признания «вечности» капиталистической системы с сохранением привилегий крупного землевладения в сельском хозяйстве. Но возьмите ту же проблему соотношения пролетария и мелкого простого товаропроизводителя в условиях *диктатуры пролетариата* и посмотрите при *такой* посылке, насколько Каутский погряз в оппортунизме в своих выводах.

Каутский не допускает возможности блока пролетариата и простого сельского товаропроизводителя, потому что, дескать, их разделяет борьба за цены (первый стоит за понижение цен на продукты сельского хозяйства; второй—за повышение их).

Но разве в Советском Союзе не ведется борьба за сжатие «ножниц», разве пролетариат, взявший власть в свои руки, не старается изжить явления ненормального снижения цен на продукты сельского хозяйства? Разве диктатура пролетариата не руководствуется в своей политике в отношении крестьянства *совсем другим критерием*, чем монополистический «загнивающий» капитализм?

Каутский смотрит на простого сельского товаропроизводителя глазами капиталистического *предпринимателя*, — поэтому ему не дана возможность правильной постановки и правильного разрешения проблемы.

Каутский усиленно «роднит» бедных и средних крестьян с помещиком и «отчуждает» их от пролетария.

Исходя из неверных посылок, он этими посылками пытается теоретически «оправдать» отказ от борьбы с помещиком, отказ от помощи крестьянству.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что «левые» и «правые» едины в *существе* своей аграрной программы.

И «правые», и «левые» единогласно приняли аграрную программу, в которой защищаются *интересы крупного землевладения против крестьянства, интересы капиталистического предпринимателя против эсплоатируемых слоев сельского населения.*

Именно поэтому аграрная программа оказалась на Кильском с'езде в мае 1927 г. *единогласно* принятой, именно поэтому широкие массы мельчайшего и мелкого крестьянства могут и должны связать свою судьбу с пролетариатом, борющимся за освобождение всех трудящихся, с его коммунистической партией.

Коммунисты связывают свои требования в аграрном вопросе с борьбой за диктатуру пролетариата.

Они утверждают, что только установление диктатуры пролетариата обеспечит радикальное разрешение аграрного вопроса

в интересах широких слоев трудящегося крестьянства. Только пролетарская диктатура способна экспроприировать крупное землевладение; только она обеспечит обращение экспроприированных земель в пользование трудящихся масс: часть для организации и развития социалистических крупных сельскохозяйственных предприятий, часть—для бесплатного наделения наиболее нуждающихся в земле слоев крестьянства.

Только диктатура пролетариата способна повести в отношении крестьянства политику, избавляющую широкие массы простых сельских товаропроизводителей от перемалывания жерновами капиталистического развития, от разорения, нищеты, роста эксплоатации; только она обеспечит этим массам постепенный переход к социализму на основе блока пролетариата с крестьянством, на основе сочетания интересов того и другого в условиях гегемонии пролетариата.

Опыт классовой борьбы поможет крестьянству усвоить эту истину и понять гнуснейший обман, который предприняли в отношении крестьянства социал-демократы.

Ибо «классы обмануть нельзя».

М. Шефлер.

Не довольно ли рецептов?

«Поэтому, нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас».

(Ленин—„О кооперации“, т. XVIII, ч. 2, стр. 142).

За последнее время в связи с подготовкой к XV с'езду партии снова начинаются со стороны отдельных оппозиционно настроенных членов нашей партии попытки превратить партию в дискуссионный клуб.

Широкая партийная масса отлично понимает, что не время сейчас заниматься «перманентными» дискуссиями, что необходимо все усилия партии сосредоточить на укреплении положения Союза ССР, на творческой работе строительства социализма и на осуществлении безусловного единства партии.

Отличительной чертой оппозиционной критики текущего периода является ее необычайная «разносторонность» постановки сразу «всех» вопросов *во всю ширь*.

Не касаясь здесь истинных корней такого «всестороннего» охвата оппозиционной критикой *всех* вопросов, *всей* практической работы нашей партии (корни эти и так достаточно видны),—в настоящей статье мы ограничимся лишь одной областью работы, которая вместе со всеми другими удостоилась чести оппозиционной критики.

Мы коснемся здесь указаний оппозиции по вопросам строительства сельскохозяйственной кооперации и системы сел.-хоз. кредита на фоне общей критики политики нашей партии в деревне.

«*Дифференциация* крестьянства идет все возрастающим темпом. От лозунга «обогащайтесь», от призыва к кулаку «врастать» в социализм руководящее ядро ЦК пришло к замалчиванию расслоения крестьянства, к преуменьшению этого расслоения, с одной стороны, и к практической ставке на крепкого крестьянина—с другой».

Таково основное обвинение, выдвигаемое «блоком».

Откуда все это? Каковы факты, цифры, доказательства?

Между тем цифры таковы[1]) (см. верхн. табл. на 34 стр.):

Из этих данных видно, что никакого процесса резкой и неблагоприятной для нашей политики дифференциации крестьянского хозяйства не наблюдается, что, наоборот, происходит медленное (к сожалению, конечно, слишком медленное) сокращение процента хозяйств, менее обеспеченных посевной площадью, и за

[1]) Из статистического справочника СССР за 1927 г., издание ЦСУ.

Группировка крестьянских хозяйств по посевным группам в %%.

Республики.	Без посева и с посевом до 0,09	От 0,1 дес. до 1,0 дес.	От 1,1 дес. до 2,0 дес.	От 2,1 дес. до 3,0 дес.	От 3,1 дес. до 4,0 дес.	От 4,1 дес. до 6,0 дес.	От 6,1 дес. до 8.0 дес	От 8,1 дес. до 10,0 дес.	От 10,1 дес. до 16,0 дес.	Свыше 16 десятин
I. РСФСР.										
1925 г.	4,7	12,4	21,9	19,8	14,2	15,6	6,2	2 5	2,0	0,7
1926 »	4,5	11,6	20,5	19,9	14,8	16,2	6,5	2,8	2,4	0,8
II. УССР.										
1925 г.	4,5	10,2	21,1	19.6	13,6	15.0	7,0	3,7	4,0	1,3
1926 »	2,2	7,7	18,0	21,2	16,0	17,4	7,8	4,0	4,2	1,5

счет этого сокращения растут главным образом середняцкие (по посевности) слои крестьянства.

Говорить поэтому, что дифференциация крестьянства идет все возрастающим темпом, что ЦК этого не замечает и в то же время самим закрывать глаза на цифры и факты, подтверждающие правильный курс политики партии в деревне—разве это правильный, ленинский метод анализа, разве такой способ критики нужен для единства партии, для сплочения ее рядов?

Приведем еще данные по обеспеченности рабочим скотом (в %% к общему числу хозяйств).

Группы хозяйств.	I. РСФСР			II. УССР		
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Без рабочего скота	31,0	30,6	30,4	46.4	46,3	45,1
С 1 гол. раб. »	51,4	52,3	50,2	34,6	31,0	35,7
» 2 » » »	12,5	12,4	13,8	16,6	19,6	16,9
» 3 » » »	3.1	2,9	3 5	0.9	1,9	1,0
» 4 » » »	2,0	1,8	2,1	1,5	1,2	1,3

Разве эти цифры не доказывают понижения слабейших по обеспеченности рабочим скотом слоев крестьянства и усиления за счет этого снижения главным образом середняцких групп?

Само собой разумеется, что этих данных недостаточно для того, чтобы вполне осветить все положение деревни, все процессы, проходящие в ней в текущий период.

В некоторых отдельных районах (например, в низовьях Волги, в губерниях ЦЧО и отчасти на Северном Кавказе) наблюдаются несколько иные процессы с более резким сокращением слабейших групп и ростом за счет этого сокращения не только середняцких, но и более обеспеченных групп.

Зато в то же время в Средне-Азиатских республиках упорно и настойчиво проводится земельно-водная реформа, передающая землю и инвентарь из хозяйств баев в руки бедняцких дехканских хозяйств и чайрикеров.

Всего этого в основных выводах вполне достаточно для опровержения приведенных выше голословных заявлений оппозиционного блока.

Далее:

«Резолюция последнего С'езда Советов о сельском хозяйстве совершенно не говорит о дифференциации деревни, т.-е. об основном вопросе ее экономического и политического развития».

Таково второе столь же грозное обвинение, бросаемое «блоком» вождей в заявлении от 25 мая 1927 года.

Правильно ли это обвинение, действительно ли руководство ЦК нашей партии настолько опростоволосилось, что проглядело отсутствие политической линии в резолюции последнего С'езда Советов?

Поглядим в этот «криминальный» документ, в резолюцию С'езда Советов.

По всей резолюции красной нитью проходит забота партии и правительства об усилении крестьянской бедноты и середняка и о поддержке борьбы этих слоев с эксплоататорскими стремлениями кулачества.

В частности в этой резолюции говорится следующее:

«На ряду с индустриализацией страны развитие кооперирования бедняцких и середняцких масс крестьянства является основой политики советского государства. Улучшение всей постановки дела в крупных советских и коллективных хозяйствах должно уже теперь неуклонно превращать эти хозяйства в примерные, свидетельствующие о выгодности крупного сельского производства, преимущества которого должны быть показаны и доказаны на практике»... «Эта политика, направленная на улучшение положения крестьянских масс, на укрепление их хозяйства, т.-е. на поднятие хозяйств бедняцкой и середняцкой массы, вместе с тем связана с ограничением роста эксплоататорских (кулацких) элементов».

Таким образом, и этот аргумент оппозиционного блока фактам не соответствует. Мы не станем обременять читателей выдержками из этого постановления IV С'езда Советов, из которых ясно, насколько каждое мероприятие по укреплению и реконструкции сельского хозяйства проникнуто четкой классовой линией, направляемой на укрепление бедняцких и середняцких слоев села, на развитие сельскохозяйственной и кредитной кооперации и на расширение коллективных начал в крестьянском хозяйстве.

Не видеть этих мер, не ознакомиться с этими постановлениями, это значит не желать участвовать в общей сложной и трудной работе нашей партии.

«Нас ослабляет неправильная политика по отношению к крестьянской бедноте»,—твердят вожди в своем заявлении.

— Наоборот, работу нашей партии осложняет, затрудняет перманентная дискуссия,—так, нет сомнения, ответит им вся партийная масса, готовясь к XV с'езду партии.

Переходя к анализу заявления 15-ти от 27 июня в той его части, которая касается нашей политики в деревне, прежде всего подчеркнем полную идентичность подхода этой группировочки с подходом «блока» вождей.

«Расслоение крестьянства быстро растет. Бедняцкая часть деревни *уже в конце 1925 года* [1]), по подсчетам крестьянской комиссии ЦК, составляла 40—45% всего числа крестьянства. Отход из деревни в город все усиливается, и число батраков быстро увеличивается. Мощь кулацких элементов резко возрастает»...

При этом никаких динамических данных, конечно, в этом заявлении не приводится, так как, если бы авторы заявления 15-ти заинтересовались всерьез анализом расслоения и заглянули в цифровой материал, то вряд ли смогли бы цифрами подтвердить свои указания.

Значит, по мнению 15-ти «*уже* в конце 1925 года» бедняцкая часть деревни составляла 40—45%, а *до* 1925 года выходит, что бедняцкая часть деревни была меньше, а до Октябрьской революции, может быть, и совсем было хорошо.

Вот это безотносительное «*уже*» и в то же время полное отсутствие данных, фактов, цифр показывает, как неглубок анализ 15-ти.

«Отход из деревни в город все усиливается»,—опять голословно: нет сравнения с приростом населения, нет цифр, нет данных.

В заявлении 15-ти имеется и целый ряд общеустановленных принципиальных положений о том, что промышленность не должна приспособляться к нуждам сельского хозяйства, а должна стать определяющим фактором во всем народном хозяйстве, в частности и в сельском хозяйстве, и способствовать в частности развитию технических культур и интенсификации и индустриализации сельского хозяйства.

Это все правильно, и никто с этим не спорит, только ведь это списано из постановлений XIV конференции и XIV с'езда нашей партии. Зачем же это преподносить в форме поучения или нравоучения?

Но вот дальнейшие мысли авторов заявления 15-ти в развитие этой правильной, списанной из постановлений последних партийных с'ездов и конференций предпосылки совершенно нелепы и отбрасывают партию к той же дискуссии о том, какими путями следует поднимать крестьянское хозяйство.

Для увесистости этих своих мыслей, авторы заявления 15-ти прежде всего берут следующую мысль В. И. Ленина:

Основная линия политики партии в деревне есть—

> «линия на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой коренной, основной линии сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсэров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата» (Ленин—закл. слово на майской конференции РКП 1921 г.).

Однако, в дальнейшем изложении авторы заявления 15-ти решили, повидимому, совершенно игнорировать основные работы В. И., его речи и статьи, посвященные ответам на вопрос, *как* осуществить эту единственно-правильную линию политики партии в деревне.

[1]) Курсив мой. *М. Ш.*

В самом деле, первый же вывод из приведенной выше цитаты из речи В. И. Ленина авторы делают такой:

> «Это значит, что наша борьба против кулака отнюдь не означает и не может означать поддержку мелкого хозяйства против крупного, укрепление бедняцких и середняцких хозяйств, как индивидуальных хозяйств: *она означает борьбу против капиталистических форм крупного хозяйства за социалистическую форму крупного хозяйства*. Борьбу, которую мы ведем, опираясь на враждебную кулакам бедняцкую часть деревни и устанавливая через нее смычку с середняцким крестьянством (из заявления 15-ти от 27/VI с. г., стр. 32).

Таким образом, по мнению авторов заявления, борьба против кулака отнюдь не может означать укрепление бедняцких и середняцких хозяйств, как индивидуальных хозяйств, но *как* же вести борьбу против кулака при наличии громадного слоя бедняцких и середняцких хозяйств в стране, не помогая при этом бедноте и не укрепляя ее хозяйства, об этом авторы не говорят.

Можно подумать, что авторы предложат практически что-либо радикальное для того, чтобы сразу кооперировать *всю* массу бедняцких и середняцких хозяйств, для того, чтобы сразу осуществить по мановению волшебной палочки переход к коллективизации *всей* бедноты. Ничуть не бывало. Этого авторы заявления не предлагают.

Наоборот, они предлагают прежде всего «приступить к организации крупных государственных хозяйств с усовершенствованной техникой производства, с наиболее благоприятной в зависимости от района комбинацией в них различных отраслей сельского хозяйства»...

Партия придавала и придает большое значение правильной организации совхозов, усилению в них заводов по переработке сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья, но нельзя же подменять политику, направленную на поддержку, укрепление и реконструкцию многомиллионной массы крестьянских хозяйств, строительством совхозов.

Как быть, если при практическом осуществлении этого рецепта заявления 15-ти отход из деревни в город действительно чрезвычайно возрастет?

Как быть, если не получающие экономической поддержки государства (а крайне ограниченные ресурсы, которые имеет пока возможность выделять государство, вместо усиления с.-хоз. кооперации и сел.-хоз. кредита по рецепту 15-ти будут направлены только на строительство совхозов) бедняцкие и середняцкие слои крестьянства начнут попадать в экономическую зависимость от кулака?

Об этом авторы умалчивают.

Впрочем авторов заявления 15-ти нельзя упрекнуть в нежелании говорить о кооперации.

Вот одна из основных мыслей заявления 15-ти о кооперации.

«...Кулак получил (!) доступ в кооперацию, и его значение в ней настолько сильно, что он начинает частично овладевать ею».

По мнению авторов заявления 15-ти, таким образом, сначала кулаку не было доступа в кооперацию, а потом кто-то ему предоставил эту возможность.

Ясно для 15-ти, что кулак сейчас же, «получив доступ в кооперацию» (очевидно, из-за соответствующей политики ЦК), усилил свое «значение в ней» и «начинает частично овладевать ею».

Между тем положение совершенно иное. Хотя, право вступления в члены кооперативных организаций в деревне имеет каждый крестьянин, но политика партии все время направлялась на то, чтобы усилить значение в кооперации середняцких и особенно бедняцких слоев деревни.

В *каждом* постановлении *каждого* партийного с'езда и партийной конференции и ЦК, в *каждой* резолюции С'езда Советов, эта директива неуклонно подчеркивается, и *каждый раз* даются *практические* указания, *как* ее исполнить.

Достаточно привести, например, четкое указание резолюции пленума ЦК ВКП(б) от 6—9 апреля 1926 года. В этой резолюции «пленум обязывает всех членов партии сосредоточить внимание на проведении в жизнь указанных решений партии, имея в виду особенно следующие задачи:

1) вовлечение в кооперативное строительство действительно широких масс крестьянства;

2) полное обеспечение в самой кооперации интересов середняцко-бедняцкой массы крестьянства и борьбы с попытками использования кооперации кулацкими элементами».

Вопросам работы среди бедноты посвящались специальные постановления ЦК. В этих постановлениях точно так же неизменно подчеркивалась вся важность борьбы против какого бы то ни было использования кооперации кулацкими элементами.

Если бы авторы заявления 15-ти познакомились с этими постановлениями и директивами, то поняли бы, что задача кооперирования середняцких и бедняцких крестьянских масс и борьбы с кулацким влиянием в кооперации все время является *основной* задачей, которую перед собой ставила и ставит партия.

Однако, в заявлении приводятся и свои конкретные методы *как* повернуть оборотившуюся к кулаку лицом кооперацию на путь социалистического строительства. Эти конкретные указания особенно характерны.

...«То же относится и к кооперации. Для того, чтобы она сделалась формой социалистического строительства, нужно участие в ней государственного капитала, нужна теснейшая связь ее с государственным хозяйством»...

Таким образом, оказывается, рецепт весьма прост: раскооперировать кооперацию, влить государственный капитал в нее—и задача решена.

Между тем, несколькими строками ниже авторы того же заявления пишут:

...«Помощь, которую государство оказывает кооперации, частью имеет характер благотворительности, главным же образом—*ссуд* мелкому производителю под известную гарантию со стороны кооперативного об'единения этих мелких производителей. Кооперативное об'единение при таких условиях является не зачатком *об'единенного коллективно-государственного крупного хозяйства* [1]), а аппаратом распределения ссуд и обществом поручителей перед государством за выполнение, принятых по ссуде обязательств».

Так—плохо, и этак—нехорошо!

Трудное положение 15-ти, и им нельзя не посочувствовать. Надо окритиковать во что бы то ни стало *всю* деятельность ЦК партии, и в то же время ни материалов для этого, ни аргументов нехватает.

С одной стороны, совершенно неверное предложение об участии государственного капитала в кооперации, так как задача наша заключается прежде всего в пробуждении активности, сознательности, самодеятельности широких слоев крестьянства.

Владимир Ильич неоднократно боролся с таким подходом к задаче кооперирования крестьянства.

«Собственно говоря, нам осталось «*только*» одно: сделать наше население настолько цивилизованным, чтобы оно поняло все выгóды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «*Только*»—это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «*только*», нужен целый переворот, целая полоса *культурного* развития народной массы» (В. И. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 141—142 «О кооперации»).

Другая мысль В. И. Ленина еще более четко подчеркивает, как важно строить кооперацию так, чтобы это было доступно *каждому* крестьянину.

«Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих об'единений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» (том XVIII, ч. 2, стр. 140 «О кооперации»).

А фантазии у авторов заявления 15-ти хоть отбавляй.

На ряду с участием государственного капитала в кооперации, на ряду с попутным пренебрежительным кивком в сторону помощи государства, оказываемой теперь,—это, дескать—«благотворительность»,—совершенно не считаясь с теми реальными ресурсами, которые у государства имеются, авторы прохаживаются насчет кредитных товариществ, указывая, что «кооперативное об'единение при таких условиях является не зачатком *об'единенного коллективно-государственного крупного хозяйства* (курсив мой. *М. Ш.*), а аппаратом распределения ссуд и обществом поручителей перед государством за выполнение принятых по ссуде обязательств».

Таким образом, совершенно не учитывая реальных возможностей, авторы заявления 15-ти предлагают сразу от бедняцких

[1]) Курсив мой. *М. Ш.*

распыленных хозяйств перейти на «об'единенное коллективно-государственное».

Как прекрасно предвидел этакие опыты Владимир Ильич:

«Одно дело фантазировать... другое дело научиться практически строить»...

Авторы заявления 15-ти совершенно игнорируют эти задачи по кооперированию крестьянства. Далее фантазия их растет, утопические проекты расширяются:

«Повернуть земледелие на социалистический путь, использовать в этом направлении национализацию земли государство может в том случае, если оно сосредоточит достаточно мощные фонды для создания общественного производства на общественной земле» (из заявления 15-ти от 27 июня, стр. 35).

Таким образом, оказывается, повернуть земледелие на социалистический путь возможно только, если сосредоточить «достаточно мощные фонды» земли «для создания общественного производства на общественной земле».

Ну, уж извините! Такой пересмотр всех ленинских взглядов, такой подход к труднейшей задаче работы в деревне вам партия не позволит. Распыленное многомиллионное крестьянство направить на путь построения социализма возможно именно через развитие кооперативной самодеятельности *самого* крестьянства и именно посредством кооперирования прежде всего производственных и сбыто-снабженческих процессов самого крестьянского хозяйства.

В этом, именно в этом—задача, а совсем не в насаждении искусственных «об'единений коллективно-государственных крупных хозяйств» на выделенных для этого «достаточно мощных фондах» национализированной земли.

Ваш пересмотр шит белыми нитками, ибо совершенно ясно, к какому результату привел бы партию подобный опыт.

Пройдясь иронически насчет «помощи, которую государство оказывает кооперации» в виде «ссуд мелкому производителю под известную гарантию со стороны кооперативного об'единения этих мелких производителей»—авторы заявления 15-ти указывают, что

> «при таких условиях эти кооперативные об'единения идут по пути кредитования по преимуществу наиболее «крепких» своих членов, гарантирующих возврат ссуд, бедняков же кредитуют только под давлением сверху или за счет средств так называемого «бедняцкого фонда».

Ни цифровых данных, никаких аргументов в защиту такого голословного обвинения, конечно, опять не приводится.

Верь на слово—кредитуют «крепких», т.-е. попросту жуликов, а бедняков—«*только* под давлением сверху» или за счет средств *так называемого* «бедняцкого фонда». Сколько яда в этих «*только под давлением сверху*», или в этом «*так называемом*» бедняцком фонде!

Между тем факты таковы. Удельный вес бедняцкой группы в составе заемщиков с.-х. кредитных товариществ в общем уже почти соответствует удельному весу этой группы в составе членов товариществ.

По РСФСР на 1/X—26 г. (по данным 3.652 товариществ, по которым имеются сведения), в процентах хозяйств:

Группы хозяйств.	Среди всех хозяйств	Среди членов товариществ	Среди заемщиков	Процент в общей сумме выданных ссуд
Беспосевные и с посевом до 2-х десятин	36,6	31,4	31,1	28,6
Безлошадные	30,4	21,6	19,7	20,8
Бескоровные	17,9	12,3	12,0	12,7

Из этих данных видно, что бедняцкие слои пока еще недокооперированы—это верно, это об'ясняется и большей активностью середняцких слоев и большими для бедняцких хозяйств трудностями по внесению паев и, наконец, недостаточно еще проявленной активностью местных органов, слишком часто отвлекаемых от своей работы «перманентными» нападками оппозиции. Но из этих же данных ясно, что кредитование бедняцких слоев нисколько не отстает от их удельного веса в с.-хоз. кредитных товариществах.

Такова же, примерно, картина по Украине:

На 1/X—26 г. в процентах:

Группы хозяйств.	Среди членов товарищества	В общей сумме ссуд
Незаможные	52,6	47,9
Середняки	42,7	48,8
Заможные и прочие	4,7	3,3
	100,0	100,0

Критерием к отнесению хозяйств к той или иной группе является группировка ЦСУ по посевной площади. Таким образом, и украинские цифры опровергают голословное обвинение заявления 15-ти.

По БССР на 1/X—26 г. данные таковы (в процентах):

Группы хозяйств.	Среди всех хозяйств республики	Среди членов товариществ	Среди заемщиков	В общей сумме ссуд
Беспосевные и с посевом до 2-х десятин	21,1	22,9	26,4	27,8
Безлошадные	12,6	22,5	26,0	29,6
Бескоровные	4,4	10,3	10,9	11,7

По Белоруссии эти данные не только опровергают голословные утверждения 15-ти о преимущественном кредитовании «крепких» хозяйств, но и доказывают, наоборот, что постепенно задача преимущественного направления с.-хоз. кредита в бедняцкие группы крестьянства начинает все лучше и лучше осуществляться на местах.

Неправильно совершенно и утверждение, что государство организовало выдачу ссуд *только* мелкому производителю.

На ряду с значительными суммами, которые по системе с.-х. кредита идут на кредитование отдельных крестьянских (преимущественно бедняцких и середняцких) хозяйств, не менее значительные суммы направляются и на кредитование социалистического сектора сельского хозяйства.

Сюда относится в первую очередь кредитование колхозов, совхозов, сюда же следует отнести и кредитование других производственных кооперативных предприятий, а также ККОВ.

Из всей суммы ссуд, выданных системой с.-хоз. кредита (примерно, 400 милл. рублей на 1-е октября 1926 года) около 95 милл. рублей пошло на эти нужды социалистического сектора сельского хозяйства, около 140 миллионов рублей пошло на организацию мелкого производственного кредита, около 100 миллионов рублей на финансирование снабжения сельского хозяйства с.-х. машинами, тракторами, семенами и т. п., около 65 миллонов рублей на финансирование кооперативного сбыта с.-хоз. продукции и с.-хоз. сырья.

Конечно, нельзя отнюдь считать, что все задачи разрешены, что с кредитованием бедняцких и середняцких слоев крестьянства уже повсюду обстоит вполне благополучно, что средств, направляемых по системе с.-хоз. кредита в социалистический сектор хозяйства, достаточно и т. п.

Наоборот, партия в лице с'езда, конференции и ЦК постоянно, *в каждом* постановлении о работе в деревне, о задачах по сельскому хозяйству неуклонно *каждый раз* подчеркивает необходимость усилить внимание к этим задачам, усилить наблюдение за их практическим осуществлением на местах.

Но отсюда очень и очень далеко до голословных, неверных и не подтверждаемых фактами заявлений оппозиционных группировочек.

Переходим к выводам.

Выводы заявления 15-ти ясны уже из разобранных ее критических замечаний.

Прежде всего в этих выводах говорится: «необходимо реально приступить к организации крупных государственных хозяйств»...

Партия, очевидно, по их мнению, нереально руководила до сих пор развитием строительства совхозов, семхозов, племхозов, сахарных плантаций и т. п.

Или об этом строительстве у авторов заявления 15-ти тоже нет материалов?

Далее:

«Усилить организацию коллективных хозяйств, обязательно с участием государственного капитала и обеспечением за последним достаточного влияния»...

Первые четыре слова правильны. Усилить организацию колхозов надо, и на это имеется целый ряд директив ЦК, но остальное—от лукавого.

В каждом колхозе участие государственного капитала невозможно. На это нет средств, и сейчас так ставить вопрос нельзя. Сейчас надо регулировать развитие колхозов, наблюдать за их деятельностью и помогать их развитию материальными средствами путем кредита, так как больших средств в такое дело государство выделить не в состоянии и так как иначе теми небольшими средствами, которые может выделить на это государство, невозможно обслужить все коллективные хозяйства.

Далее:

«На тех же государственно-кооперативных началах должен быть построен и сельскохозяйственный кредит».

Это правильно. Именно так и организована система сельскохозяйственного кредита, таковы директивы и XIV партконференции и ЦК партии: верхние звенья системы с.-х. кредита являются государственными или смешанными с участием кооперативных паев (общества с.-х. кредита), а низовая сеть—чисто кооперативная, основанная на кооперативной самодеятельности широких крестьянских (прежде всего бедняцких и середняцких) масс.

— Оно так, да не так,—возражает заявление 15-ти.—Нам такое построение не нравится, и нам XIV партконференция не указ. Государственно-кооперативный характер системы с.-хоз. кредита должен быть иным, а именно:

«Государство не может и не должно ограничиваться ролью кредитора низовых кредитных товариществ. Оно должно стать участником этих обществ, так чтобы работы их проходили под постоянным контролем и руководством государства».

Вот с этим выводом уж никак согласиться нельзя.

Доводить участие государства в деятельности кредитной кооперации до участия в самом товариществе—это значит стремиться к огосударствлению кооперации и тем самым мешать развитию самодеятельности самих крестьянских масс.

Владимир Ильич в своей статье «О кооперации» писал:

...«Поэтому, нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас». И далее:

...«Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего».

...«Но, чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,—вот для того требуется целая историческая эпоха» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 142 «О кооперации»).

Поменьше выкрутас, дорогие товарищи!

Поменьше мудрствования!

Партии ни для чего не надо каждый день по всем вопросам снова искать новых путей.

Партии ни для чего не нужно пересматривать свои решения.

Но дальше в выводах заявления 15-ти еще больше выкрутас.

Ничего не поделаешь, придется и на них хоть немного остановиться—ведь для того это заявление и написано, чтобы подискуссировать.

Итак цитируем дальше:

«Особое внимание должно быть обращено на организацию кредита натурой (хлебом, в неурожайные годы, семенами и т. п.), который разумеется, не должен вырождаться в про-

стую благотворительность. Об'единяя бедноту и середняцкие слои деревни на почве борьбы с кулацкой кабалой эти организации должны вместе с тем путем ряда внимательно продуманных мер подготовить своих членов к переходу на государственно-кооперативную организацию хозяйства, в частности, содействовать путем кредита организации предприятий (мельниц, крупорушек и т. п.), принадлежащих уже не отдельным хозяйствам, а кооперативным об'единениям в целом».

Как прекрасно сшито!

Сверху—пиджак, снизу—фрак, а последние—зипун.

Тут и организация кредита натурой (самая неудачная форма кредита именно для бедняцких хозяйств), тут и предупреждение, что кредит «не должен вырождаться в простую благотворительность», тут и совершенно правильная мысль (кстати сказать, проводимая в жизнь и без совета 15-ти) о содействии путем кредита «организации предприятий (мельниц, крупорушек и т. п.), принадлежащих уже не отдельным хозяйствам, а кооперативным об'единениям в целом», тут, наконец, и совершенно не ленинская постановка задачи «подготовки своих членов к переходу на государственно-кооперативную организацию хозяйства».

Мешанина такая, что трудно даже разобраться во всем этом.

Семенные фонды, как известно, постепенно накапливаются в руках государства, натуральный кредит в форме отпуска в кредит семян и с.-хоз. машин также имеет место. Очевидно, авторы заявления 15-ти просто не в курсе дела или же хотят сущее выдать за предлагаемое ими.

Так же и с кооперативными предприятиями. Да поезжайте вы в деревню что ли! Посмотрите-ка на местах, как идет кооперативное строительство, как строятся и мельницы, и крупорушки, и прокатные пункты, и маслозаводы, и заводы первичной переработки льна на кооперативных началах, и кооперативные беконные фабрики, и сушилки для коконов в Средней Азии и Закавказье, даже арыки и мелиоративные сооружения строятся на кооперативных началах.

В чем же дело? Неужели же трудно со всем этим *сначала* познакомиться, а уж *потом* писать заявления о неправильной, недальновидной политике ЦК партии?

В то же время—зачем навязывать партии рецепт полного огосударствления с.-х. и кредитной кооперации? Зачем это нужно? Нужна ли такая работа партии? В интересах ли это рабочего класса в такой ответственный и сложный политический момент?

«Как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас».

Право же переход всего Волоколамского уезда на многополье дает делу вовлечения крестьянского хозяйства в социалистическое строительство гораздо больше, чем может дать какая бы то ни было «перманентная» дискуссия.

Партия не нуждается в такой рецептуре, каковой наполнено заявление 15-ти.

Партия нуждается сейчас в осуществлении уже намеченной программы, в практической для этого повседневной работе каждого члена партии в целях продолжения сложной и трудной борьбы за социалистическое строительство.

Я. Яковлев.

Итоги развития аренды в сельском хозяйстве и задачи нашей экономполитики.

Изучение арендных отношений позволяет выделить ряд особенностей, характеризующих эти отношения и итоги развития аренды к 1926 году.

По сравнению с довоенным типом арендных отношений отмечаются *крупнейшие не только количественные изменения* (весьма значительное уменьшение размеров арендного фонда), *но и качественные. Основной тип дореволюционной аренды — землю сдает в аренду помещичье хозяйство и отчасти кулацкое*, при все более развивающейся субаренде,—*таковой тип аренды в настоящее время исчез целиком*. В то же время развивавшаяся до революции сдача земли в аренду *бедняками и частью середняками*, не имевшими необходимых средств производства, в настоящее время *является основным типом арендных отношений*, вследствие недостатка или отсутствия у маломощных слоев деревни средств производства. *Соответственно этому, если раньше арендные отношения рассматривались нами преимущественно с точки зрения эксплоатации собственником земли арендатора, то теперь их приходится рассматривать, прежде всего, с точки зрения эксплоатации арендатором сдатчика земли.*

Общие размеры арендного фонда уменьшились в итоге революции примерно в три раза. Помещичьи земли, которые составляли значительную часть арендного фонда до революции, ныне в подавляющей своей части перешли в трудовое пользование крестьян. Вместе с этим, согласно исчислению Гуревича на основании украинских данных, и внутрикрестьянская аренда (на Украине) сократилась примерно на одну треть.

Из сравнения процента хозяйств, арендовавших землю до революции, с процентом хозяйств, арендующих землю в 1926 г., также явствует, что доля хозяйств, прибегающих к аренде земли, сократилась в результате революции (к 1926 году) *в 2, 3, 4, 5 раз* (в зависимости от районов). Таковы основные количественные изменения, характеризующие арендные отношения в итоге девяти лет революции. Но еще более существенны качественные изменения. В результате капиталистического развития деревни мы имели до революции все растущую концентрацию арендной земли в руках кулацких элементов деревни. Размер этой концентрации и ее действительное классовое значение неоднократно выяснялись в работах Владимира Ильича. Каково положение теперь, в итоге революции как за военный период, так и за период нэпа? В настоящее время значительное, а в ряде районов и огромное большинство арендаторов принадлежит к *середняцким слоям*

деревни, при чем в руках середняков концентрируется основная часть арендуемой земли.

По данным нашего специального обследования, охватившего более ста тысяч хозяйств, в 1926 г. на долю середняков приходится 67,0% всех хозяйств, арендующих землю,—у них 65,5% всего арендного фонда; на долю бедняков приходится 19,9% арендующих хозяйств—у них 9,0% арендного фонда; на долю кулацких и эксплоататорских хозяйств приходится 13,1% всех арендующих хозяйств—у них 35,0% всего арендного фонда.

По данным ЦСУ, мы не можем ответить на вопрос о распределении арендного фонда и арендаторов между социальными группами, но можем охарактеризовать распределение арендного фонда между мало-, средне- и крупнопосевными хозяйствами. Согласно этим данным (отнесение хозяйств к мало-, средне- и крупнопосевным мы производим, на основании признаков, установленных нами в анализе хлебофуражного баланса [1]), из всей массы арендующих хозяйств на долю малопосевных приходится в потребляющих полосе—42,7%; в производящей полосе—10,1%; на Северном Кавказе—21,0%; на долю среднепосевных в потребляющей полосе приходится 52,6%; в производящей полосе—71,2%: на Северном Кавказе—60,8%; на долю крупнопосевных в потребляющей полосе приходится 4,7%; в производящей полосе—18,7%, на Северном Кавказе—18,2%.

Само собой разумеется, как это мы подчеркивали выше, *на кулацкие хозяйства приходится большая доля арендного фонда. чем их доля в общей массе арендаторов и наоборот: на малопосевные хозяйства приходится значительно меньшая доля арендного фонда, чем их доля в общей массе арендаторов. При этом—что чрезвычайно существенно—на середняков приходится примерно та часть арендного фонда, которая соответствует их доле в общей массе арендаторов.*

Каковы основные выводы отсюда? Поскольку мы оцениваем это явление с точки зрения учета результатов всей аграрной революции, то мы в нем находим новое подтверждение центральной роли середняка в нашей деревне. С точки зрения учета последствий нашего законодательства в области аренды, мы видим полное подтверждение того, что партия указывала еще два года назад: в наших условиях *расширение аренды пошло в основном на пользу середняку.* В то же время совершенно несомненно, что расширение аренды сыграло очень большую роль в последние два года в освоении незасеянных до этих лет земельных угодий. Это явствует из того, что около $^1/_5$ части, одной четверти, а в некоторых районах и больше, прироста посевной площади за последние два года идет за счет прироста арендного фонда. В связанном с общим ростом посевной площади уменьшении доли без- и малопосевных хозяйств, несомненно, играет роль развитие арендных отношений (это находит свое отражение в участии без- и малопосевных групп в аренде земли).

Этот вывод становится особо важным при его сопоставлении с фактом несомненного роста к 1926 году размеров арендного фонда. О размерах и темпе роста арендного фонда за последние два года мы можем судить по тому, что посевная площадь

[1] См. книжку Я. Яковлев—«Об ошибках хлебофур. баланса и его истолков.».

на арендованной земле на каждые сто хозяйств выросла в 1925 г. по сравнению с 1924 г. по Северо-Западному району на 168,5%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 20,7%; в Центрально-Земледельческом районе: в 1925 г. по сравнению с 1924 г. выросла на 20,0%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 76,2%; в Волжском районе: в 1925 г. по сравнению с 1924 г.—на 30,8%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 142,0%; по Северному Кавказу: в 1925 г. по сравнению с 1924 г.—на 30,2%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 96,5%; по Сибири: в 1925 г. по сравнению с 1924 г.—на 37,6%, а в 1926 г. по сравнению с 1925 г.—на 127,6%. (Здесь темп роста посевов на арендованной земле показан в несколько преувеличенных размерах, а в некоторых районах—в значительно преувеличенных размерах, поскольку несомненно, что в 1924 и 25 гг. аренда, находившаяся в полуподполье, не могла быть полностью учтена органами ЦСУ. Таким образом, мы, к сожалению, не можем пользоваться этими данными в качестве точной характеристики темпа развития, поскольку мы не можем разделить роста, относящегося к улучшению учета, от роста, вызванного действительным развитием арендных отношений. Все же, даже если внести известную поправку на точность учета, из этих данных с полной ясностью вытекает рост арендного фонда в связи с общим развитием товарных отношений в деревне, а, в частности, как мы увидим ниже, в связи с известным развитием капиталистических элементов в деревне).

Наличие среди арендаторов значительной массы середняцких и отчасти бедняцких хозяйств во всех районах заставляет с полной четкостью поставить вопрос *о совершенной несерьезности и необоснованности отнесения всех явлений аренды в наших условиях к явлениям роста капиталистических тенденций в деревне. Аренда является показателем капиталистического развития лишь там, где она входит составной частью в образование эксплоататорского типа хозяйств, т.-е. сочетается с наймом рабочей силы, наличием подсобных предприятий и значительными средствами производства, превышающими уровень средних хозяйств. В этом случае аренда носит капиталистический характер даже при небольших размерах ее. Всякая же попытка отнесения аренды к явлениям капиталистического порядка, где в качестве арендаторов выступают хозяйства бедняцкие и середняцкие и где аренда вызывается в значительной степени неземлеустроенностью территории, особенностями уравнительного распределения земли* (несоответствием между наличными средствами производства, рабочими руками и земельным наделом), наличием целого ряда остатков докапиталистических отношений в деревне, одним из выражений которых является дальноземелье, длинноземелье, чересполосица, пестрополосица,—*должна быть признана, как не подтверждающаяся имеющимися материалами, необоснованная и решительно отвергнута.*

Конечно, такая общая характеристика итогов развития арендных отношений совершенно не достаточна для характеристики динамики арендных отношений. Так же, как и в области найма, мы при анализе арендных отношений должны дать не только фотографию арендных отношений, но и их динамику. Анализ динамики арендных отношений устанавливает, *что последний год дает почти по всем районам несомненную концентрацию арендного*

фонда в руках кулацких элементов, сочетающих аренду земли с наймом рабочей силы. Арендуемая земля при этом составляет в высших группах крестьянства весьма значительную часть их землепользования. Рост концентрации аренды в руках крупнопосевных хозяйств характеризуется следующими данными: крупнопосевные хозяйства составляли в общей массе арендаторов по потребляющей полосе в 1925 г. 3,6% и арендовали 7,0% всего арендного фонда; в 1926 г. они составляют 4,7% всех арендующих и арендуют 9,8% всего арендного фонда; по производящей полосе в 1925 г. крупнопосевные хозяйства составляли 15,8% всех арендующих, концентрируя в своих руках 39,6% всего арендного фонда, а в 1926 г. они уже составляют 18,7% всех арендующих хозяйств и концентрируют в своих руках 48,7% всего арендного фонда.

Этих данных достаточно для того, чтобы со всей ясностью подчеркнуть: на фоне того, *что середняк остается основным арендатором земли и концентрирует в своих руках основную часть арендного фонда, в то же время растет значение и вес массы арендаторов и доля арендного фонда, приходящегося на крупнопосевные хозяйства* (мы здесь относим к крупнопосевным хозяйства, в основной своей массе эксплоататорские).

Совершенно очевидно, что это явление должно быть точно и об'ективно оценено как с его социально-экономической, так и с политической стороны.

Для оценки темпа роста капиталистической аренды мы, к сожалению, не имеем возможности воспользоваться данными ЦСУ за ряд лет в виду их неполной сравнимости. Косвенным показателем этого темпа может послужить темп перехода от одногодичной аренды к долгосрочной аренде. Все данные, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют *об относительно медленном переходе от одногодичной аренды к долгосрочной.* Несмотря на то, что специальным постановлением правительства были облегчены и расширены возможности долгосрочной аренды, одногодичная аренда продолжает и в 1926 г. занимать преобладающее место.

По данным обследования РКИ, из всей сданной земли—89,3% по РСФСР; 78,3% по УССР и 76,6% по Закавказью сданы на один год; остальная же сдана на срок в 2—3 года преимущественно, и лишь очень незначительная часть—на срок свыше трех лет. Относительно того, как изменяется соотношение между одногодичной арендой и долгосрочной, мы имеем лишь отрывочные данные, показывающие, что рост долгосрочной аренды происходит относительно медленно. По Украине, по данным украинского ЦСУ, процент показаний об одногодичной аренде пашни уменьшился с 1925 на 1926 г. с 83,1 до 76,9. По данным обследования РКИ, по Кунгурскому округу из всей сданной в аренду земли было сдано на один год в 1925 г. 51,8%, в 1926 г. 45,8%; по Ленинградской губернии то же явление происходит в весьма своеобразной форме, связанной, по всей вероятности, с значительным отходом ленинградского крестьянства в город,—на ряду с экономическим под'емом части бедняцких хозяйств процент пашни, сданной на один год, даже вырос с 1924 на 1926 г. с 45,1% в 1924 г. до 48,9% в 1926 г.; зато выросла доля пашни, сданной на срок 6 и более лет: на срок 6 и более лет, а также без срока было сдано в 1924 г. 11,8% всей пашни, в 1926 г.—22,3% всей сданной в аренду пашни. Этот рост доли пашни, сданной на 6 и более лет, произошел преимущественно за счет превращения двух- и трехгодичной аренды в аренду более долгосрочную: на 2—3 года сдавалось в 1924 г. 42,7% всей пашни, в 1926 г.—19,0% всей пашни.

Относительная медленность вытеснения одногодичной аренды многолетней связана с тем, что:

1) *основную массу сдающих земли хозяйств составляет беднота, рассчитывающая на возможность перехода к самостоятельному ведению хозяйства в дальнейшем или страхующая себя от возможной безработицы при уходе на заработки в качестве наемных рабочих;*

2) *сдача земли в аренду на длительный срок невыгодна сдатчику в условиях непрерывного роста арендных цен,* а с'емщикам при наличии частых переделов в силу отсутствия реальной возможности длительно воспользоваться теми улучшениями, которые они произведут на арендуемой земле;

3) *рост долгосрочной аренды происходит преимущественно в районах значительного отхода на заработки и об'ясняется развивающейся индустриализацией страны,* обусловливающей окончательный отрыв от земли части уходящих из деревни наемных рабочих.

Для правильной оценки арендных отношений обратимся еще к характеристике хозяйств, сдающих землю в аренду.

По данным нашего обследования, подавляющая масса—83,6%—всех обследованных сдатчиков принадлежит к бедняцким хозяйствам; на долю середняков приходится 15% всех сдатчиков и на долю эксплоататорских хозяйств—1,4%. Примерно в таком же соотношении эти классовые группировки участвуют в создании арендного фонда.

Эксплоататорские хозяйства, по данным РКИ, и крупнопосевные хозяйства, по данным ЦСУ, занимают совершенно ничтожное место в образовании арендного фонда. Это свидетельствует о том, что развитие капиталистических отношений в современной деревне путем развития явно-капиталистических типов аренды (сдача земли в аренду богатым крестьянином в целях прямого и непосредственного извлечения прибыли) *почти не имеет места.*

Существенно также отметить, что рост аренды земли, в связи с *общим ростом товарных отношений в деревне,* сопровождается непрерывным *ростом денежной формы аренды* с одновременным *вытеснением форм натуральных,* отработочных и смешанных, *являющихся особенно кабальными для сдатчиков,* а также неуклонным ростом в последние годы арендных цен.

Вместе с тем особо приходится отметить некоторые извращения в области арендной практики, требующие немедленного и решительного устранения. Наиболее существенны здесь следующие моменты:

1) наличие по ряду районов отдельных случаев *субаренды, используемой для кабальной эксплоатации бедноты и даже фактов скрытой купли и продажи земли* (в Азербайджане и др.), несмотря на категорическое запрещение законом как того, так и другого;

2) *сельхозналог уплачивается в преобладающем большинстве случаев сдатчиком,* что равносильно или перенесению налоговых

тягот на бедняков или сокрытию арендного фонда от *обложения*, в особенности это имеет место при незарегистрированной аренде;

3) в связи с практикующейся системой сдачи в аренду госземимуществ с торгов, значительная часть их *попадает в руки более мощных слоев деревни в порядке долгосрочной аренды и используется ими в ряде случаев для субаренды*;

4) регистрация земельной аренды в преобладающем большинстве случаев поставлена крайне неудовлетворительно или находится в некоторых районах в зачаточном состоянии, что об'ясняется *недостатком указаний и наблюдения за выполнением законов об аренде со стороны партийных, советских и, в частности, земельных органов*, недочетами закона и отсутствием работы в этом направлении со стороны общественных организаций деревни. Одновременно крайне недостаточна разработка и проведение системы мероприятий со стороны советских органов, в особенности земельных, по регулированию арендных отношений.

Эти извращения в нашей практике приходится подчеркнуть тем решительнее, что они относительно легко устранимы. *Особо недопустимым представляется роль государственных земельных имуществ в формировании кулацких элементов деревни*. Несмотря на неоднократные постановления Политбюро ЦК, передача в трудовое пользование тех государственных земельных имуществ, которые не выполняют полезной государственной функции, *идет недостаточно энергично*. Ряд земельных органов и исполкомов цепляется за эти госземимущества, сдаваемые в аренду богатым крестьянам, как за источник добавочного дохода, и таким образом *из-за рубля дохода мы в ряде случаев теряем неоценимый в рублях капитал—доверие со стороны бедняцкой и середняцкой массы*.

Каковы же основные выводы Рабкрина из этого анализа арендных отношений? *Поскольку сдатчиком земли является в огромной мере бедняк, поскольку на фоне значительного процесса под'ема бедняцкой массы сдача земли в аренду бедняками явно рассматривается, как временная мера*, могущая облегчить создание ресурсов для перехода в дальнейшем к самостоятельному ведению хозяйства,—*центр тяжести вопроса переносится в организацию бедняка—сдатчика земли*.

Имеющийся у нас в распоряжении ряд показаний из обследований местных органов РКИ *обнаруживает*, что в ряде случаев сдача бедняком части земли в аренду уже являлась в минувшие два—три года *для бедняка источником накопления некоторых ресурсов, необходимых в дальнейшем для перехода к ведению самостоятельного хозяйства*.

Необходимо перед всей партией поставить вопрос о том, чтобы *сдатчиков земли—бедняков организовать в момент заключения сделок аренды и сдачи земли для обеспечения им наилучших возможных условий договора*. Такая работа могла бы концентрироваться вокруг ККОВ. Поэтому необходимо ЦК ККОВ немедленно разработать мероприятия, обеспечивающие возможность повсеместного созыва бедняков—сдатчиков земли, одновременно обеспечивая участие ККОВ в наблюдении *за проведением предусмотренных законом и договорами прав сдатчика*. Это тем более существенно, что при растущем значении в аренде *более мощных слоев деревни*, здесь в значительной мере *бедняки будут противопоставляться кулакам*. Никаких общих норм отсюда не выпишешь. Как здесь *бедняку сговориться с середняком*, обеспечивая бедняку наилучшие реальные возможные условия, предоставляющие ему возможность действительного создания ресурсов, необходимых для дальнейшего перехода к самостоятельному ведению хозяйства; *как при этом укрепить блок бедняка и середняка против кулака, должна показать местная практика*. Во всяком случае очевидно, что уже в данную осень, а тем более в следующую весну *мы должны суметь* самый момент заключения сделок по сдаче в аренду земли использовать, как исходный момент *для большой организационной и политической работы среди бедняков*. На ряду с этим необходимо устранить выявившиеся в практике нарушения законов и партийных директив. В частности, необходимо:

1) *Обеспечить повсеместное проведение регистрации земельной аренды не позже, чем в течение 1927 и 28 гг.*

2) Обеспечить *отказ в регистрации* не только договоров, *по форме противоречащих закону*, но и договоров, являющихся по существу *кабальными для более слабой стороны*.

3) Обеспечить применение в каждом отдельном случае обнаружения *субаренды или купли-продажи земли* (под видом долгосрочной аренды, продажи построек или в ином скрытом виде) *предусмотренного законом наказания виновных в этих преступлениях*.

4) Местным советским органам проследить за уплатой сельскохозяйственного налога арендаторами с тем, чтобы исключить возможность *перенесения тяжести налогового обложения на сдатчиков земли или скрытия арендованной земли от обложения*.

5) Предложить исполкомам, заморганам, прокуратуре и судебным органам неуклонно по принадлежности привлекать к *судебной ответственности лиц, виновных в аренде земли на кабальных условиях*.

6) Усилить ассигнования со стороны государства на землеустроительные работы в районах дальноземелья, длинноземелья, чересполосицы и т. п., обусловливающих аренду земли бедняцкими хозяйствами на кабальных условиях.

7) Предложить наркомземам союзных республик в течение полевого периода 1927 г. *полностью закончить передачу в трудовое пользование всего предназначенного, согласно постановлению ЦК от 17/VI—26 г., для этой цели фонда* как из состава госземимуществ, так и из лесфонда, в максимальной степени упростив технику этой передачи. *Разработать такой порядок сдачи государственных земельных имуществ, который обеспечил бы возможность преимущественного получения их в аренду бедняцкими и середняцкими элементами деревни*.

Последнее замечание. Картина арендных отношений неоднородна. Мы наблюдаем ряд противоречивых тенденций, борющихся друг с другом. *Середняк концентрирует основную массу арендного фонда, но растет и доля кулака. Бедняк использует сдачу земли в аренду для накопления своих ресурсов,—в ряде случаев он превращается только в источник добавочного дохода*

для кулака. Нужно усиленное воздействие на крестьянское хозяйство со стороны *всей системы органов, всей системы политики советской власти для того, чтобы в конечном счете тенденция капиталистического развития была преодолена.* Решающую роль—это явствует из каждого нашего обследования—будет играть неуклонное возрастание *государственной и кооперативной производственной помощи бедняку.* Бедняк, сдающий землю в аренду, будет находиться *в ближайшие годы на перепутье.* Перед ним во весь рост будет вставать вопрос о том,—итти ли *по линии превращения в пролетария,* пополнив и так безмерно огромную резервную армию безработных, *или через кооперирование, при государственной помощи, подняться на сельскохозяйственной основе.*

Гвоздь нашей политики в том, чтобы организованно оказывать содействие победе второго пути. Решая с каждым годом все с бо́льшим охватом, с бо́льшей силой и глубиной коренной вопрос кооперирования и производственной помощи бедноте, мы попутно решим и вопрос предотвращения развития аренды в аренду капиталистического типа.

Г. Смолянский.

Политика „дальнего прицела" и англо-русский комитет.

Целый ряд стихийных революционных выступлений рабочего класса в настоящем году—восстание венского пролетариата, огромная волна активного протеста против казни Сакко и Ванцетти—выступлений, в которых принимали участие самые широкие рабочие массы, в том числе члены социал-демократических партий и реформистских профсоюзов, поставили снова во всей остроте вопрос о дальнейшей борьбе за реформистских рабочих. С другой стороны, этому способствует и открытый позорный крах амстердамской клики на парижском конгрессе Амстердамского Интернационала, которая сама себя разоблачила перед пролетарским общественным мнением своих организаций. Неожиданность самих выступлений показывает, насколько относительна стабилизация европейского капитализма. А тот факт, что выступления происходят помимо и против воли вождей социал-демократии подтверждает блестяще правильность линии единого фронта, взятой V конгрессом Коммунистического Интернационала и рассчитанной на дифференциацию между рабочей массой и реформистской верхушкой профсоюзов и социал-демократии. В связи с этим встает вопрос и о тех органах единого фронта, которые были созданы со времени V конгресса Коминтерна,—и в первую очередь, об англо-русском комитете единства.

Оппозиция в ВКП и Коминтерне выбрала англо-русский комитет одним из главных об'ектов своего обстрела. При этом пред'являются сугубые претензии на «дальность прицела». «Англо-русский комитет—центральная ось оппортунистического уклона ВКП и Коминтерна»,—заявляют вожди оппозиции. «Политика поддержки англо-русского комитета есть попытка «прислониться», «притулиться» к социал-демократии всерьез и надолго». «Кто этого не понимает, тот безнадежный оппортунист». Мы предостерегали, мы предостерегаем, мы будем предостерегать. Мы разоблачали, разоблачаем, мы будем разоблачать.

Когда в 1924 г. был создан англо-русский комитет, санкционированный и Коминтерном во главе с т. Зиновьевым, многие спрашивали себя не без тревоги: а не опасно ли будет для нас самих такое «приближение» к вражеским окопам? И не кто иной, как т. Зиновьев, в заседании президиума ИККИ (от 18 ноября 1924 г.) заявил: «Это только этап нашей борьбы, но никоим образом не начало гражданского мира... Из нашей армии должна одна колонна выйти вперед. Если вы боитесь, что эта колонна погибнет, тогда мы не сделаем этого шага. Каждая война есть опасность для войска. Мы полагаем, что не худший отряд выступает вперед. Мы можем быть уверены, что он выполнит свою задачу».

С другой стороны, и реформисты возлагали не мало надежд на АРК. «Англичане,—признается подручный Удегеста, меньшевик Шварц, в одном из последних номеров центрального органа А. Д. Г. Б. «Геверкшафтсцайтунг» (№ 24, от 11/VI — 27 г.), — полагали с помощью англо-русского комитета повлиять на русских и подготовить их присоединение к Амстердамскому Интернационалу».

Со времени основания англо-русского комитета прошло больше чем два с половиной года. С тех пор много воды утекло. Одни (генсоветчики), столкнувшись с твердой революционной волей профсоюзов СССР, быстро отступают. Англо-русский комитет, благодаря беспрерывным предательствам и саботажу «левых» генсоветчиков, переживает глубочайший кризис. Другие—именно те, которые чрезмерно переоценивали англо-русский комитет,—столкнувшись с первыми трудностями, побежали в панике назад, завопили об «измене» и «перерождении» передового отряда. И как преступно было бы преуменьшать или замазывать предательства «левых» лидеров Генсовета, так неверно и клеветнически—прежде всего в отношении профсоюзов СССР—изображать историю англо-русского комитета только «с одной стороны», как историю предательств Генсовета, забывая о том *остром процессе дифференциации*, который идет в английском пролетариате, и о той огромной революционной работе, проделанной «выступившим вперед, отрядом», которая *немало способствовала этой дифференциации*. Именно такое «однобокое» изображение истории дает возможность распространению пораженческих демагогических легенд о «притуливании» к социал-демократии «всерьез и надолго». Между тем, опыт англо-русского комитета в свете стихийных выступлений последнего года получает особое значение. Вот почему таким настоятельным и актуальным сейчас является «разоблачение разоблачателей».

Обвинительный акт оппозиции.

Обвинительный акт, пред'являемый оппозицией ВКП и Коминтерну, длинный и суровый:

1) «Сохранение англо-русского комитета укрепляет политическую позицию Генсовета, который превращается из обвиняемого в обвинителя» (тезисы т. Троцкого на пленуме ИККИ).

2) «Сохранение англо-русского комитета ведет к смягчению нашей критики вождей Генсовета; ВЦСПС политически опускается со ступеньки на ступеньку» (там же).

3) Англо-русский комитет есть ось нашего отношения к социал-демократии, к реформизму. Политика поддержки АРК есть попытка «прислониться» к социал-демократии.

4) Прямой обман русских рабочих: «Русским рабочим говорили, что хотя Генсовет и «чуточку дерет», зато уж он наверняка поможет нам в случае войны». АРК в нынешнем его виде есть одно из орудий подготовляющейся войны. АРК в настоящей обстановке «дополняет» Лигу Наций.

5) Одним из признаков правого уклона является установка только на с.-д. рабочих и пренебрежение левыми—в лице анархистов и синдикалистов.

Наконец, для того, чтобы получить в «расшифрованном» виде то, что неудобно писать даже в рукописных изданиях на территории СССР, достаточно обратиться в «стол заграничных изданий» оппозиции, хотя бы в лейб-орган оппозиции «Die Fahne des Kommunismus», издаваемый исключенными ренегатами от коммунизма—Масловым и Урбансом. В статьях, посвященных майскому пленуму ИККИ и известному постановлению ЦК, эти господа пишут: «На берлинской конференции русские профсоюзы капитулировали перед агентами Чемберлена. Продолжать поддерживать этот комитет, значит *обманывать* рабочие массы» (№ 15). «Политика дипломатничанья, тайных переговоров, комбинаторского искусства, «личных отношений»—ни к чему другому не может привести, как к коррупмированию рабочего класса — как в Англии, так в СССР и других странах» (№ 16).

Этого достаточно. Посмотрим, насколько обоснована, серьезна, честна и последовательна критика оппозиции во всех этих вопросах.

Немножко истории.

В каких условиях зарождался англо-русский комитет? Какие были главные побудительные причины, вызвавшие его к жизни? Этот вопрос имеет громадное значение, так как для нас наиболее важным является выяснение того, есть ли нынешняя политическая и финансовая консолидация реформистских профсоюзов, выражение новых настроений широких рабочих масс в отношении СССР, или же она есть простое отражение стабилизации капитализма. Нет никакого сомнения, что главной движущей силой при создании АРК был огромный рост симпатий к СССР английского пролетариата. Это шло параллельно и вытекало из процесса радикализации английского рабочего движения. Не мало поработали над созданием АРК и советские профсоюзы. Но основным является могучая притягательная сила советской страны, что сразу было понято чувствительными левыми лидерами Генсовета в интересах своей «перестраховки». ИККИ в своем обращении к секциям писал в конце 1924 г.: «Русские союзы становятся *рычагом* для завоевания Амстердамского Интернационала. Уже первое эхо, которое нашел англо-русский комитет в Англии, Америке и Германии, показывает, что *одно простое его существование потрясает базис реформистской мощи в Амстердамском Интернационале*».

Почему это важно именно сейчас? Потому что степень популярности СССР определяет дальнейшую тактику по завоеванию реформистских рабочих масс. Англо-русский комитет, быть может, в недалеком будущем будет и сорван «левыми» генсоветчиками, *для которых он стал нестерпим*. Об этом говорит и наглая резолюция о 20 расстрелянных белогвардейских террористах, и позорное молчание во время англо-советского конфликта, и антисоветские выступления (Смита и др.) на конференции горняков, и все поведение Генерального совета. Но значит ли это, что мы должны отрицать историческую роль англо-русского комитета? Наоборот. Англо-русский комитет сделал огромное историческое дело. Ожесточенная борьба ВЦСПС за единство открыла глаза многим и многим английским (и не только английским) пролетариям. Идея подобных комитетов—по мере роста влияния СССР, роста уверенности рабочих масс в социалистическом строительстве СССР—будет завоевывать себе все больше позиций в западно-европейском пролетариате. Неслучайным является тот факт, что как раз

накануне венских событий лидерам австрийской социал-демократии пришлось открыть дикую кампанию против посылки второй австрийской рабочей делегации в СССР. Здесь симпатии к СССР *перерастали в революционное настроение* у соц.-демократических масс. А оппозиция в это время утверждает о «значительном ослаблении» СССР за последние 3—4 года и требует обратного приема в Коминтерн ренегатов, сделавших себе карьеру на клеветнической кампании против СССР и ВКП.

О том, как дело обстоит в действительности, мы знаем от самих реформистов. Перед нами один из последних номеров центрального органа голландских профсоюзов—«Де Стрид» (от 15 июня 1927 г.). И вот что пишет председатель голландского об'единения профсоюзов и видный член Исполкома Амстердамского Интернационала—Стенгюис, разыгрывающий «левого» на амстердамском парнасе:

«Необходимо единство азиатского пролетариата с европейским. *Этого можно добиться только через посредство русских*».

И дальше:

«Большинство организованного пролетариата желает единства с русскими».

Еще знаменательнее отклик реформистов на оглушительную пощечину, полученную предателями из Генсовета в последнем манифесте ВЦСПС. Поведение «левых» генсоветчиков двуличное, трусливое. С одной стороны, на заседании Генсовета после апрельской конференции АРК и известного интервью т. Томского, они говорят о разрыве; с другой—*боязнь перед массами*, среди которых авторитет СССР непоколебим, удерживает их от того, чтобы взять инициативу разрыва в *свои* руки. Эта трусость сказалась и в полном молчании, которым был обойден манифест ВЦСПС. Спустя только несколько недель Генсовет принял постановление перенести вопрос об АРК на конгресс трэд-юнионов в сентябре. При этом в прессу были даны только некоторые анонимные интервью некоторых анонимных членов Генсовета о том, что «пора-де кончать с англо-русским комитетом» (в беседе с буржуазными журналистами). И лишь одну маленькую характерную заметку мы находим еще до заседания Генсовета в «Дейли Геральд», в номере от 2/VII—27 г.

«В результате нападения русских профсоюзов на Генеральный совет вчера опубликованы были мнения, которые произвели впечатление, как будто члены Генерального совета решились распустить англо-русский комитет. «Дейли Геральд» информирован, что подобное воззрение было бы совершенно ошибочным, *ибо последнее нападение не обсуждалось на Генсовете*».

Последняя фраза буквально классическая. Но с какой ясностью она вскрывает подлинную силу тактики единого фронта и влияния англо-русского единства на рабочие массы! И с какой убедительностью она опровергает инсинуации о том, что через англо-русский комитет ВКП и Коминтерн «притулились к социал-демократии всерьез и надолго». Меньшевик Шварц расшифровывает положение, заключая свой анализ «увядания» англо-русского комитета следующей фразой:

«Англо-русский комитет в действительности мертв, но формально он остается, ибо *обе* стороны не хотят взять на себя одиум выхода из комитета».

Значительный свет пролил на положение парижский конгресс Амстердамского Интернационала. Конгресс создал также новое положение для Генсовета и в вопросе о немедленной ликвидации АРК. Открытое стремление немцев к гегемонии вызвало фактический уход англичан с конгресса. К моменту эдинбургского с'езда трэд-юнионов гораздо более актуально, чем разрыв с профсоюзами СССР, для лидеров Генсовета будет стоять вопрос об их дальнейшем пребывании в «антибританском» Амстердаме. Наоборот, весьма вероятна спекуляция против немцев на «близости» «левых» лидеров Генсовета с профсоюзами СССР. Все сильнее также звучат голоса в пользу реакционной идеи Томаса и его приспешников о создании имперского панбританского «интернационала». Возврат гегемонии немцев означает конец и без того слабых попыток Амстердама выйти на *мировую* арену, *за* пределы Европы. Между тем, именно англичане чувствуют бесконечно острее других в Европе изменившееся соотношение сил в мировой экономической системе после войны,—в частности тот факт, что Европа стала *частью* мирового хозяйства, а не гегемоном его. Мнимое «полевение» английских реформистов об'ясняется, в первую голову, поисками путей стабилизации английского капитализма, а через нее—и стабилизации английского реформизма. Даже идея панбританского интернационала представляет собою лишь копию с последних попыток консолидации британской империи. В этом отношении *принципиальные* позиции Хигса, Перселя и компании мало чем отличаются от позиций зубров английского трэд-юнионизма—Томаса, Кремпа и др. Только «левые» генсоветчики, отражая настроения известной части английского пролетариата, мечутся между двумя дорогами на Восток: ультра-реакционным «имперским интернационалом», с одной стороны, и рабочим движением СССР, которое органически связано с рабочим движением колоний и угнетенных национальностей и через которое лежит единственный путь к *мировому* единству профессионального движения. Вот почему единство английского и советского пролетариата есть важнейшая предпосылка мирового единства рабочего класса вообще.

О последовательной критике и «диалектических» превращениях тов. Зиновьева.

Основная предпосылка «политики дальнего прицела» есть *последовательность* политической линии. Но было бы наивной попыткой с нашей стороны искать у лидеров оппозиции этой последовательной политики. Самым разительным, как раз в вопросе об англо-русском комитете, являются исключительные по своей «дерзновенности» крутые повороты, иногда на 180 градусов, от которых — надо воздать должное — у вождей оппозиции совершенно не кружится голова. Крутизна поворотов становилась тем ошеломительнее, чем на более «высокую ступень» поднималась фракционная работа. И невольно задаешь себе вопрос: не потому ли так обрушиваются сейчас вожди оппозиции на англо-русский комитет, что *в прошлом у них по части переоценки «всемирно-исторической» миссии перселевщины не совсем благополучно*. В самом деле, стоит только вспомнить выступление на V конгрессе т. Зиновьева, который заявил, что *далеко еще неизвестно, через какие ворота придет массовая коммуни-*

стическая партия в Англии—через ворота Мак-Мануса или Перселя.

А в заседаниях президиума ИККИ, в ноябре и декабре 1924 г., тов. Зиновьев, характеризуя английскую делегацию, заявлял: «Наиболее близким к нам человеком является Персель... Сравнение Фиммена с Перселем говорит абсолютно в пользу последнего. Персель откровеннее и честнее. Он открыто отвечал на все вопросы»...

Это было, так сказать, на заре англо-русского комитета. Но в гораздо более поздний период, когда оппозиция, правда, еще не пользовалась услугами ультра-левых ренегатов, т. Зиновьев находил достойный ответ на нападки ультра-левых на тактику единого фронта. Надо читать сейчас эти документы «седой старины», чтобы видеть, что может говорить и писать один и тот же человек. Есть выступления, которые по своей жгучей актуальности не потеряли и сейчас ни в одной строчке, и мы не можем отказать себе в удовольствии привести яркую цитату из яркой речи т. Зиновьева в комиссии ИККИ по германским делам—в сентябре 1925 г. («Коммун. Интерн.», № 9/46), направленной против Маслова и Рут Фишер:

«Эта группа мнила о себе, что она является настоящей западно-европейской представительницей революционного марксизма. Мы, мол, в России деморализованы нэпом, мы—крестьянская страна. Ленин—умер, но зато Маслов—жив. Что мы могли сказать на это?.. Испробуем Маслова!»

И что же получилось?

«Остановимся на профсоюзном вопросе. Вы указали путь, ведущий к пропасти (партию). *Было ли это левым уклоном? Это был правый уклон...*

Возьмем другой вопрос: международное единство в профсоюзах, связь с англичанами. *И слепой видит, что здесь—ось политики Коминтерна...* Это был вопрос жизни или смерти для европейского рабочего движения. Куда шли вы? *Вы шли на деле к социал-демократии, а не к Коминтерну...* Мы должны были воевать за каждый шаг; вы не хотели этой тактики...

Рут сказала здесь, что нас от с.-д. рабочих отделяет стена. Это самое важное. Эта стена становится еще выше благодаря политике Маслова»...

И, наконец, огнем надо было бы выжечь последние строки:

«Не вправо мы хотим толкнуть партию. Теперь настало время, когда мы должны сказать всем рабочим, что *предательски поступают те, которые называют ИККИ правым»...*

Итак, в 1925 г. англо-русский комитет—ось политики Коминтерна. В 1927 г. англо-русский комитет—ось реформистского уклона Коминтерна. И это только потому, что кучка предателей из Генсовета, которые были, есть и останутся предателями, «неожиданно» (для кого неожиданно?) разочаровала чрезмерно восторженные ожидания иных оппозиционеров.

Кто «предвидел» измены Генсовета?

Оппозиция «предсказала» грядущие измены Генсовета. Оппозиция «предвидела», что русские профсоюзы окажутся в плену у «левых» предателей Генсовета. Оппозиция «предсказала» капитуляцию перед агентами Чемберлена. Оппозиция «разоблачала» англо-русский комитет, как дипломатический блок сверху, основанный на интриганстве, «личной дружбе», «секретных договорах», ведущий к коррумпированию рабочего класса. Руководить политической работой,—горделиво заявляют они,—значит не только видеть факты, как они есть, но уметь их предвидеть. Лидеры оппозиции брали и умели брать линию дальнего прицела.

Что же они предвидели и чего не предвидел Коминтерн?

«Исторический» поворот оппозиции начинается со времени английской всеобщей стачки. Что же? Переставал ли ВЦСПС хоть на одну минуту с того времени критиковать деятельность «левых» предателей? Переставал ли ВЦСПС разоблачать Генсовет в глазах широких масс английского пролетариата? Когда и где была взята линия на замену союза рабочих СССР с английским пролетариатом—блоком с вождями Генсовета? Когда и где ВЦСПС перестал «изменников называть изменниками»?

«Боевым» лозунгом оппозиции является требование документов. В «Fahne des Kommunismus», которая святым духом, по наитию улавливает московские «директивы», так и красуется на первой странице аншлаг: «требуйте документов от клеветников». А где же *ваши* документы, честные критики? Вот перед нами документ огромной исторической важности, который показывает, кто на самом деле «предвидел» измены Генсовета, кто умел, не порывая с тактикой единого фронта, не порывая с профессиональным движением, а используя это могучее орудие борьбы за массы, поставить генсоветчиков у позорного столба, кто брал действительно дальний прицел. Это—тезисы Исполкома Коминтерна об уроках английской стачки. Вот что мы читаем в этом документе:

«...Следует считать совершенно нецелесообразным выход профсоюзов СССР из англо-русского комитета. В англо-русской комитет рабочие СССР посылали своих представителей вовсе не потому, что надеялись переговорами с верхушкой оппортунистических лидеров заменить задачу революционного преобразования капиталистических стран. Кто имел такие иллюзии, тот должен был испытать жестокое разочарование. Но профсоюзы СССР, не имевшие таких иллюзий ни на одну минуту, шли в англо-русский комитет ради связи с той *массой, под напором которой* повернули влево профсоюзные вожди...

Профсоюзные вожди Англии, весьма вероятно, теперь повернут вправо и, вновь сближаясь с Амстердамом, сами постараются разорвать англо-русский комитет или взять его измором; это будет их новым саморазоблачением...

Профсоюзы СССР шли в англо-русский комитет, отнюдь не связывая себя в области критики; точно так же, как коммунисты Англии, работая в профсоюзах или выставляя лозунг вхождения в рабочую партию, ни на одну минуту не связывают себя в области критики и разоблачения реформистов... Задачей ленинцев является не выход из АРК, а борьба за изменение его состава, за изменение состава всех руководящих органов Генсовета...».

Из опубликованной переписки ВЦСПС, из докладов и интервью т. Томского мы знаем, как «ограничивал» ВЦСПС свою критику «левых» предателей. На парижской конференции АРК, после английской забастовки, генсоветчики «чуть» не довели до разрыва. Ставили ультиматум, грозили—и *не посмели* уйти. На берлинской конференции «капитуляция ВЦСПС перед агентами

Чемберлена» дала документ, об'являвший английскому пролетариату, что «важнейшим условием успеха борьбы за международное единство труда против капиталистической эксплоатации является братский союз между профдвижением Британии и СССР», «что англо-русское единство особенно необходимо для предотвращения угрозы нападения на Советский Союз». Через несколько дней после «капитуляции» появилось разоблачающее генсоветчиков интервью т. Томского. А воровское молчание Генсовета по поводу последнего манифеста ВЦСПС о чем говорит? Оно свидетельствует о том, что у «левых» генсоветчиков животный страх прожженных профбюрократов перед массами, что они чувствуют, как колеблется почва у них под ногами; оно свидетельствует о том, что англо-русский комитет *пустил глубочайшие корни в пролетарские массы*.

Оппозиция говорит о «блоке вождей». Но где и когда нами отрицалась возможность *и* единства с частью вождей—*при непременном условии его увязки с единством снизу?* На шестом расширенном пленуме ИККИ, уже будучи в оппозиции, т. Зиновьев дал великолепную формулировку проблемы блока и единства. Единство снизу,—заявил он,—всегда; единство *и* с частью верхов—иногда; единство *только* сверху—никогда. Отзыв т. Зиновьева о «наиболее близком к нам» Перселе показывает, что оппозиция умела не только правильно понимать маневрирование в вопросе о «блоках», но и умела *переоценивать* «роль личности в англо-русском комитете». Тогда фракционная борьба не поднималась еще на такую «ступень».

В ответ на клеветническое обвинение в капитуляции перед агентами Чемберлена, в «приравнивании» к социал-демократии, мы с полным правом можем сказать его авторам:

«Возвращается вам по принадлежности. Врачу, исцелися сам!»

Глава о синдикалистах.

На последнем пленуме ИККИ легкая кавалерия оппозиции, т. Вуйович, преподнес пленуму «легкую» сенсацию. Он обвинял (конечно, обвинял!) Коминтерн в том, что внимание его обращено всецело в сторону реформистских рабочих (англо-русский комитет) в то время, как полному забвению предаются «левые» элементы—анархисты и синдикалисты. Вряд ли можно было придумать более нелепое выступление. Но оно было поддержано всем весом тяжелой артиллерии: т. Троцкий вспомнил, как он во время войны «с фонарем в руках» искал в Париже честных интернационалистов и нашел синдикалиста Монатта. В различных документах оппозиции это получило дальнейшее подтверждение—со ссылками на IV конгресс Коминтерна, на тезисы конгресса о единстве, где говорилось, что «под единым рабочим фронтом следует разуметь единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма,—стало быть, и рабочих, идущих еще за анархистами, синдикалистами и т. п.».

Если бы можно было «изобрести» наиболее неудачное выступление оппозиции, то нельзя было бы придумать более удачного об'екта. Кто *серьезно* сейчас может говорить о синдикалистах? Искать *сейчас* ворота к широкой рабочей массе через жалкие остатки ограниченных, сектантских анархо-синдикалистских групп—такая дикая идея могла зародиться только в бредовом фракционном мозгу. Если в 1914 г. нужен был «фонарь» для того, чтобы найти одного Монатта, то какой прожектор нужен через десять лет после Октябрьской революции, после того, как лучшие, революционные элементы анархо-синдикализма давно уже борются в рядах Коминтерна и Профинтерна! Где, в какой стране имеется хотя бы подобие массовой анархо-синдикалистской организации (об отдельных, случайно заблудившихся рабочих, ведь, речь не идет)? Ведь тезисы IV конгресса имели в виду именно *последний* отряд массовой профсоюзной синдикалистской организации—Унитарную Конфедерацию Труда Франции, о вступлении которой в Профинтерн именно тогда стоял вопрос. И вожди оппозиции хорошо знают, какими *непримиримыми врагами* СССР, ВКП и Коминтерна являются анархисты и синдикалисты. Даже синдикалистская организация, состоящая пока в Профинтерне,—пресловутый голландский НАС—приняла недавно постановление об исключении коммунистов, организующих комфракции в синдикатах. А чего можно от них ожидать во время войны—пусть они сами скажут. После убийства Войкова в немецком «Синдикалисте», органе руководящей группы анархо-синдикалистского «интернационала», мы можем читать (№ 25, от 18/VI 1927 г.): «Мы, синдикалисты, враги реакции и противники советского правительства... Русское правительство и коммунистические партии всего мира об'ясняют враждебные выступления против Советского Союза тем, что Советская Россия—первое «рабочее государство»—представляет опасность для самого существования капитализма, как центр революционного рабочего движения. Но сейчас нельзя больше говорить о России, как о революционной или даже (!) социалистической стране»...

«*Мы осуждаем покушения, направленные против советского правительства так же, как и расстрелы заложников*»...

Вот каким языком говорят любезные оппозиции современные синдикалисты! Почему вы о них не напишите «правду», т. Вуйович! Нам вспоминается, как совсем еще недавно, на том же шестом пленуме ИККИ, т. Зиновьев возражал Бордиге:

«Анархизм был наказанием за оппортунистические грехи (взято у Ленина—из «Детской болезни левизны» и т. д.); и, наоборот, оппортунизм—за анархистские грехи (собственное т. Зиновьева). Те партии, которые не научились вести решительную борьбу против анархистских уклонов, всегда платили дань правым уклонам. И так как мы уже выросли в прочную и сплоченную мировую коммунистическую организацию, *в наших рядах не может и не должно быть никаких анархистов*»...

Тов. Зиновьев 1927 г., поучитесь у т. Зиновьева 1926 г.

Кто желает ликвидации АРК?

«Пошлым, мещанским, насквозь меньшевистским является аргумент, что Чемберлен «тоже» хочет взрыва англо-русского комитета»... Так гласит «перестраховка» оппозиции. И чем сильнее нажим буржуазии и социал-демократов на англо-русский комитет, тем громче «суперлятивы», расточаемые оппозицией. Но, рискуя попасть в разряд «мещан», позвольте все же задать нескромный вопрос: чем об'яснить этот систематический «параллелизм» в отношении АРК? Ведь речь идет не о случайном «совпадении фактов», а о вполне «нормальном» вошедшем прочно

в обиход, «бытовом явлении». Мы, грешным делом, думали, что нападение буржуазии и соц.-демократов на АРК имеет простое об'яснение: боязнь единого фронта, *боязнь перерастания единого фронта* и «братания» с советским пролетариатом *в революционные действия*. А признать это значит признать, что англо-русский комитет—массовая организация, а не верхушечный блок только вождей. Недаром «рабочие корреспонденты» буржуазной прессы упрекают генсоветчиков в «трусости» и призывают их «смело порвать» с советскими союзами. Недаром лиса Удегест по поводу манифеста ВЦСПС в органе голландских с.-д. «Гет Фольк» писал о «несозрелости русских для сотрудничества с европейским рабочим движением». Недаром в «Соцвестнике» меньшевик Вернер (псевдоним Шварца), учитывая «изменившееся соотношение сил в английском профдвижении», убеждает генсоветчиков: «Комбинация «Лондон—Москва» умирает. Настоящее принадлежит более солидному союзу—«Лондон—Амстердам». И если лидеры оппозиции открещиваются от этого факта при помощи «крепкого слова», то это по той лишь простой причине, что он *бьет по больному месту*. Но никакие «сильные прилагательные» в этом деле не помогут.

* * *

Итак, весь «обвинительный акт» оппозиции построен на песке. Удары не только бьют мимо цели, но в большинстве случаев *бьют по самой оппозиции*. «Дальность прицела» оппозиции в вопросе об англо-русском комитете—«творимая легенда», созданная в определенных фракционных интересах. *На деле* это есть политика зигзагов, паники и скороспелого пессимизма. Отсюда и «плод» неуравновешенной политики—«трагическая мелодекламация».

Т. Мандалян.

Распад Ухана и Нанкина и поход в Гуандун.

Еще месяц—полтора назад, когда уханское правительство, окончательно поборов свои колебания, выступило против рабоче-крестьянского движения, когда массовые растрелы, убийства и зверства военщины были официально освящены верхушкой уханского гоминдана, начавшей крестовый поход против коммунистов, казалось, что задачи, которые поставила перед собой национальная китайская буржуазия в дни апрельского переворота, наполовину решены. Иным казалось, что усилиями ее уже достигнута такая степень политической стабилизации, которая обеспечивала ей закрепление своей власти на об'единенной территории нанкинского и уханского правительства. Словом, казалось, что разложение Ухана ведет к консолидации буржуазного Нанкина—ведь Ухан погиб именно потому, что буржуазии как будто удалось «мирным путем», не прибегая к открытым военным действиям, разложить уханский лагерь.

Однако, распад Ухана и об'единение его с Нанкиным происходит в таких формах и в таких условиях, что знаменуют вовсе не победу, но политическое *поражение* национальной буржуазии.

Для того, чтобы проверить это, нужно проследить за ходом событий последних 1—2 месяцев, когда параллельно с разложением Ухана наросли противоречия внутри нанкинского лагеря, усилились (на известный срок) северные милитаристы, усилился нажим империалистов и, наконец, выкристаллизировались революционные силы вокруг нового центра—армии Ие-Тина и Хо-Луна.

Как распался уханский лагерь.

Уханское правительство было продуктом блока коммунистов, представляющих рабочих и крестьян, с мелкобуржуазной и радикально-буржуазной интеллигенцией, стоявшей во главе гоминдана. Этот блок опирался на части старой кантонской армии, прошедшей небольшую революционную школу и проделавшей в боях северный поход от Гуандуна до Хенани. Но существовала еще и вторая часть армии, находившаяся в руках *попутчиков* гоминдана, старых милитаристов, перекрасившихся в гоминдановские цвета в течение последних 1—2 лет: армии Тан-Шен-Чжи, Фын-Юй-Сяна, Лу-Цзо-Луна и других. Генералы и офицерство, возглавлявшие эти армии,—одни в меньшей, другие в большей степени,—были связаны с чиновной буржуазией, с торгово-ростовщической буржуазией, с крупным кулачеством и с помещи-

ками. Это правое крыло армии было наиболее уязвимым местом уханского блока, и неудивительно, что контрреволюция прорвалась именно по линии этого слабейшего звена.

Рост рабоче-крестьянского движения, обострение классовой борьбы в деревне, захват помещичьих земель крестьянами вызвали бунт правых частей против уханского правительства—восстания Сяо-Ду-Ина и Ян-Сена, *подавленные* при помощи *левых* и *коммунистических* частей. Однако, по мере углубления революционного движения, контрреволюционные выступления встречают все меньший отпор со стороны верхушки гоминдана, перед которой ставится дилемма: либо вооружить рабочих и крестьян, раздать последним землю и отсечь попутчиков, либо попытаться «успокоить» массовое движение. На этот последний путь постепенно становится уханская верхушка. Восстание 21 мая в Хунани не находит отпора со стороны правительства, оно впадает в панику, когда через пару недель Фын-Юй-Сян, уханский главнокомандующий, договаривается с Чан-Кай-Ши. Отказываясь поддерживать рабочие и крестьянские массы, верхи гоминдана, потерявшие опору в массах, повисшие в воздухе, капитулируют перед правой военщиной. Способствовали этому и нерешительность, колебания и ошибки старого руководства китайской компартии. Еще через некоторое время, наиболее честные из гоминдановцев, как Ден-Ин-Да и Сун-Цзин-Лин, открыто выступают против засилия новых милитаристов, а наименее мужественные, близкие к буржуазии идеологи—Ван-Тин-Вей и другие—выступают с погромными речами против коммунистов, организуют массовые казни и расстрелы революционеров, стараясь перещеголять в этом отношении и Чан-Кай-Ши, во искупление своего левого грехопадения.

В итоге—усиление власти правой военщины, сопровождающееся разложением левого — кантонского — крыла армии. Чтобы поддержать дух этой армии, не допустить исчезновения ее как самостоятельного фактора, независимого от Тан-Шен-Чжи и других, уханские лидеры выбросили лозунг «похода на Чан-Кай-Ши». Однако, этот лозунг, содержание которого было выхолощено кровавыми репрессиями Ухана против рабочих и крестьян, не мог воодушевить армию, так как, если бы даже такой поход был осуществлен, то он об'ективно служил бы интересам помещичье-буржуазных элементов, стоящих теперь за спиной Тан-Шен-Чжи, Хо-Чьена и других.

В результате лучшие части старой кантонской армии, в частности, «железной армии» Чан-Фа-Гуэя, вынесшие на своих плечах все тяжелые бои северного похода, восстали против уханского правительства в Нанчане и пошли походом на юг, в Гуандун, «щупать помещика штыком» и создавать новый революционный центр. Ухан потерял лучшую часть старой кантонской армии. Восстание это окончательно толкнуло лишившихся последней опоры гоминдановских вождей в об'ятия правых генералов.

Однако, дифференциация Ухана вовсе *не ограничивается* этим размежеванием основных социальных сил: перегруппировкой рабочих, крестьян, революционных солдат, на одной стороне, помещиков, буржуа, кулаков и мелкобуржуазных политиканов, на другой. Параллельно с этим идет разложение и распад *правых* сил. По мере того, как элементы феодальные получили, через попутчиков, преобладание над элементами буржуазными в армии и в органах власти, усилились центробежные тенденции, столь

типичные именно для *феодальных пережитков* в Китае. Уханское «государство» потеряло и ту видимость внутреннего единства, которая раньше все же имелась. О том, что Фын-Юй-Сян и Тан-Шен-Чжи—два непримиримых соперника, достаточно известно. Недаром Тан-Шен-Чжи вел недавно переговоры с *Пекином о союзе*, направленном *против Фын-Юй-Сяна*. Но и внутри владений Тан-Шен-Чжи происходит дробление территории на мелкие генеральские уделы по старому милитаристскому рецепту. Правые армии разлагаются по линии генеральской. В Хунани восстает Сю-Кей-Сян, в Хубее — Вей-И-Сан, все цементирующие звенья исчезли, и уханское правительство становится игрушкой в руках соперничающих друг с другом милитаристов.

В таких обстоятельствах Ухан пошел на мир с Нанкином. Не на условиях «полевения» Нанкина, ликвидации личной диктатуры, замены военной власти гражданской, как уверяют гоминдановские вожди, но как раз наоборот; на условиях *капитуляции либерально-буржуазного крыла Нанкина* и Ухана перед *полуфеодальными* и компрадорскими элементами *обоих лагерей*.

Крах национал-реформизма Нанкина.

Нанкинское правительство, будучи более однородным по классовому составу, чем Ухан, было все же результатом блока ряда соперничающих сил: 1) гуандун-гуансийских милитаристов—Ли-Ти-Сина, Бей-Цзун-Ши и др., связанных в большой мере с помещиками и джентри на юге, 2) попутчиков-перебежчиков, в роде аньхойского дубаня Чен-Тяо-Юаня и расположенного около Шанхая генерала Чжоу-Фын-Чжи, перешедших от Сун-Чуан-Фана всего 7—8 месяцев назад и связанных с помещиками и компрадорами нижнего течения долины Ян-Цзы, 3) самого Чан-Кай-Ши и его группы, представителей «чистой» национальной буржуазии прибрежных провинций и, в первую очередь, Шанхая и Чжецзяна и 4) группы правогоминдановских политиканов из Гаундуна—Ху-Хан-Мина, У-Чао-Чу и других, тяготеющих к компрадорству и гуансийской клике. Национальная буржуазия и ее представитель Чан-Кай-Ши выступали с апреля этого года, т.-е. с момента образования нанкинского правительства, признанным гегемоном всей этой группы.

После апрельского переворота перед этим «левым» крылом китайской буржуазии встал ряд важнейших задач: об'единить страну под единым централизованным руководством, разбить северных милитаристов, договориться с империалистами, вырвать у них некоторые уступки, навести «порядок» в стране, «успокоить» рабочих и крестьян.

С этими задачами буржуазия не справилась. Неудачи преследовали ее в области внешней и внутренней политики. Представитель ее, Чан-Кай-Ши, был вынужден в конце концов уйти. Уход его не был неожиданным; он подготовлялся уже давно его политическими противниками. Крайне интересна, поэтому, статья американца Сокольского, написанная 10 июля и напечатанная в американской газете, издающейся в Японии—«Джапан Адвертайзер». Сокольский известен своими большими связями с китайской буржуазией и правогоминдановскими кругами. В статье своей он, несомненно, выражал настроения этих кругов: Он заявляет, что умеренные элементы нанкинского гоминдана

недовольны Чан-Кай-Ши по целому ряду причин. Во-первых, «торгово-промышленные деятели устали от сумасшедшей экономической политики Нанкина»; во-вторых, Чан-Кай-Ши «совершенно дезорганизовал торговлю и промышленность ради проведения новой северной экспедиции, а эта война не прибавит славы гоминдану». В-третьих, Чан-Кай-Ши заигрывает с некоторыми гоминдановцами из уханской группы, в частности с министром финансов Сунгом. В-четвертых, Чан-Кай-Ши окружил себя своими соотечественниками из Нинбо (Чжецзян) и противопоставляет их кантонцам. Эта статья Сокольского проливает гораздо больший свет на истинные причины ухода Чан-Кай-Ши, чем туманные заявления о том, что, мол, Чан-Кай-Ши уходит, так как иначе об'единение Нанкина и Ухана немыслимо из-за сопротивления *левых* гоминдановцев. Чан-Кай-Ши ушел не потому, что он был слишком *правым*, но потому, что он был *слишком «левым»* для нанкинских милитаристов и для действительных хозяев теперешнего Ухана. Уход его был политической *капитуляцией национальной буржуазии* перед *полуфеодальными* и компрадорскими элементами. История сыграла злую шутку с так называемыми левыми гоминдановцами из Ухана—Ван-Тин-Веем, Сун-Фо и друг. Два месяца назад они боролись с Чан-Кай-Ши слева, а теперь они вытесняют его справа. Но и многим из них, вероятно, придется последовать за Чан-Кай-Ши в ближайшем же будущем.

Основные причины, приведшие к уходу Чан-Кай-Ши и, следовательно, к ослаблению руководящей роли национальной буржуазии в нанкинском блоке, были следующие:

Во-первых, централизация государственной власти, которая должна была быть одним из важнейших условий буржуазной реконструкции Китая, наталкивается на упорное сопротивление отдельных милитаристов полуфеодального типа, осевших в своих районах и провинциях и отнюдь не расположенных делить власть и доходы с кем бы то ни было. Крупным милитаристом такого типа является Ли-Ти-Син, который монопольно господствует в Гуандуне. Будучи в сущности попутчиком Гоминдана, он все время стоял и стоит правее Чан-Кай-Ши, является сторонником децентрализации, отказывается вносить часть своих доходов в общую казну нанкинского правительства. Связавшийся с помещиками и джентри, с одной стороны, и с гонгконгским компрадорством—с другой, Ли-Ти-Син уже с момента апрельского переворота вел борьбу против сторонников Чан-Кай-Ши, представителей либерально-буржуазной интеллигенции. Последние снимались с постов, высылались из пределов Гуандуна и т. п. Провинции Гуанси и Аньхой также являются владениями отдельных милитаристов. В Фуцзяне идет острая борьба между двумя милитаристами, претендующими на доходы провинции. В Чжецзяне, где хозяйничают перешедшие от Сун-Чуан-Фана генералы-попутчики, растут сепаратистские тенденции и стремление отделиться в самостоятельную «республику». Мы уже не говорим о том, что контроль нанкинского правительства над провинцией Шаньси и территорией Фын-Юй-Сяна номинальный.

Стремление Чан-Кай-Ши и его группы сколотить централизованный административный аппарат, централизовать финансы, армию и власть, наталкивалось на сопротивление этих новых милитаристов. Они были, кроме того, против новой северной

экспедиции, т.-е. похода в Шаньдунь и на Пекин, так как с точки зрения этих мелких удельных князей поход был лишен всякого политического содержания и представлял только напрасную трату сил и денег. Правое крыло Нанкина, таким образом, не разделяло чаяний и стремлений левого, либерально-буржуазного крыла об'единить Китай в единый буржуазный государственный организм.

Во-вторых, буржуазия не смогла приостановить рабоче-крестьянское движение. Реформистская практика ее по отношению к рабочему движению, к гоминдану кончилась крахом. Желтые союзы, несмотря на свирепые репрессии по отношению к коммунистам, не смогли оградить себя от влияния их. Очень много союзов попало под руководство коммунистов, забастовочная борьба, несмотря на запрещения и саботаж правогоминдановских союзов, продолжает развиваться. Влияние коммунистов на массы растет, по общему признанию и гоминдановцев и империалистической прессы. Антияпонские и антианглийские выступления, поддерживаемые национальной буржуазией, рассчитывавшей этим путем заставить империалистов пойти на некоторые уступки, только лили воду на мельницу коммунистов, которые получали возможность в процессе этих выступлений разоблачать всю беспомощность, подлость и двурушничество буржуазии перед массами. Коммунисты начали проникать даже в гоминдан—в гоминдан правый—и завоевывать целые организации (например, один из шанхайских районов).

В-третьих, постепенно разложились старые кантонские кадры армии, которые, за отказом остальных милитаристов из нанкинского лагеря поставлять крупные силы на фронт, вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с севером. Эти наиболее левые части армии не могли остаться безучастными к разгрому рабоче-крестьянских организаций, не могли не реагировать на это в той или иной форме. Теперь дезертирство из этих частей, волнения и бунты в них особенно часты. Этим об'ясняются победы северных милитаристов, которые продвигаются вперед, перешли уже Янцзы и угрожают Нанкину и Шанхаю. Эта часть армии была главной опорой Чан-Кай-Ши; с ее разложением он лишился единственной пока лояльной ему реальной силы.

В-четвертых, неудачи Нанкина были ускорены его экономической политикой. Поставив себе целью продолжение северного похода и занятие Пекина, национальная буржуазия нуждалась в колоссальных средствах. Нанкинское правительство должно иметь до 20 миллионов долларов в месяц на военные нужды. За отсутствием значительных поступлений из остальных провинций, правительство вынуждено было добывать средства в провинциях Цзянсу и Чжецзян путем драконовских налоговых мероприятий. На население были наложены бесчисленные косвенные налоги, например, 50% акциза на табак и т. д., при чем власти оказались вынужденными обложить налогами и поборами не только «простой народ», но и шанхайское компрадорство. Доходы с налогов и всякого рода легальные и нелегальные поступления растрачивались самым хищническим образом. Фактическая власть в Шанхае, например, находилась в руках группы торговцев и спекулянтов опиумом, которые, использовывая люмпен-пролетарские организации, хозяйничали в городе, творили беззакония. Пока опиумная клика ловила и расстреливала ком-

мунистов и рабочих, шанхайское компрадорство ничего не имело против этого. Но так как опиумные спекулянты начали ущемлять и крупных китайских буржуа-компрадоров, то те решительно выступили против них, обвиняя Чан-Кай-Ши в потворствовании опиумной банде. О тесной связи последней с правительством Чан-Кай-Ши вряд ли можно было сомневаться—недавно оно разработало проект легализации продажи опиума с передачей монополии на это опиумной клике за 15.400.000 долларов в год. Безобразия опиумной банды в Шанхае также способствовали изоляции Чан-Кай-Ши от более умеренных и «солидных» групп китайской буржуазии.

Наконец, пятой, главной причиной ухода Чан-Кай-Ши было обострение отношений между нанкинским правительством и империалистами, вылившееся в открытый конфликт, в связи с экономической политикой Нанкина.

«Неблагодарность» империалистов.

Иностранные империалисты начали заигрывать всерьез с национальной китайской буржуазией в ноябре—декабре прошлого года, в период крупных побед южной армии. Даже английские твердолобые разразились в декабре 1926 г. нотой, которая обещала полный пересмотр старой английской политики в Китае. Империалисты—Япония и Америка скрыто, а Англия открыто—играли на внутренних противоречиях национально-революционного фронта. Они ставили ставку на откол буржуазии и в этом смысле добились известных результатов. В дни, предшествовавшие апрельскому перевороту, английская пресса прямо призывала Чан-Кай-Ши взять на себя роль спасителя Китая и тем самым заслужить благодарность империалистов. Возможно, что немало неофициальных и официальных заверений было сделано реакционным южным генералам в том, что-де, если они порвут с коммунистами, империалисты проявят готовность пойти на уступки в некоторых вопросах.

Однако, чем дальше отходила от революции национальная буржуазия, чем больше ударов терпела революция в Китае, тем непримиримее становились империалисты. Когда Чан-Кай-Ши после апрельского переворота начал пред'являть иностранцам векселя, ничего он от них не получил.

Между тем, тяжелое экономическое положение нанкинского правительства толкало его на суровые налоговые мероприятия не только по отношению к китайским, но и иностранным капиталистам. Оно вынуждено было повысить таможенный тариф, установить ряд косвенных и прямых налогов, которые затрагивали иностранцев в значительно большей степени, чем китайцев. Правительство ограничило вывоз серебра, чем навлекло на себя гнев английских банков. Английские табачные фабрики Шанхая закрылись, начали закрываться другие предприятия. В начале августа угрожали закрыть фабрики японские текстильные промышленники, на предприятиях которых работают десятки тысяч рабочих. С другой стороны, заносчивое поведение английских войск, посылка новых японских войск в Шаньдунь развивали естественную реакцию в китайских массах, реакцию, которая выливалась в форму бойкотов, которые буржуазия использовывала.

В свою очередь, эти бойкоты толкали империалистов на новые агрессивные меры.

В результате всего этого на нанкинское правительство началось всеобщее наступление империалистов. На первом месте, разумеется, выступает английский империализм. Он широко финансирует северные армии и оказывает им помощь оружием и руководящими силами. Недаром один из английских корреспондентов недавно писал об иностранных военных советниках у Чжан-Цзо-Лина, подразумевая, конечно, англичан. И на самой территории нанкинского правительства англичане переходят в контрнаступление. Английский орган в Шанхае «Норт Чайна Дэйли Ньюс» поднял бешеную кампанию против временного китайского суда и требует изгнания его с международного сеттльмента. Муниципальный совет сеттльмента увеличил налоги с китайцев и твердо провел это увеличение, несмотря на фрондирование китайской буржуазии. Наконец, теперь, после неудач Нанкина на военных фронтах, английские империалисты выдвигают новый проект *расширения империалистического влияния на* территории Китая: ведутся переговоры с Чжан-Цзо-Лином о том, чтобы *весь Шанхайский район*, включая пригороды Путун, Паошан, Чапей, Нантао и в общем территорию диаметром в 20—30 миль, был нейтрализован и *передан в распоряжение иностранцам*. Этот наглый план находит уже одобрение у Чжан-Цзо-Лина.

Та же английская газета, которая в апреле умоляла Чан-Кай-Ши выполнить долг национального героя, теперь, после отставки его, пишет: «Наша газета—орган империализма. Империалисты оказались правы: в Китае нужно проводить твердокаменную политику, так как китайцы сами не способны управлять своей страной»...

Япония заняла столь же непримиримую позицию, как и Англия, продолжая вести свою особую «японскую» политику. В Китае говорят, что Япония—это мелкий воришка, а Англия—грабитель на большой дороге. И действительно, вся политика Японии направлена сейчас на то, чтобы, с одной стороны, укрепить свое влияние на Севере, а с другой—перехитрить всех китайских генералов (и южных в том числе) и заставить их работать на Японию. (Возможно, что эта хитроумная политика приведет к тому, что когда-нибудь японские империалисты сами себя перехитрят. Уже теперь, как американские газеты недавно указывали, Япония имеет своих военных советников в *обеих борющихся армиях*—и *у Чжан-Цзо-Лина и у Чан-Кай-Ши!*).

Если в прошлые годы революционное движение в Китае, подрывающее английское влияние, в известной мере использовывалось Японией, то в последнее время она также стала больно чувствовать на себе удары китайской революции. В первой трети 1927 года ввоз английских товаров в Китай сократился на 17% по сравнению с соответствующим периодом 1926 г., ввоз японских товаров—на 25%, а ввоз американских товаров вырос на 8%. Военные действия в Китае, и в особенности в Шаньдуне и на границах Манчжурии, *в настоящее время* не только не выгодны, но определенно вредны японским интересам. Поэтому японские империалисты прилагают все усилия к тому, чтобы примирить север с югом и Ухан с Нанкином, при условии некоторого усиления севера и подавления антияпонского движения на юге. За неделю до ухода Чан-Кай-Ши японская буржуазная газета

«Ямато» писала: «Пусть Чан-Кай-Ши воздержится от войны с Уханом, и торговые интересы Японии будут, без сомнения, в безопасности».

Приблизительно в это же время газета «Осака-Асахи» писала: «Вероятно, г-н Иошизава (японский посол в Китае) поедет в Нанкин, чтобы дать возможность Чан-Кай-Ши исправить ошибки своего правительства. Иначе мы опасаемся, что шанхайское Таможенное Управление будет занято державами. Мы, однако, надеемся, что нанкинское правительство послушается японского министра и исправит свои ошибки».

Это единодушное выступление Англии и Японии против Нанкина подтверждает слухи о тайном соглашении, заключенном между этими двумя державами о разделе сфер влияния в Китае. Но и американские и французские империалисты, до сих пор занимавшие «благожелательную» позицию по отношению к национальному движению и к Нанкину, присоединились к англичанам и японцам, осуждая экономическую политику правительства Чан-Кай-Ши, которое, по выражению американского консула в Шанхае, стремится будто бы «превратить Шанхай в торговое кладбище».

7 августа японский посол Иошизава виделся с членами нанкинского правительства. 10 августа японская и английская торговые палаты в Шанхае послали совместную телеграмму протеста против чрезвычайных налогов, введенных китайскими властями. А 15 августа ушел Чан-Кай-Ши.

Национальная буржуазия, игравшая руководящую роль, отодвигается, если не отодвинута уже, на второй план давлением империалистов, с одной стороны, и полуфеодальных и компрадорских элементов гоминдана—с другой.

Это отнюдь не означает, конечно, что умеренные круги буржуазии откажутся от попыток подчинить себе отдельных милитаристов и добиться *буржуазного* об'единения Китая. Такая ставка уже ставится ими на Фын-Юй-Сяна. Возможно и возвращение Чан-Кай-Ши, но уже на других ролях. Важно то, что *на данном этапе* элементы, связанные с феодалами и империализмом, оказались во много раз *сильнее* национальной буржуазии. Все здание национального реформизма буржуазии, псевдореволюционного строительства под флагом гоминдана и лжеобщественных организаций, разрушается под грубыми ударами милитаристов и империалистов. Отличие между Нанкином и Пекином стирается, и обманывать массы «революционными» фразами уже не удастся. *Массы видят, что половинчатые, реформистские методы не годятся никуда в борьбе с империализмом.*

Накопление революционных сил.

Одновременно с разложением Ухана и Нанкина идет накопление революционных сил на другом полюсе. Лучшие революционные элементы уханского гоминдана отошли от него, и ряд видных руководителей его, популярных в массах, порвал с официальным руководством и идет вместе с коммунистами: жена Сун-Ят-Сена—Сун-Цзин-Лин, Дэн-Ин-да, жена Ляо-Чун-Кая и другие. Пролетариат и крестьянство не остаются изолированными. Значительная часть *интеллигенции* идет с ними. Характерна в этом отношении демонстрация *учителей* в Ухане, имевшая

место недавно, в период самой жестокой реакции и направленная против уханской военщины. Даже мелкие *торговцы* Гуандуна, Фуцзяна и других районов бунтуют, возмущенные тяжелыми налогами, накладываемыми военщиной, и общеполитическим бесправием, воцарившимся после разгрома коммунистов.

Крестьянские восстания и волнения не прекращаются на территории нанкинского правительства. Но и на севере, в Хэнани, Красные Пики *уже* выступают против Фын-Юй-Сяна. В Гуандунской провинции, по английским источникам, число вооруженных крестьянских партизан близко к 60.000. Партизаны бродят под самыми стенами Кантона, и ни один правительственный чиновник не рискует путешествовать без большой охраны. Район Восточной реки, граничащий с провинциями Фуцзян и Цзянси, наполовину находится в руках крестьянских отрядов.

Наконец, рабочие Ухана, Кантона, Шанхая, Сватоу, Нанкина продолжают выступать против реакционной военщины более непримиримо, чем когда бы то ни было. Забастовочное движение, вопреки исключительным репрессиям, охватывает один отряд рабочих за другим.

Авторитет коммунистической партии, как единственной революционной силы, которая до сих пор цементировала единый революционный фронт и которая в состоянии возглавить массовое движение рабочих, крестьян и городской бедноты, растет по мере того, как буржуазия компрометирует себя перед народными массами, обнаруживая свою реакционную сущность. Страх перед коммунизмом продолжает преследовать китайскую и иностранную буржуазию. Он иногда принимает чудовищные формы. Так, например, в Кантоне правительство издало закон, по которому коммунисты, нелегально *входящие в гоминдан*, с целью «неверного толкования принципов сунятсенизма» должны подвергаться *смертной казни* или пожизненному заключению. Но подобные мероприятия только укрепляют влияние коммунистов.

В таких условиях поход восставших частей генералов Ие-Тина и Хо-Луна в Гуандун приобретает историческое значение. Обрастая партизанскими отрядами крестьян, эти части, находящиеся под руководством коммунистов, смогут в короткий срок захватить Кантон и создать новый революционный центр, который будет исходным пунктом для борьбы с реакцией, утвердившейся во всем остальном Китае.

Процесс разложения Нанкина и Ухана облегчает консолидацию революционных сил. Победа в Гуандуне послужит, несомненно, сигналом к новым революционным вспышкам и восстаниям во всем Южном Китае.

Об'ективные условия *благоприятны* для нового революционного под'ема. Они *неблагоприятны* для национал-реформистской политики китайской буржуазии, представляющей, без сомнения, известную опасность для революционного движения. В очень большой мере успех революционной борьбы будет зависеть от энергии, решительности, настойчивости и умения китайской компартии направлять выступления миллионных масс рабочих и крестьян.

М. Тесленко.

Роль частного капитала в акционерном строительстве.

Общеизвестно, что характерной и важнейшей особенностью экономического положения СССР настоящего периода является недостаток капитала, могущего быть вложенным в наше промышленное строительство.

Особенно остро это чувствуется именно теперь, в период, когда партия об'явила курс на индустриализацию страны, когда партия поставила перед всей страной боевую и важнейшую задачу «в минимальный исторический срок нагнать, а затем и перегнать уровень развития передовых капиталистических стран».

Задача поистине гигантская, разрешимая в нашей отсталой крестьянской стране лишь при условии мобилизации внимания и усилий широчайших масс трудящихся на вопросах индустриализации и при условии максимального напряжения экономических ресурсов нашей страны.

Собрать и использовать для этой цели все, что можно внутри страны и попытаться привлечь иностранный капитал на выгодных для СССР условиях—вот основные предпосылки, обеспечивающие успешное разрешение поставленной задачи.

Первое необходимо и при напряжении усилий партии и всех организаций пролетариата вполне достижимо, второе же—желательно, но проблематично. Тут—что называется—на займы и иностранные кредиты надейся, а сам не плошай.

Недаром материалы комиссии по разработке пятилетнего плана развертывания народного хозяйства СССР в разделе о размерах капитальных вложений в промышленность, очевидно, вполне сознательно не рассчитывают на иностранные займы.

Стало быть, задача, на которую неоднократно указывал и тов. *Ленин* — задача собирания средств и накопления внутри страны, задача умелого хозяйствования и использования «всякой веревочки» в хозяйстве—стоит на первой очереди.

Наше пролетарское государство изыскало и применяет на практике много способов, привлекающих избыточные средства широкого населения страны на государственное строительство. К ним относятся, помимо обязательных налогового порядка поступлений, внутренние займы, вклады в сберегательные кассы и проч.

Все средства, притекающие по этим каналам и попадающие непосредственно для использования и оборота в государственные учреждения и операции, используются в плановом порядке и, несомненно, с максимальной рентабельностью и в интересах социалистического строительства.

Но это касается главным образом средств, поступающих от широких масс трудящихся населения нашего Союза.

У нас же за время нэпа народилась, оформилась и обросла кое-каким финансовым жирком, правда, немногочисленная, худосочная, но располагающая кое-каким капиталом, группа новой буржуазии, которая успела сделать накопления преимущественно за счет торговли, т.-е. главным образом за счет операций не производственного, а посреднического между производителем и потребителем характера.

Направление в русло, увеличивающее базу социалистического строительства, накоплений частного капитала—задача глубоко политическая, а проводится это регулирование у нас подчас не совсем умело и порой наша практика не обеспечивает полного проведения в жизнь политики партии и директив правительства в этом вопросе.

Наглядный пример такого слабого регулирования, недостаточного контроля и неумелого направления частного капитала в русло развития необходимых государству отраслей, увязывающихся с индустриализацией и способствующих осуществлению другой боевой задачи—доведению до потребителя по низким ценам промтоваров, мы видим при изучении деятельности частных акционерных обществ.

По материалам 30-ти с лишком обследованных инспекцией Наркомторга РСФСР частных акционерных обществ можно уже и теперь по предварительным данным установить довольно безотрадную картину.

Так, по многим из них можно констатировать, что вместо тех результатов и целей, которые преследовались при организации этих обществ, органы, допускающие их к действию, зачастую этих целей не достигали. Наоборот, вместо аккумуляции, например, частного капитала мы устанавливаем лишь попытки частных дельцов использовать свои незначительные средства, как затравку, приманку, вкладываемую лишь для «отвода глаз» в целях использования марки акционерного общества и обмана государственных, кооперативных и других торговых организаций. Это ведет в конечном счете к разбазариванию средств этих же государственных органов. Так, в материалах комиссии НК РКИ, составленных по данным инспекции и акционерного отдела Наркомторга РСФСР, мы находим, что «большинство обществ дышит коммерческой благонадежностью, создаваемой им маркой акционерного общества с правительственным штампом». Этот штамп ими широко используется для получения кредитов, авансов, неплатежа налогов и т. д.

Дальше констатируется в тех же самых материалах, что «основной капитал акционерных обществ в их массе явно недостаточен для нормальной их работы, а тем более для надлежащего выполнения их уставных целей. Из общей суммы 12.790 тыс. руб. всех средств, находившихся на I/X—26 г. в распоряжении 22-х из числа действующих частных акционерных обществ, собственные капиталы обществ составляют—3.828 тыс. руб., прибыль—1.609 тыс. руб. и чужие средства—7.353 тыс. руб., а с выделением подлежащей налоговому из'ятию прибыли—общая сумма средств разбивается: капиталы общества—3.828 тыс. руб., или 30%, нераспределенная прибыль—202 тыс. руб., или 1,5%

чужие средства—8.760 тыс. руб., или—68,5% (в том числе подоходный налог 1.407 тыс. руб., или 11%).

Таким образом, чужие средства, находящиеся в обороте обществ, в $2^1/_2$ раза превышают собственные капиталы обществ. А по отдельным обществам, как, например, по обществу «Розничник» дело доходит и до того, что чужие средства превышают собственный капитал общества в $6^1/_2$ раз: собственный капитал—322 тыс. руб., или 10,8% и чужие средства—2.655 тыс. руб., или 89,2%, у акционерного общества «Оптохиммоскатель» собственный капитал составляет лишь 21,8%, у «ОМБА»—12,6%, у «Первосоррыбы»—14,7%, у «Меркурия»—26,9% и т. д.

Откуда же берутся эти чужие средства? Кто их дает?.. На эти вопросы материалы обследований Наркомторга также дают ответ. Оказывается, что по тем же 22-м обследованным инспекцией Наркомторга обществам задолженность этих обществ государственным и кооперативным организациям вместе с подоходным налогом равняется—3.421 тыс. руб., что составляет 89,4% собственных капиталов обществ, а если присоединить сюда и общество «Розничник», пользовавшееся по неизвестным причинам особым расположением отдельных организаций, то задолженность. *Кто кого тут использовал—вопрос ясен.*
к их собственным капиталам, или 5.110 тыс. руб.

При чем все эти «чужие», т.-е. государственные средства не только используются дельцами акционерных обществ, но передко и окончательно гибнут, пропадают в пассивах ликвидирующихся обществ. По материалам обследования, это акционерное строительство (при учете налоговых выгод, которыми пользовались общества благодаря акционерной форме) обошлось государству уже около $4^1/_2$ миллионов рублей.

Легкость, с которой частные дельцы акционерных обществ вытягивали средства из обобществленного сектора, конечно, отнюдь не содействовала этой аккумуляции. Наоборот, можно много привести примеров тому, как руководители обществ всячески старались помешать расширению финансовой базы обществ за счет привлечения в общество новых финансовых групп, из-за боязни допустить в «свое» предприятие чужих лиц; другие же «так расписывают» акции между «приглашаемыми» лицами, что в результате этого приглашения в обществе оставались все те же люди, или даже одно лицо («Инозит», «Жироль», «Индустрия», «Шабловское Акционерное О-во» и др.). Наконец, встречаются даже случаи, когда акционирование вело к прямому из'ятию средств, вложенных в дело («Домострой»).

Так дело обстоит с аккумуляцией разрозненных частных капиталов и направлением их в полезную государству деятельность. *Кто кого тут использовал—вопрос ясен.*

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о соблюдении другого основного принципа, который установлен соответствующими постановлениями правительства об акционировании частного капитала, а именно: посмотрим, как проводилась фиксированность частного капитала, т.-е. сосредоточение его деятельности в нужных государству отраслях и районах.

Приходится констатировать, что и по этой линии также успехов у нас по части использования частного капитала мало.

Факты и цифры обследований говорят о том, что акционированный капитал работает в таких отраслях, где частный ка-

питал не только не желателен, но иногда определенно вреден, в какой бы форме он ни выступал. Так, несмотря на явную нежелательность организации торговых акционерных обществ для перепродажи товаров, предложение которых недостаточно, а также об-в, ставящих своею целью универсальную оптовую торговлю, проведенное Наркомторгом обследование показало, что большинство о-б занимается торговлей, носящей подчас спекулятивный уклон. В материалах же комиссии НК РКИ мы читаем: «Общества вели и ведут преимущественно оптово-посреднические операции, тем более недопустимые с точки зрения интересов государства, что о-ва работают главным образом в области недостаточных товаров, а также товаров кустарных. По отчетным данным 28 обществ за 1925—26 год, Наркомторг мог установить только 31,9% товаров, «заготовленных хозяйственным способом», куда, между прочим, о-ва относят и переработку сырья на чужих предприятиях. У 7-ми текстильных акционерных о-в товары, купленные и переработанные на чужих предприятиях, составляют за 1925—26 год не менее 75%.

По отдельным обществам процент чужих товаров очень высок: 75% у б. т-ва «А. Маслов», 90% у «Росс. Торг.-Пром. Акц. О-ва», 93% у «Дитохиммоскатель», 97% у «Агрос». Некоторые же общества ведут торговлю исключительно чужими товарами, несмотря на свой производственный устав («Акомет» «Феникс», «Краска» и «Русское Сырье», «Моск. Ак.-Тек. О-во» и др.).

По данным инспекции Наркомторга РСФСР, из 27 обследованных ею акц. о-в лишь 7 имеют производственный уклон деятельности, а остальные 19, имеющие производственный устав, занимаются лишь перепродажей, т.-е. посредничеством.

Приведем несколько типичных примеров.

По данным обследования, акц. о-во «Мостар», кредитующееся в 3-х банках (Госбанк, Горбанк и Промбанк) и значащееся в этих банках, как производственная организация, является преимущественно торговой организацией. Собственное производство охватывает исключительно пищевкусовые товары, при чем главное «производство» заключается в переупаковке купленного товара.

Еще пример по тем же материалам.

Акц. о-во «Аколес» учреждено для производства лесозаготовительных работ, для оборудования и эксплоатации лесопильных и деревообделочных заводов и т. д. По данным обследования, произведенного в марте с. г. ленинградской губ. РКИ никаких лесопильных и деревообделочных заводов о-во не открывало и почти все свои обороты сосредоточило в торговых операциях, что является неизбежным следствием недостаточности основного капитала (100 тыс. руб.). Дальше акц. о-во «Сосна» в связи с недостатком собственных средств ведет, вопреки своему уставу, преимущественно перекупочные операции, используя в широких размерах авансы, задатки, получаемые от главнейших своих покупателей, главным образом госорганов.

Все эти примеры, как нельзя лучше, показывают, что частный акционерный капитал, вопреки всем ограничительным и конкретно определяющим сферу его деятельности постановлениям правительства, в большинстве случаев устремляется как раз туда, куда его эти постановления не пускают, и всеми способами добивается этого. «Работа» эта, конечно, не способствует усилению

социалистических элементов нашего хозяйства. Таким образом, по этим данным можно сделать вывод, что акционерная форма нами недостаточно была использована для направления частного капитала в необходимые для государства области. Если проследить, например, за тем, как влияют эти лишние нагромождения торгующих организаций, да еще частных, занимающихся главным образом перекупочно-посредническими операциями, на проведение в жизнь боевого лозунга партии по снижению розничных цен, то еще раз можно убедиться в том, что мы от использования частного капитала в акционерной форме имеем пока лишь вред.

Как же отражается деятельность акц. обществ на ценах?

Помимо того, что самим своим существованием акционерные общества, как торговые организации, являются лишним удорожающим товары звеном в товаропроводящей сети, мы при изучении практики акционерного строительства наталкиваемся также на то, что многие общества, в силу недостатка собственных средств, вынуждены обращаться к посредническим услугам о-в взаимного кредита; во время апрельского обследования об-в инспекцией Наркомторга было также установлено крайне равнодушное отношение к проводимой кампании: Зарядьинским, например, обществом, как сообщают обследователи, «снижения цен на выпускаемую продукцию не производилось», у акц. о-ва «Рустекстиль» «продажная цена на сукно все время оставалась без изменений», у «Оптохиммоскателя» «снижения цен не наблюдается» и т. д.

Да и как же снижать, если у 22-х о-в, по данным того же апрельского обследования, накидки на себестоимость, несмотря на оптовый характер работы, составили 19% (по отдельным обществам, как, например, Зарядьинское, процент наложения доходил до 60,8, у «Титана»—56, у «Прометея»—37, у «Жироля»—32,8).

А торговые расходы по тем же 22 обществам составляют около 12% от их оборота по продаже (6.135,6 тыс. руб. за 1925—26 год—при обороте в 51.130 тыс. рублей).

И эти высокие торговые расходы отнюдь не об'ясняются большим налоговым обложением, которое колеблется от ½% до 4% к обороту по продаже. Об'ясняются они совсем другими причинами и главным образом тем, что учредители и руководители обществ стремятся исключительно к выжиманию максимума средств из своего предприятия, нисколько не заботясь о рациональной, рассчитанной на продолжительный срок, постановке дела. Это ведет к громадным ставкам жалованья членам правления, к раздуванию штатов за счет «родственников» и «знакомых», к получению дивиденда до уплаты налога и пр.

В материалах обследования инспекции Наркомторга мы находим следующие сведения: по 40 обществам (данные за апрель 1927 г.) месячное вознаграждение членов правления этих обществ равно 64,8 тыс. рублей, что составляет в год 27,7% на капитал, вложенный членами правления в акционерные общества. Месячное же вознаграждение всех акционеров, работающих в своих о-вах, равно 92 тыс. руб., что составляет в год 1.104 тыс. руб. или 26,3% на вложенный акционерами капитал. Среднее месячное жалованье одного служащего по 25 обществам равно 150 р., а по отдельным обществам это среднее

жалованье доходит до 235—248 руб. («Текстильтовар» и «Рустекстиль»).

В целях уменьшения подлежащей налоговому обложению прибыли, о-ва практиковали обычно приглашение на службу «своих людей» и платили им бешеные ставки. Так, например, по отдельным о-вам можно встретить такие случаи, когда машинистка получает 150 руб. жалованья и плюс к тому еще поженно за заседания, как член ревкомиссии («Текстильтовар»), управделами получал 750 руб. в месяц, завторготделом—1.000 р. в месяц («Прометей»), зав. магазином—450 р. («Фруктобакалея») и т. п.

Эта политика выжимания всеми способами максимума средств из о-в их руководителями и учредителями приводила о-ва к быстрому прогоранию и ликвидации. Из зарегистрированных до 1/I—27 г. в Наркомторге 76 частных обществ 32 или 37,2% уже ликвидированы, а из 37 о-в, возникших в первые три года (1923—24—25), ликвидировано или намечено к ликвидации 19, т. е. 51,4%. Из зарегистрированных 19 обществ в первой половине 1926 г. оказались нежизнеспособными 9, или 47,4%; из зарегистрированных 30 обществ во второй половине 1926 года нежизнеспособность выявили четыре—13,3%; а организация 17-ти, уставы которых были утверждены, не смогла состояться из-за непокрытия в срок первой четверти капитала.

Об'яснение этому мы находим, помимо недостаточного надзора и регулирования со стороны соответствующих органов, помимо нездоровых стремлений отдельных лиц, шедших на акционирование своих капиталов с исключительно корыстными целями, еще и в чисто об'ективных условиях существования частных акционерных обществ последнего периода; к числу их должны быть отнесены: жесткие условия денежного и товарного кредита; сокращение снабжения сырьем и связанное с этим сокращение производства; сокращение снабжения промтоварами и, следовательно, сокращение товарооборота; отягчение налогового бремени и снижение из-за этого результатов деятельности; депрессия сбыта в некоторых областях и затоваривание; экономический нажим конкурирующих государственных и кооперативных предприятий и др.

Возникают же о-ва с большой легкостью, тяга к акционированию частного капитала благодаря различным причинам весьма велика. А причины эти, помимо уже приведенных, следующие: надежды на облегчение получения банковского кредита и товара от госпромышленности, на облегчение форм налогового обложения, предположения, что акц. о-во, как фирма, будет иметь более выгод по сравнению с частником в отношении приобретения сырья и сбыта продукции, стремление к улучшению своего правового положения, стремление стать «трудовым элементом», стремление передать о-ву имеющиеся неходовые товары и т. п.

Благодаря этим причинам и благоприятной обстановке, роль частного капитала в акционерном строительстве растет не только количественно, но и по вложенным капиталам, при падении роли остальных капиталов. Количественный рост его, по имеющимся в Наркомторге данным, характеризуется так: из 74 частных акц. о-в, действующих на территории РСФСР к 1/I—27 г., три возникли в 1922 году, два—в 1923 г., семь—в 1924 г., 28—в 1925 г. и 34—в 1926 году. Капитал, вложенный в акционерное

строительство, распределяется так: государственных—60,6%, кооперативных—2,8%, проф. и парт. орг.—0,7%, частных—35,8% и не выяснено—0,1%; по сравнению же с прошлым годом роль частного капитала в акционерном строительстве выросла с 26,1% до 35,8%, а государственного—понизилась с 68,9% до 60,6%.

Государство может и должно иметь несомненные выгоды от акционирования частного капитала, ибо оно дает возможность направления деятельности частного капитала в нужные государству отрасли и русло, надзора за операциями, регулирования деятельности и установления полного контроля.

Все немногочисленные частные акционерные общества, которые действительно поставили себе задачей производственную деятельность в недостаточно обслуживаемых государственной промышленностью отраслях, находятся в благоприятном финансовом и хозяйственном состоянии («Титан», «Металлорукав», «Стройлеспром» и др.), при соответствующем регулировании деятельность их вполне целесообразна и целиком оправдывает намеченные партией и правительством формы деятельности частного акционерного капитала.

Из всего приведенного явствует, что правильно намеченная партией и советским законодательством, разрешенная в соответствующем порядке форма использования частного капитала при проведении практики акционерного строительства благодаря недостаточному контролю со стороны регулирующих органов за истекший период себя не оправдала.

Ни регулирования частного накопления, ни направления его для работы в необходимые государству отрасли не получилось.

Что это является следствием недостаточно серьезного и вдумчивого отношения к организации частных акц. о-в и наблюдению за их работой регулирующих деятельность этих обществ органов, доказательств много не требуется, достаточно привести лишь ссылку на то, что, во-первых, в самих уставах многих обществ никаких ограничений перекупочных и посреднических операций нет; во-вторых, практика Наркомторга, при утверждении обществ, не требовала представления учредителями данных, которые подтверждали бы реальность осуществления намечаемого к эксплоатации производственного предприятия; в-третьих, уставы утверждались Наркомторгом с большой легкостью, без предварительного серьезного изучения вопроса совместно с соответствующими заинтересованными в возникновении того или иного характера акц. о-ва государственными организациями, а иногда и вопреки их протесту. Так, с мая 1925 года до 1/I—27 г. Наркомторгом рассмотрено свыше 100 уставов частных обществ, отклонено же было из них только 9; и, наконец, в-четвертых, после организации общества систематический контроль и наблюдение со стороны регулирующих органов были далеко не достаточны. Все эти моменты и создавали благоприятную для «ловли рыбы в мутной воде» обстановку частным дельцам.

Предпринятое Наркомторгом в апреле с. г. обследование работы части частных акц. о-в положило начало обследованию всех обществ, в целях отбора наиболее здоровых из них, могущих быть использованными для нужд советского строительства.

В соответствии и в выполнение постановления февральского пленума ЦК ВКП(б), говорящего о том, что «на ряду с задачей

дальнейшего преодоления частного капитала в торговле и промышленности экономическими мерами, на первый план выдвигается задача подчинения частного капитала регулирующему влиянию пролетарского государства в целях использования частного капитала в интересах социалистического строительства», необходимо в дальнейшем, по изучении деятельности акц. обществ, положить в основу оздоровления практики акционерного строительства следующие принципы:

а) в дальнейшем утверждать и регистрировать лишь такие частные акц. о-ва, которые имеют производственные цели в нужных государству отраслях;

б) из уже существующих частных акц. о-в отступающие от устава и не занимающиеся производственной деятельностью, а также имеющие нездоровый торговый уклон общества должны быть после детального их обследования ликвидированы;

в) частные акц. о-ва должны получать право реализации продукции исключительно своего производства;

г) к названию частного акц. о-ва должно обязательно прибавляться слово «частное»;

д) желательно введение именных акций и обязательно введение именных акций в счет 10% акционерного капитала (учредительских акций), не подлежащих отчуждению;

е) деятельность частных акц. о-в должна быть строго ограничена определенными районами и определенными функциями (промыслами), особенно в области кустарной;

ж) минимум акционерного капитала для частных акц. о-в должен быть увеличен до 200.000—250.000 рублей;

з) деятельность частных акц. о-в должна ограничиваться сроком;

и) в отношении частных акц. о-в, доказавших свое стремление к развитию полезной государству производственной деятельности, должна быть пересмотрена в сторону облегчения кредитная и налоговая политика за счет большего нажима на чисто торговые частные акц. о-ва;

к) усиление надзора за деятельностью частных акц. о-в, в частности, пересмотр порядка и форм учета и отчетности в сторону большего их совершенствования;

л) увязка работы по надзору и регулированию деятельности частных акц. о-в с финорганами, кредитбюро и банками.

Мих. Питковский.

О работе городских советов.

Проводимая нашей партией политика оживления советов имеет своей целью ускорить процесс приобщения масс к советскому строительству и способствовать полному овладению трудящимися массами, и в первую голову пролетариатом, всем нашим государственным аппаратом. Эта задача чрезвычайно сложная и для своего разрешения требует длительного срока. Успехи в этом направлении будут соответствовать успехам в деле оживления горсоветов. Практика оживления горсоветов еще не велика, «настоящее оживление советов еще впереди»[1]), однако, уже и теперь можно подвести некоторые итоги и наметить пути дальнейшего их оживления.

Серьезным экзаменом для политики оживления советов и для практики их работы были перевыборы горсоветов 1927 г. *Предварительные* итоги перевыборов весьма знаменательны. Они показали, во-первых, что *политическая активность трудящихся города повысилась.* Сравнивая данные по одним и тем же 467 городам 3 союзных республик (РСФСР, БССР и УССР), мы имеем повышение процента явки избирателей по сравнению с выборами 25/26 г. на 7,3 (вместо 50,5—57,8) [2]).

Во-вторых, *наибольшее повышение активности дал пролетариат.* В то время, как неорганизованные избиратели повысили % явки на 1,2, красноармейцы на 7,8, члены профсоюзов дали повышение против прошлого года на 10,7 (с 61,4%—72,1) [3]).

В-третьих, *в пролетарских центрах рабочие проявили особо высокую активность.* Об этом свидетельствует, с одной стороны, очень высокий процент явки на крупных предприятиях ряда городов: в Москве, Ленинграде (95—100%), на патронном заводе в Туле (100%), в Костроме на текстильн. фабриках (86,4—94,4) и т. д., с другой стороны, это подтверждает следующая таблица:

В городах с колич. рабочих до:

10%	явка	рабочих	53,7
20%	»	»	63,8
30%	»	»	61,1
40%	»	»	63,1
50%	»	»	66,0
Свыше 50%	»	»	71,4

Она показывает строгую закономерность: чем выше % рабочих в составе населения, тем больше процент их явки.

[1]) Из речи т. Молотова о выборах в советы в 1927 г.
[2]) Бюллетень ЦИК СССР № 2.
[3]) Данные по 287 городам (48,2% всего числа городов РСФСР), Бюллетень ЦИК СССР № 2.

В-четвертых, *социальный состав вновь избранных горсоветов улучшился* (рабочих по соц. положению в 1927 г. 48,5% против 38,8% в 1925/26 г.) [1]).

В-пятых, мы имеем повышение % коммунистов в составе горсоветов (в 1925/26 г.—44,9%, в 27 г.—47,6%).

Таким образом, налицо крупные достижения в деле привлечения всех трудящихся к советам при одновременном усилении активности пролетариата и при упрочении пролетарских позиций в составе горсоветов. Особенно важно при этом отметить повышение в составе горсоветов % коммунистов, так как оно произошло при углублении методов рабочей демократии, при изжитии методов командования, при тщательном деловом обсуждении широкими массами кандидатур членов ВКП.

Огромной трудности, но абсолютно необходимая для укрепления диктатуры пролетариата задача оживления советов полностью себя оправдала в первые же годы ее применения.

Разумеется, достигнутые успехи являются результатами не только политики оживления советов. Большую роль в повышении активности пролетариата сыграло укрепление хозяйственной мощи страны, улучшение материального положения рабочего класса. В некоторых случаях советы упускают еще возможность выполнить роль организатора растущей активности пролетариата. Примером может служить тот факт, что в некоторых местах предвыборная отчетная кампания прошла сравнительно слабо, что явилось прямым следствием недостаточного внимания к этому со стороны советов. Однако, такого рода недочеты не могут уменьшить в сколько-нибудь значительной степени значения результатов политики оживления советов.

1. Вовлечение масс в советское строительство.

В черновом наброске проекта программы В. И. Ленин в 1918 г. писал, что «дальнейшее развитие советских организаций государства должно состоять в том, чтобы каждый член совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, на ряду с участием в собраниях совета, а затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно к участию в советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления».

Эта задача, рассчитанная на полное уничтожение не только бюрократизма, но самой бюрократии, требует очень длительного периода, однако, «начало реализации этой возможности» (устранить бюрократию) намечалось В. И. еще в 1918 году.

Кое-какие достижения в осуществлении этой возможности мы имеем. Но очень незначительные.

Мы еще не сумели добиться, «чтобы каждый член совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством». Даже в этом отношении советам предстоит еще большая работа. Мы располагаем данными по ряду городов, которые свидетельствуют о совершенно недостаточной посещаемости депутатами даже заседаний пленумов совета. В Брянской губ. ряд горсове-

[1]) Сравнит. данные по 348 городам РСФСР. Бюллетень ВЦИК № 2. Рабочих от станка 39,8% (440 город.) в 1927 г., в 1925—26 г. учет рабочих от станка имелся не всюду.

тов имеет максимальную цифру посещаемости 50%, при чем к концу года посещаемость вдвое ниже, чем в начале года. Даже по Москве средняя посещаемость в 1926 г. достигала всего 60%. В Ташкенте посещаемость секций равняется 19%, в Орле не все члены совета втянуты в работу секций, а в Бежице действительно работало только 20—25% состава совета.

Конечно, это никак невозможно примирить с фактом неуклонного роста активности пролетариата. Это может быть об'яснено только слабостью работы самих горсоветов и загруженностью другими общественными обязанностями членов совета (особенно это относится к коммунистам).

Одновременно с задачей по вовлечению в работу членов совета перед нами стоит задача *постепенного привлечения всех избирателей к участию в работе советов* «и к несению службы государственного управления».

Невозможно добиться действительного оживления советов без обеспечения участия в их работе широких рабочих масс. Между тем вовлечение в работу секций поставлено еще чрезвычайно слабо. За исключением 2—3 городов, где вовлечение произведено в значительной степени (Москва, Ленинград), в остальных городах оно либо вовсе не производится, либо практикуется в очень незначительных размерах. Как далеки еще от действительного вовлечения масс в советское строительство такие города, как Н.-Новгород (94 вовлеченных), Дятьково (22 вовлеченных) или Казань (4 вовлеченных)!

Помимо того, в составе вовлеченных отсутствуют рабочие с производства. В Нижнем-Новгороде, напр., всего 9 чел. рабочих от станка. Недостаточно вовлечена и молодежь. В Ленинграде, где вовлечение имеет все же значительные размеры—в Василеостровском совете и центральном районе в некоторых секциях нет ни одного представителя от комсомольской молодежи.

Приведенные данные говорят о еще далеко недостаточном проведении в жизнь постановления июльского пленума ЦК (26 г.) о том, чтобы «шире и решительнее, вовлекать во всю работу советов (секций, совещаний, комиссий) рабочих, крестьян и др. слои трудящихся».

Предстоящее развертывание работы по вовлечению нечленов совета в работу секций требует *регулирования* притока вовлекаемых.

Необходимость регулирования по *социальному* признаку видна хотя бы из того, что по всем секциям Моссовета произошло снижение % рабочих среди «привлеченных» на 11,3. В Казани в секциях совета рабочие от станка насчитываются единицами; особенно курьезно, что в секции труда этого совета не было ни одного рабочего!

При вовлечении рабочих важно учесть необходимость участия всех их прослоек с точки зрения *квалификации* и *производственного стажа*.

Сложнейшие хозяйственные задачи, которые необходимо разрешить советам, с особенной силой требуют вовлечения в советскую работу *рабочих высокой квалификации*.

Необходимо учесть те особенности, которые бывают иногда присущи некоторым элементам верхушки квалифицированных рабочих. Рост материального благосостояния рабочего класса повышает его активность. В верхушке квалифицированных часто встречаются такие рабочие, которые направляют свою активность совсем не туда, куда нужно. В результате нередко получается впадение в мещанскую ограниченность. Между тем, известно, что эта группа рабочих чрезвычайно близка к вопросам производства. Новая установка в работе советов, уделение внимания хозяйственным задачам делает вполне возможным на этой почве добиться приобщения этой группы рабочих к политической деятельности через работу в советах.

Примером слабого вовлечения в советскую работу рабочих *из новых кадров* с малым производственным стажем может служить харьковский паровозостроительный завод.

Многочисленный советский актив этого завода состоит на 85,4% из рабочих, имеющих 10-летний и выше производственный стаж, на 12,5% из рабочих, имеющих стаж от 9 до 3 лет, и только на 2,1% он состоит из рабочих со стажем до 3-х лет.

Громадное обновление рабочего класса за счет новых рабочих, имевшее место за последние годы, и то расширение рабочей силы, которое предстоит в ближайшем будущем [1]), требуют уделения самого серьезного внимания к вовлечению этой категории рабочих в советскую общественность.

Настоящий этап, характеризующийся первыми шагами по выполнению ленинского плана поголовного участия трудящихся в государственном управлении, требует прежде всего *популяризации* работы советов. В связи с этим стоит вопрос *о качественном отборе* привлеченных к работе секций. Результаты их работы должны служить лучшей агитацией за участие масс в работе советов.

На практике к отбору вовлекаемых подходят очень невнимательно. Разумеется, что привлечение к работе в советах на данном этапе должно быть основано на принципе добровольности. Нынешняя практика вовлечения носит нередко характер канцелярской разверстки.

Недостаточная посещаемость секций и массовый отсев прикрепленных к секциям (например, в Сокольниках при перерегистрации 1926 г. выбыло 300 членов секций, из них 200 рабочих) в сильнейшей степени дискредитирует работу секций.

Ставя себе задачу расширения количества участников работы в секциях совета, параллельно с этим необходимо принять меры к закреплению на советской работе активных членов секции, *к созданию кадров советского актива*. Препятствует этому слишком большая обновляемость состава многих горсоветов (в Брянске обновлен на 86%).

Беспартийная часть совета, в значительно меньшей степени выделяет кадровиков—советских деятелей, чем партийная. Например, в Москве партийная часть совета прошлого созыва дала 22,8% в составе нового совета (1927 г.), а из беспартийной части вторично избрано только 3,8%. И в отношении руководящих органов совета, закрепление в них беспартийных проходит очень плохо: например, в Клинцах партийная часть президиума обновлена на 33%, а беспартийная часть—на 100%. Конечно, тут следует учесть то обстоятельство, что работа в советах является одной из школ коммунизма, одним из каналов по вовлечению

[1]) Пятилетний перспективный план развертывания промышленности (Госплана) предполагает увеличение в течение ближайших 4 лет числа рабочих только в кр. промышл. на 524 т., а по строительству—на 814 т.

в партию, однако, несомненно, что на создание беспартийного советского кадра это может влиять только частично.

Оживление советов теснейшим образом связано с *выдвижением*. Оно является условием, без которого оживление советов неполно, так как последнее и включает в себя понятие выдвижения широких беспартийных рабочих и крестьян на ответственную работу в госаппарате.

Практика выдвижения в госаппарат со стороны советов чрезвычайно незначительна. Чуть ли не единственный Московский Совет, который практиковал у себя сколько-нибудь значительное выдвижение. Опыт Москвы нужно приветствовать. Однако, необходимо избегать тех ошибок, с которыми было связано это выдвижение. Оно в значительной степени теряет свою ценность, потому что было произведено не путем систематического отбора наиболее активных рабочих—советских деятелей, а путем единовременных кампаний. Выдвижение коснулось, главным образом, депутатов. Из нечленов советов работников секций за 1925—26 г. выдвинуто всего 7 чел. Если сопоставить эту цифру с многими тысячами привлеченных к работе советов, то % выдвижения из этой группы будет весьма и весьма незначителен. Советы в области выдвижения в госаппарат должны усилить свою роль, проявить, увязывая свою работу с профсоюзами, большую инициативу и добиваться выдвижения всех активных своих работников (как членов совета, так и привлеченных к работе секций).

Правильная работа советов требует четкой и согласованной работы всех звеньев (пленум, президиум, бюро секций, пленум секций). Особенно вредно для оживления советов, когда массовые их звенья: пленум, секции, комиссии—работают вхолостую. Не без труда осуществляется привлечение секций к обслуживанию важнейших вопросов советской деятельности. Практика еще изобилует фактами, когда секциям или вовсе не поручается предварительная проработка вопросов президиума или пленума совета, или обсуждается ими «по собственной инициативе» (Н.-Новгород), т.-е. без уверенности, что с мнением секции обязательно будут считаться; или же имеется еще в практике положение, когда планы работы секций совершенно не увязаны с деятельностью президиума. В результате такого порядка вопросы решаются сначала на президиуме, а потом уже переносятся на обсуждение секции. Для примера: в Ижевске доклад о работе жилищного п/отдела проходил именно так. Таким образом, форма была соблюдена: секции обсуждали вопрос, главная же задача секции—*предварительная проработка* вопроса—была смазана.

Для делового воспитания всей массы членов секций и привлеченных к их работе необходимо обсуждение всех вопросов со всей серьезностью и ответственностью за порученное им дело. Деловое воспитание масс в управлении, требует гораздо большего внимания со стороны руководящих советских органов (президиумов) к массовой работе совета. Не может быть терпимо формально-бюрократическое отношение к работе секций. Оно выражается в некоторых советах в том, что к решениям секций относятся несерьезно, их обсуждают пачками, исправляют решения секций невнимательно и не доводят об этом до сведения секций.

Со стороны самих секций отсутствует проверка выполнения принятых секциями решений. В результате добрая половина решений не проводится в жизнь.

Отсутствует также руководство работой различных комиссий и прикрепленных членов советов к учреждениям. Безнадзорность этих звеньев массовой работы, понижает активность их участников и наносит большой вред делу оживления советов.

2. Оживление советов с точки зрения содержания их работы.

Для того, чтобы горсоветы могли организовать и руководить растущей активностью масс, им нужно в своей работе достигнуть такого уровня, который удовлетворял бы избирателей.

Вопрос *о содержании* работы советов в значительной степени зависит от предоставленных горсовету прав. Без самостоятельного бюджета, без права распоряжаться всеми городскими источниками доходов, без самостоятельных исполнительных органов (президиумов) советы могут существовать лишь формально.

С введением положения о горсоветах (1925 г.), обеспечивающего их права, содержание работы должно было коренным образом измениться. Однако, в 2-х союзных республиках (ЗСФСР и УзССР) совершенно отсутствуют положения о горсоветах, что предполагает отсутствие у них финансовых и хозяйственных прав и что в республиках, где положения о горсоветах узаконены, на практике в очень многих случаях они не применены.

Между тем практика применения положения внесла действительное оживление в деятельность горсоветов, способствовала тому, что горсоветы подошли вплотную к работе по обслуживанию коммунальных нужд населения, что привело между прочим к значительному оживлению работы секций.

Однако, в работе советов мы имеем совершенно неприемлемое положение—почти полное отсутствие внимания к основным вопросам нашего хозяйственного строительства.

Задачи снижения цен, рационализации производства, режима экономии и борьбы с бюрократизмом советами вовсе не разрешались, или разрешались в отдельных городах чрезвычайно слабо. Между тем роль советов, как организаций, через которые должны проходить все мероприятия по хозяйственному строительству, огромна.

Наиболее полное участие профсоюзов, кооперации и др. организаций в деле рационализации производства, снижения цен, режима экономии и т. п. прямо предполагает об'единение советами их усилий, координирование их действий, помощь своим авторитетом в проведении в жизнь мероприятий, выдвинутых этими организациями.

Основная гарантия успеха в реализации намеченных экономических задач заключается в привлечении самых широких масс трудящихся и в первую голову пролетариата к практическому участию в работе. Без участия масс не может быть речи о действительном успехе. Всякие ведомственные мероприятия в решении любой из громаднейших задач, связанных с индустриализацией страны, рационализацией производства, снижением цен, борьбой с бюрократизмом и с режимом экономии, без помощи масс могут не достигнуть своей цели, остаться висящими в воздухе и погибнуть. Это выдвигает на центральное место советы рабочих

депутатов—эти гигантские аккумуляторы пролетарской энергии и активности. Задача дня—развязать эту активность и направить ее на разрешение центральных задач, выдвинутых партией.

Первые шаги работы показывают, что советы могут заниматься не только заслушиванием докладов о ходе работы по этим кампаниям, хотя и это имеет большое значение (при условии, если будут выноситься конкретные решения и проверяться их выполнение), но советы могут силами своих членов и привлеченных к советам принять непосредственное участие в работе. Примером может служить Хамовнический совет. Одна из его секций приняла активное участие в 88 обследованиях, произведенных РКИ. Особенно ценно то, что были организованы повторные обследования для проверки выполнения принятых по этим обследованиям решений. Следует отметить также работу членов секции Сталинградского совета—они добились за счет уменьшения накладных расходов снижения цен на ряд товаров. Важно учесть также положительный опыт работы Моссовета. Его промышленная секция, наблюдая за работой производственных совещаний заводов и находя невнимательное отношение к их предложениям, посчитала себя вынужденной «вмешаться» и добиться проведения ряда целесообразных мероприятий.

То центральное место, какое должен занимать совет в борьбе с бюрократизмом, неотложно требует, чтобы во всех без исключения советах были организованы секции РКИ.

Работа отдела РКИ и секций РКИ по борьбе с бюрократизмом, злоупотреблениями, халатностью не освобождает, конечно, других отделов совета и секций от этой работы. В этом отношении интересен опыт Моссовета. На ряду с секцией РКИ при всех других секциях организованы небольшие комиссии по контролю за аппаратом соответствующего отдела. Центральная секция РКИ в своей работе могла целиком использовать деятельность этих секционных ячеек по борьбе с бюрократизмом.

Для больших городов с многочисленными предприятиями и учреждениями организация при всех секциях комиссий по борьбе с бюрократизмом аппарата соответствующего отдела вполне целесообразна.

Задачи, связанные *с режимом экономии*, в очень большой степени разрешаются бережным и экономным расходованием государственных средств со стороны самого советского аппарата. Участие советской общественности в этой кампании должно итти не только через финансово-бюджетные секции. Помимо них, все секции должны принимать участие в обсуждении как общего бюджета, так и бюджета соответствующего отдела. При чем секции должны проверять целесообразность всех заявок и осуществлять контроль над тем, как отпущенные суммы расходуются.

Практика показала, что в деле *снижения цен*, работавшие в этом направлении горсоветы добились положительных результатов. Контроль над выполнением директивы о снижении цен осуществляется главным образом через массовые обследования членами советов и секций и прикреплением их к торговым и кооперативным организациям.

Несмотря на всю ценность этой контрольной работы, обеспечивающей интересы потребителей, роль советов в деле снижения цен не может этим ограничиться. Советы должны обсуждать

и выносить решения по вопросам снижения цен не только по уже выполненной работе, но и должны проявить инициативу в дальнейшем снижении цен. Кроме того, они должны влиять на характер предполагающегося снижения цен с точки зрения хотя бы ассортимента снижаемых товаров. Как известно, по этому поводу больше всего нареканий со стороны широких масс потребителей.

Разумеется, что вся эта работа может протекать при условии, если организована специальная секция совета, занимающаяся вопросами торговли, а между тем в очень многих городах таких секций еще нет. Поэтому основным условием для мобилизации широких масс избирателей и в первую очередь членов советов для борьбы со всеми недостатками торгово-проводящего аппарата является организация торгово-кооперативных секций.

Мы видим, что для двух важнейших задач нашего строительства: борьбы с бюрократизмом и снижения цен—советы не имели у себя соответствующих секций, где могла бы быть сосредоточена общественная активность.

В таких же условиях находится работа *по рационализации производства*. Во многих горсоветах отсутствуют секции по вопросам промышленности. Существующие промышленные секции в очень слабой степени связывали работу с задачами рационализации. Силой авторитетности совета, его прямых прав в отношении местной промышленности советы могут добиться в необходимых случаях наиболее быстрого проведения мероприятий, предложенных местными производственными совещаниями. Будучи высшим органом власти данной территории, совет должен быть в курсе того, как проходят эти важнейшие кампании. Он должен регулярно заслушивать доклады о ходе рационализации. Сосредоточивая всю работу по рационализации в промышленной секции, советы должны использовать работу отдела РКИ и отдела труда.

Работы РКИ в области рационализации производства должны опираться не только на свою секцию, не только на производсовещания, но и на советскую общественность, в данном случае на промышленную секцию.

Что касается отдела труда и его секции, то они должны быть вовлечены в дело рационализации главным образом с точки зрения борьбы с извращенными приемами рационализации производства, ведущими к ухудшению условий труда рабочих.

В работе же по борьбе с бюрократизмом и за режим экономии комиссиям совета, производящим обследования, необходимо держать теснейшую связь с экономкомиссиями месткомов обследуемых учреждений.

В работе по проведению снижения цен, кроме связи с экономкомиссиями месткомов торговых и кооперативных учреждений, советам необходимо привлечь к работе и лавочные комиссии.

Вопрос о возможности для местных советов принимать участие и осуществлять контроль в области рационализации производства, режима экономии и т. д. в предприятиях и учреждениях, *управляемых из центра*, является чрезвычайно важным. По этому поводу часто бывают недоразумения между хозяйственниками и местными советами. Нужно категорически указать, что советы являются высшими органами власти и им принадлежит право контроля над деятельностью всех без исклю-

чения учреждений и предприятий, расположенных на территории города.

В своей практической работе советы ни на одну минуту не должны забывать, что они являются не только органами хозяйственного самоуправления, но что они по природе своей являются органами диктатуры пролетариата. Это должно наложить глубокую печать на всю деятельность советов. Внимание политическим вопросам должно быть неослабным. Это особенно важно потому, что в связи с хозяйственным под'емом страны и необходимостью обслужить бытовые нужды населения некоторые горсоветы ударились от «торжественных» заседаний к заседаниям, на которых политические вопросы почти отсутствуют. Диктатура пролетариата требует от советов выполнения их роли, как политических организаторов масс, полностью. Политически организовать массы—это значит сплотить их вокруг хозяйственных задач пролетариата, являющихся в данное время задачами сугубо политическими, с другой стороны, советы должны выковывать и пролетарскую линию, неослабно следя за борьбой пролетариата с капитализмом. Вопросы рабочего движения, внутренних социально-политических процессов должны регулярно обсуждаться на заседаниях совета.

Мы обращаем на это внимание потому, что некоторые советы не представляют на обсуждение пленумов совета таких важных вопросов, как итоги перевыборов советов, роль частного капитала в данном городе и т. п.

Деловая работа заставит советы покончить с «политической трескотней». Это очень хорошо. Однако, обсуждение политических вопросов является абсолютно необходимым, без чего советы своей роли организаторов миллионных масс не выполнят.

3. Связь советов с избирателями.

Мы закончим наши замечания к практике работы горсоветов вопросами «*связи и отчетности*» как самого совета, так и его депутата с избирателями. Этот вопрос имеет громадное значение и является элементарным условием оживления советов. На него следует обратить внимание хотя бы потому, что регулярная отчетность большинства горсоветов перед депутатами отсутствует. Отчитываются обычно при перевыборах советов. Конечно, такая редкая отчетность не может удовлетворить избирателей. Не удовлетворяет их очень часто и характер отчетности депутатов. Она часто бывает однобока: то она освещает деятельность совета в целом, то совершенно не затрагивает наказа; в особенности тех добавлений, которые были внесены данной группой избирателей, то совершенно умалчивается деятельность самого депутата и т. п.

В частности, оценка работы самого депутата очень важна для использования избирателями своего права *на отзыв* депутатов. Благодаря слабо поставленной отчетности и недостаточному раз'яснению массам этого их права (имеющего огромное значение для борьбы с бюрократизмом), отзыв депутатов избирателями практиковался в самых редких и немногочисленных случаях.

Слабость связи советов с избирателями заставляет с особенным вниманием отнестись к мероприятиям некоторых советов, поставивших себе целью ее улучшить. К этим мероприятиям

относятся: усиление роли общей и заводской печати в деле освещения деятельности советов; организация открытых собраний советов с приглашением на них через депутатов избирателей; регулярные посещения членами президиума предприятий и организация дежурств депутатов в красных уголках, фабкомах и т. п., при чем эти посещения и дежурства используются для бесед, раз'яснений различных мероприятий совета, для приема жалоб. В некоторых городах на крупных предприятиях организованы группы из членов совета и привлеченных к работе в его секциях. Эти группы об'единяют советский актив на предприятии, организуют и распределяют между ними работу, налаживают регулярную отчетность и устанавливают связь совета с фабриками и заводами.

Подводя итоги перевыборов советов, мы констатировали слабый рост активности *у неорганизованных* групп избирателей ($1{,}2\%$). Об'ясняется это отчасти слабой связью советов с этой группой избирателей. В связи с этим необходимо поставить вопрос об усилении этой связи и о более полном привлечении их к советской работе. Не говоря уже о том, что вовлечение неорганизованных в профсоюзы женщин, в особенности жен рабочих (дом. хозяек), имеет огромное значение для связи советов с населением, немаловажным является и вовлечение мелкобуржуазных слоев города. Этим путем можно также добиться политической и экономической изоляции кустарной буржуазии. Наоборот, невнимательное отношение к кустарно-ремесленной массе, слабая связь с ними советов, будет толкать их к сотрудничеству с кустарной буржуазией.

Целесообразно на первых порах использовать уже имеющийся опыт и организовывать специальные комиссии при советах по работе с неорганизованным населением. В этой комиссии должны быть представители женотдела, промысловой кооперации и депутатов от неорганизованных.

* * *

Значение оживления горсоветов должно быть усвоено всем рабочим классом и прежде всего его партией. Несмотря на решение партийных организаций и ЦК, к этому делу со стороны местных организаций часто еще проявляется недостаточное внимание. О горсоветах обычно говорят и решают в связи с их перевыборами. Между тем сложность задачи, сугубо политическое значение, роль советов в деле решения хозяйственно-экономических задач требуют неослабного, систематического внимания партии к этому вопросу.

Огромные достижения, полученные при перевыборах советов 1927 г., говорящие о сильном росте активности пролетариата, подводят прочную базу под политику оживления советов. Эта активность есть основной залог успеха партии в решении задачи оживления деятельности горсоветов.

Г. Сафаров.

Наступление капитала в сибирской деревне.

(Кричащие факты).

1. Каким путем происходит классовое расслоение?

Проведенное Сибирским Краевым Комитетом ВКП(б) обследование сибирской деревни, вне всякого сомнения, является крупным шагом по пути выяснения фактического положения деревни. Высказать то, что есть—первейшая предпосылка для правильного политического руководства, для действительного упрочения и углубления союза рабочего класса и крестьянства.

Эти материалы дают нам более или менее всестороннюю картину жизни крестьянской массы и в то же время указывают, по *какой новой дороге* пробиваются капиталистические тенденции, в какой новой форме они выступают.

Все это обследование служит живой, жизненной иллюстрацией одного из самых основных тезисов тов. Ленина: «Пока остается частная собственность на средства производства (напр., на земледельческие орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля до тех пор остается *экономическая основа капитализма*. И диктатура пролетариата есть единственное средство победоносной борьбы с этой основой, единственный путь к уничтожению классов, без которого о действительной свободе для человеческой личности,—а не для собственника,—о действительном равенстве, в социально-политическом отношении, человека и человека, а не лицемерном равенстве собственника и неимущего, сытого и голодного, эксплоататора и эксплоатируемого—не может быть и речи».

В Сибири не было помещиков, там имеется еще и до сих пор довольно значительный земельный простор, а в то же время в Сибири нет крупных промышленных центров, центров такого значения, чтобы они могли накладывать решающий отпечаток на всю окружающую среду. Именно эти обстоятельства позволяют капиталистическим тенденциям развиваться в сибирской деревне гораздо более быстрым темпом и в более открытом виде, чем в центральных районах.

Сибирское обследование вскрывает болячки и прорехи нашей крестьянской политики, поскольку оно устанавливает, по каким незащищенным местам бьет нас враг.

Прежде всего, происходит подвижка всех хозяйств вверх, что показывает общее движение народного хозяйства вперед. Но эта подвижка вверх носит чрезвычайно условный характер, так как процесс классового расслоения на более высокой ступени

расширяется, усиливается и углубляется. Сибирские данные в этом отношении представляют исключительный интерес. Они сметают прочь всякие иллюзии, всякий сладенький самообман насчет того, что один стихийный рост производительных сил сам по себе способен нас приблизить к социализму, способен обеспечить победу кооперативно-социалистических тенденций над капиталистическими. Перед нами вырисовывается горькая действительность, не прикрашенная чиновничьим оптимизмом. Обследование в Меньщиковском районе Барабинского округа выяснило, что там имеется *38% бедняцких хозяйств*. В Любинском районе Омского округа оказалось, что 35—40% хозяйств с посевом до 1 десятины, бесскотных или с 1—2 головами скота.

Известно, какие горячие споры года полгора назад вызвал вопрос о «лодырях» в рядах деревенской бедноты. Обследование сибирской деревни просто и точно устанавливает, что «кличкой «лодырь» злоупотребляют в деревне так же, как ранее злоупотребляли кличкой «кулак». Такие разговоры, без сомнения, являются отражением настроений кулацких и зажиточных верхов деревни» [1]). Слой зажиточных и кулаков растет неудержимо за счет батрака, бедняка и маломощного середняка. Но поднимается он в гору не старыми, а новыми, более кружными путями. Стороной, в обход он подбирается к мобилизации земельной собственности, которая не имеет для него прежнего самодовлеющего значения. Кулак и зажиточный растут, в первую голову, на основе накопления средств производства.

По Старо-Бардинскому району Бийского округа за два года—1925—1926 гг.—зажиточные хозяйства численно выросли на 3,3%, по посеву же они выросли на 10,3%, по рабочему скоту—7,8%, по коровам—5,6%. «*Быстрота роста средств производства более численного роста хозяйств в два раза, а в отношении молотилок в 7 и ульев 6 раз*» [2]).

В Старо-Бардинском районе бедняцкая группа, составляющая *43,9% населения*, владеет *14,9% посева*, 20,4% рабочего скота, коров—27,5%, молодняка—21%, *сельскохозяйственного инвентаря—16,1%, ульев—15%*. Группа зажиточных, составляющих *4,5% населения*, имеет *15,1% посева*, 10,8% рабочего скота, 8,1% коров, 11,1% молодняка, *10,2% сельскохозяйственного инвентаря, 24,4% ульев* [3]).

В Любинском районе Омского округа число хозяйств с посевом от 1 до 2 десятин на едока за 1926 г. увеличилось на 27%, с посевом от 2 до 3 дес. на едока—на 54%, с посевом свыше 3 дес.—на 42% [4]).

В Родинском районе Славгородского округа мы имеем подобную же картину. Группа бедняцких хозяйств, включающая в свой состав и беспосевные и бесскотные хозяйства, а также хозяйства с посевом до 3—4 десятин и с 1—2 головами скота, в 1924 г. исчислялась в 49,7%, в 1925 г.—в 46,8%, в 1926 г.—в 39,1%. Середняцкая группа соответственно составляла 46,4%, 48,2%, 53,2% всех хозяйств. Кулацко-зажиточная категория, имеющая от 10—15—20 и больше десятин от 5—10 и больше голов скота

---

[1]) Материалы обследования сибирской деревни.—Заларинский район. Изд. Сибкрайкома. Стр. 13.

[2]) Старо-Бардинский район, стр. 11.

[3]) Там же.

[4]) Любинский район, стр. 14.

на хозяйство, в 1924 г. составляла 3,9% всех хозяйств, в 1925 г.— 5%, в 1926 г.—7,7% [1]).

Обследование Заларинского района Иркутского округа установило, что кулацко-зажиточные слои «*растут, главным образом, через машину*» [2]).

В селе Белоярском Абаканского района Минусинского округа в 1924 г. бедняцкая группа (до 4 дес. посева) владела 56,5% общего количества плугов, в 1926 г. на ее долю приходилось лишь 38,31% всех плугов. Зато кулацко-зажиточная группа, владевшая в 1924 г. 8,97% всех плугов, в 1926 г. владела уже почти четвертью общего количества или 24,07% [3]).

Обеспеченность сложными сельскохозяйственными машинами (жнейками, сенокосилками, конными граблями, молотилками, сеялками и т. д.) различных классовых групп еще более красноречиво свидетельствует о расслоении деревни: бедняки имели 29,14% всех машин в 1924 г. и лишь 15,39% — в 1926 г., середняки—соответственно 54,83% и 37,16%, кулаки и зажиточные—16,03% и 47,45% [4]).

Без всякого преувеличения можно сказать, что *эти цифры кричат, кричат об американском темпе роста зажиточно-кулацкого хозяйства. Через этот бешеный темп, с помощью его пробивается «американский тип развития аграрного капитализма»* [5]). на земле, очищенной от всех старых перегородок.

Устряловы и Кондратьевы выражают подспудную силу роста этих слоев, классово-враждебных пролетариату, стремящихся отнять деревню у пролетарской диктатуры и до поры, до времени прикрывающих этот «зов классового нутра» ханжеством и воздыханиями о прогрессе производительных сил.

В Б. Могильском Любинского района Омского округа, в достаточно заброшенном сибирском захолустье, кулак восстает против советской конституции на том основании, что «*нельзя будет развить культурные хозяйства, поскольку всякий культурный хозяин будет зачислен в кулаки и лишен избирательных прав*» [6]). Кулак сознает себя живым олицетворением стихийного роста производительных сил на частнособственнической, капиталистической основе.

«Если будут *передовиков* лишать права голоса, то мы откажемся вести культурное хозяйство»,—так говорят в Заларинском районе под Иркутском [7]).

«Возьмите на государственную службу (!) батраков, мы через них лишаемся избирательных прав... Зачем укоряете зажиточного за то, что он кормит батрака и *дает ему возможность стать на ноги и сделаться хозяином*» [8]). Это мы уже слышим из другого конца Сибири, из Минусинского округа. Кулак практически бо-

---

[1]) Родинский район, стр. 10.

[2]) Заларинский район, стр. 26.

[3]) Абаканский район, стр. 23.

[4]) Там же, стр. 24. Сравни взгляд Вл. Ил.: «*Главная* линия развития *капиталистического* земледелия состоит именно в том, что *мелкое* хозяйство, оставаясь мелким *по площади земли*, превращается *в крупное по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения машин и т. п.*». («Новые данные о законах развития капитализма в земледелии»). т. IX (2 изд.), стр. 231.

[5]) В. И. Ленин, т. XX, ч. 1, стр. 275.

[6]) Любинский район, стр. 62.

[7]) Заларинский район, стр. 17.

[8]) Абаканский район, стр. 5.

рется *за свой* путь развития производительных сил, за тот «анархический капитализм», в котором т. Ленин видел нашего главного врага. Распространение наемного труда и арендных отношений—особенно в Сибири—не является главным показателем или барометром кулацкого роста. Во-первых, учет здесь чрезвычайно затруднен, и в подполье сосредоточивается много больше, чем на легальной поверхности. Во-вторых, советские условия заставляют кулака предпочитать открытой эксплоатации скрытую эксплоатацию.

В Родинском районе Славгородского округа «главными арендаторами всех земель являются зажиточные и середняки, на долю которых падает 98,4% всех арендующих хозяйств и 99,9% всей арендованной земли. Сдатчиками земель в аренду (трудовых) являются исключительно беспосевный и малопосевный бедняк и батрак, и в редких случаях советский служащий и кустарь» [1]). «Из числа арендующих хозяйств 41 процент применяют наемный труд. Из общего же количества всех хозяйств в районе лишь 14,2 процента нанимают батраков» [2]).

В Старо-Бардинском районе Бийского округа арендуют землю по преимуществу середняки (68,6%), сдатчиками же на 53,8% являются бедняки [3]).

Кулак и зажиточный окапываются главным образом *под прикрытием машины*. Машины сдаются в прокат, и за это взимается мзда. С помощью машины эксплоатируются беднота и маломощные. Машина становится центром, узловым пунктом всех кабальных отношений, складывающихся за спиной советской власти.

Такова диалектика развития классовых взаимоотношений в нашей современной обстановке. В известном смысле, классовое расслоение и классовая борьба происходят под сурдинку. Однако, от этого они не приобретают более невинный характер по существу.

2. Кулацкое наступление на командные высоты.

Кулак наступает на командные высоты советского государства. В Сибири он бьет по двум важнейшим позициям—по машиноснабжению и сельскохозяйственному кредиту.

Машиноснабжение и сельскохозяйственный кредит по сути дела должны быть главнейшим средством социалистического регулирования нашей деревенской экономики. В действительности же зачастую выходит как раз обратное. Кулацкая стихия, захватывая в нижних этажах дело распределения машин и кредитов, использует его в своих интересах, в целях прямого поощрения и покровительства сельскохозяйственному капитализму. Уже один тот факт, что кулак растет через машину, доказывает, что кулак научился по своему эксплоатировать советскую экономическую «легальность».

Сибирские данные в этом отношении сигнализируют крупнейшую опасность. Казалось бы, машина советского производства, попадающая в деревню, служит магнитом, притягивающим отсталую крестьянскую массу к социалистическому движению вперед.

---

[1]) Родинский район, стр. 14.

[2]) Там же, стр. 15.

[3]) Старо-Бардинский район, стр. 20.

А на практике оказывается, что эта машина, попадая в руки кулака, поворачивается против диктатуры рабочего класса, против союза рабочих и крестьян.

Вот примеры. По Ярульскому кредитному товариществу в 1925—26 г. беднота получила машинных ссуд 7,8%, зажиточные—31,2%; по Ирбейскому товариществу—беднота получила 7,3%, а зажиточные—24,9% машинных ссуд [1]).

В 1925—26 г. по Ярульскому товариществу *беднота приобрела 5,17% простых машин и совсем не получила сложных машин; зажиточные же приобрели 33,09% простых машин и 66,7% сложных* [2]).

Про это «товарищество» по обеспечению богатеев машинами беднота говорит: «Там находятся зажиточные, *взяли в свои руки машины, теперь хотят всю деревню прибрать к своим рукам»* [3]).

Обследователи Меньщиковского района Барабинского округа пришли к выводу, что «колоссальные по величине и выгодные по условиям расчета государственные средства (от Сибторга), брошенные в район в качестве кредита по линии маслодельной кооперации, долженствовавшие способствовать экономической революции в деревне, направляя ее в русло социалистического строительства,—такого действия не произвели [4]). Средства, распределенные среди населения без учета классовой линии, без целевого их назначения, пошли по линии поддержки главным образом крепких и даже *кулацких* хозяйств, при этом использованы непроизводительно, не оказав необходимого влияния на увеличение молочного скота или интенсивности молочного хозяйства, как основы экономики района» [5]).

По Степнинскому кредитному товариществу на приобретение сельхозмашин пошло 41,5% всех ссуд. И вот результат: «24% зажиточных, вполне экономически крепких хозяйств, получили более 40% всех выданных кредитным товариществом средств, а 32% хозяйств бедняцких и маломощных—только около 20%. Еще резче эта разница «помощи» выражается, если взять среднюю ссуду на одно хозяйство: *хозяйства крепкие получают почти в 10 раз больше ссуду, чем бедняки»* [6]).

А между тем, этот район тракторизируется головокружительным темпом: в 1924 г.—ни одного трактора, в 1925 г.—6, в 1926 г.—81 трактор [7]).

В машинных товариществах района хозяйства с 3 лошадьми и больше составляют 38,8%, хозяйства со сложными машинами—если брать группировку по инвентарю—63,3% [8]).

В Абаканском районе Минусинского округа за 1925—26 г. 18,4% сельхозмашин и орудий было продано беднякам, 54,6%—середнякам, 27%—зажиточным [9]).

Про машинное товарищество в селе Холмогой Заларинского района обследователи наивно замечают, что оно страдает определенным «уклоном»: «маш. товарищество с момента его организации количественно совершенно не растет, и, что главное, члены т-ва сознательно не принимают никаких мер к расширению его состава за счет бедняков, замкнувшись в свой круг—7 чел. Это об'ясняется тем, что члены маш. т-ва решили сами воспользоваться всеми машинами и теми льготами, которые они получают от кредитной кооперации, имея в виду машины эксплоатировать, главным образом, на стороне» [1]). Таким образом, при «удовлетворительном» социальном составе—3 середняка и 4 бедняка!—все же совершается загнивание на почве своеобразной кооперативной монополии.

В Родинском районе Славгородского округа, «по данным за 1926 год, через Родинское и Вознесенское кредитные товарищества продано 206 разных машин и орудий, из них лобогреек и сенокосилок 135, плугов разных 69 и 2 молотилки.

Покупателями были:	По посевности.	По лошадности.
Бедняки	5	4
Середняки	75	77
Зажиточные	20	19

Машиноснабженческий кредит был крайне недостаточен, плуги продавались преимущественно за наличные, лобогрейки и сенокосилки—на два урожая с задатком наличными до 50%. При этих условиях машина для бедняка оказалась недоступной» [2]).

Кулаки и зажиточные давно уже отбросили тактику «непризнания» советских порядков. Напротив того, они их «признают», чтобы перевернуть вверх ногами. Дело доходит даже до «сочувствия» коллективизации! «Зажиточный слой деревни,—рассказывает обследователь Барабинского округа,—имеет сильное стремление к коллективной форме хозяйства. Возможно, они возникают по соображениям, высказанным в частной беседе одним из членов артели «Красная Заря», крестьянином Строль. Он говорит: «Батраков держать нет возможности, они стали ленивы, а, вовторых, кто держит батраков, того лишают голоса... В артели с трактором можно обойтись без наемной силы». Второй член этой артели во время заседания задал такой вопрос: «Можно ли об'единить скот в коллективе и можно ли будет им пользоваться в то же время в своем хозяйстве?» Очевидно, что *кулаки и зажиточные цепляются за коллективную форму хозяйства, как за средство укрытия эксплоататорских побуждений. Но основная цель их, понятно, сводится к машинизации хозяйства»* [3]).

Тут все, как на ладони. Если нужно пролезть через игольное ушко коллективизации, чтобы получить машину, то кулацкий верблюд не остановится перед этим препятствием. *И коллективизацию, и кооперирование, и вообще «врастание в социализм» кулак готов принять, как зацепку, легальную возможность, мостки для дальнейшего развития аграрного капитализма.* Он не настолько наивен, чтобы думать, что форма определяет содержание. Он не верит в постепенное отмирание классов в обстановке растущего классового расслоения, но, разумеется, не брезгует

Footnotes (p. 94):

[1]) Ирбейский район, Канского округа, стр. 9.
[2]) Там же, стр. 10.
[3]) Стр. 11.
[4]) Суконно-бюрократический язык подлинника.
[5]) Меньщиковский район, стр. 20.
[6]) Любинский район, стр. 32.
[7]) Стр. 11.
[8]) Стр. 39.
[9]) Абаканский район, стр. 51.

Footnotes (p. 95):

[1]) Заларинский район, стр. 40.
[2]) Родинский район, стр. 26.
[3]) Меньщиковский район, стр. 26.

пользоваться чужими иллюзиями и чужой наивностью на этот счет. Кулак и зажиточный прибирают к рукам все средства влияния на массу. Через «коллективизацию» они получают машины; опираясь на свой экономический удельный вес, они затем плетут вокруг себя тенета своей классовой общественности.

Характерна судьба земельных обществ, до сих пор существующих как бы вне рамок советского строя. В Заларинском районе, напр., «обследование выявило, что *во главе земельных обществ преимущественно стоят кулаки и зажиточные*. Примеры: Заларинское земельное общество—Гусев, зажиточный, бывший торговец; Б. Заимка—Херувимчиков, кустарь, имеет пять наемных рабочих; Троицкий завод—Борисов, кулак, бывший торговец; Петроградское—Быков, зажиточный; село Холмогой—Ленский, бывший белый чиновник. В некоторых селах председателями являются бедняки, находящиеся под влиянием зажиточных. В рике нет даже сведений о социальном положении председателей, а если и есть, то неверные, например, Борисов (кулак) числится середняком. Таких примеров можно привести много. На земельные общества не обращается никакого внимания: никто—ни сельсовет, ни ячейка, ни райком, ни рик—ими не руководит, и поэтому деятельность их протекает вне всякого контроля и воздействия. В районном центре Залари, перед собранием земельного общества, где верховодят кулаки, не было даже собрания бедноты, никто не явился от ячейки, не организовали бедноту, и никто не дал отпора ряду кулацких выступлений. Если такая картина наблюдается в селе, где есть рик и райком, то станет ясно, насколько печально обстоит дело на местах. В результате—*земельные общества* превратились в органы, совершенно автономные от сельсоветов и *представляют* на ряду с ними (сельсоветами) вторую *власть, вершащую дела против интересов бедноты*. Отсюда становится понятным, почему зажиточные и кулаки захватили власть в земельных обществах, ибо это дает им возможность, пользуясь своим влиянием, гарантировать себя от отчуждения части своих земель при переделах» [1].

Про Любинский район Омского округа мы узнаем следующее: «Общая площадь земель крестьянского пользования в районе исчисляется в количестве 330.181 дес., из них проведено землеустройство (вместе с земельной регистрацией) 147.846 дес. или 40% всей площади. Землеустройство всюду возникало по инициативе самого населения. Вопрос о проведении землеустройства поднимала беднота. Главной причиной, побуждавшей к землеустройству, явилась широко распространенная система захватного землепользования, которая продолжала оставаться до самого последнего момента. Беднота при захватной системе вынуждена была пользоваться плохими, уже выработанными землями, и, наоборот, зажиточные имели возможность поднимать новые земли или хорошо отдохнувшие залежи. *Наличие машин, наличие тяговой силы давало возможность поднимать новые земли, а бедняк не мог этого делать*» [2].

Окольными, кружными путями подбирается кулак к задаче мобилизации земельной собственности с тем, чтобы превратить советскую национализацию земли в буржуазный «*лэндлордизм без лэндлорда*» [1]), в господство крупнокапиталистического земледельческого хозяйства, освобожденного от всяких сословных пут. Готовясь к прыжку, он старается создать в своем хозяйстве такой технический и экономический перевес, который бы мог заранее предрешить его полную победу в земельном вопросе. Машинизация хозяйства деревенской верхушки, эта «индустриализация» по-кулацки или «*кулакизация*» *машины*,—процесс, столь существенный, что было бы безрассудством закрывать на него глаза.

[1]) Заларинский район, стр. 55.
[2]) Любинский район, стр. 34.

3. «Кредитная мина» и наша политика в деревне.

«В самых тяжелых условиях в отношении получения ссудного кредита находится бедняк. Отсутствие у бедняка в хозяйстве так называемого кредитного минимума, в шутку остроумно перефразированного одним бедняком в «кредитную мину», ставит его в унизительно-подчиненное положение перед середняком или зажиточным. Это ломание шапки часто сопровождается угощением и установлением своеобразного контроля со стороны поручителя. Нам рассказывали, как один бедняк, купивший за ссуду лошадь, по требованию поручителя являлся к нему с докладом о здоровье лошади и просил разрешение на дальние поездки. Пусть здесь будет доля прикрашивания, но в основном этот анекдотический случай характеризует унизительную зависимость бедняка, граничащую иногда с глумлением над ним. Это наиболее крупный прорыв в кредитной работе, бьющий исключительно бедняка» [2]).

Именно это неумение соединить хозрасчет, понимаемый чисто делячески, с социалистическим регулированием хозяйственной жизни, создает разрыв между нашей политикой и нашей практикой в деревне. «Кредитная мина» буквально взрывает всю нашу политику, сводит ее на-нет в глазах всей деревни.

Богатейший бытовой материал, доставляемый обследованиями Сибкрайкома, рисует это в ярком свете.

По поводу собраний бедноты из среды середняков, увлекаемых на сторону богатеев, слышатся злые реплики: «*Опять коммунисты обдуривают бедноту. Говорят то да се, а без нас* да без зажиточного все равно кредита не дадут» [3]).

Бюрократические извращения переходят из количества в качество, когда они превращают нашу политику в пустую фразеологию в глазах весьма практичной деревни. Противоречие между словом и делом принимает самую нетерпимую форму—противоречия между «разговорами» в пользу бедноты и кредитом в пользу зажиточного и кулака. «Бедняки недовольны отсутствием практических результатов работы бедняцких собраний: «*Соберут нас только для того, чтобы мы нагрубили зажиточным*» [4]).

Чиновник здесь прямо разрушает дело социализма, в корне подрывая доверие к коммунистической партии и советской власти. Бюрократические извращения, под предлогом хозрасчета устраняющие самую классовую основу нашей политики, здесь непосредственно создают легальную арену для наступления аграрного капитализма на самый фундамент пролетарской диктатуры.

[1]) В. И. Ленин IX том (2-е изд.), стр. 659.
[2]) Родинский район, стр. 24.
[3]) Там же, стр. 41.
[4]) Стр. 41.

Послушайте, как наступает кулак под лицемерной маской заботы о «народном благе». «Если мы, трудовики-крестьяне, являемся кулаками потому, что у нас 10 коров да дом, то служащие больше нас кулаки, потому что у них больше богатства: два или три костюма по 160 руб., сундуки с добром, капиталы в червонцах. Служащих надо заставить работать бесплатно, а если им нечего жрать, *пусть уступят место нам (кулакам), мы бесплатно будем служить»* [1]).

По деньгам и власть!—вот какой принцип стремится кулачество внедрить в сознание крестьянской массы. При *таком* классовом переплете забвение интересов бедноты в области кредита, машиноснабжения и т. д. равносильно прямой помощи врагу.

Говорят кулаки и об изменении порядка в стране, но «вторая тема трактуется не *по-старому*, не говорится, что не будет советской власти, а говорится, что *капиталисты усиливаются и нам придется это признать и с ними жить в согласии»* [2]). Новая буржуазия не пятится назад к старым партиям буржуазии и мелкой буржуазии, но практически вырабатывает свою «устряловскую» идеологию. Она по кусочкам, так сказать, собирает элементы буржуазного общества в нашей действительности.

На нижние этажи советской и даже партийной лестницы кулак и зажиточный совершенно открыто и систематически ведут наступление.

Даже коммунистов захватывает эта стихия анархического капитализма. В Меньщиковском районе Барабинского округа «хозяйство коммунистов в подавляющем большинстве середняцкое (60,8%). Обеспеченность сельхозмашинами тем больше, чем экономически сильнее хозяйство коммуниста. Здесь мы имеем *те же законы и тенденции развития хозяйства коммунистов, какие свойственны и крестьянским хозяйствам*, те же болезни и перспективы роста. Так, хозяйства 2-й группы (2 головы крупного скота) обеспечены сельхозмашинами на 6%; 3-й группы (до 5)—на 21%, 4-й группы (до 8 голов)—на 20%; 5 и 6-й групп (до 10—11 и больше голов крупного скота)—на 150%. Имеют батраков, применяют наемную рабочую силу также по мере роста мощности хозяйства коммунистов» [3]).

Вот другой район—Родинский район Славгородского округа: «Общее настроение ячеек по отношению к работе с беднотой отрицательное, особенно в середняцкой и зажиточной части.—*Зажиточные у нас не ведут борьбы за аппарат, у нас нет обостренных противоречий между богатым и бедняком*—работа будет впустую,—говорят сильно растущие середняки в ячейке села Степной Кучук. *Окрепшие и стоящие очень твердо в хозяйственном отношении коммунисты боязни в этом отношении не испытывают и выступают* (с. Родино) *демагогически за бедняцкие собрания и группы, но беднота им не верит, наблюдая все укрепляющийся блок их на деле с крепкими середняками.—Он только говорит, а пойди насчет кредита*, и—сам не поручится и ссуду даст крепкому мужичку» (Родино) [4]).

Обследование 78 хозяйств коммунистов в этом районе дало следующий результат: «в ряды партии в 1920 г. пришло бедняков—34,6%, середняков—35,9% и зажиточных (с посевом до 50 дес.)—29,5%. В 1926 г. соотношение этих групп было следующее: бедняков — 32%, середняков — 52,5% и зажиточных — 15,5%».

---

1) Меньщиковский район, стр. 40.
2) Стр. 40.
3) Меньщиковский район, стр. 63—64.
4) Родинский район, стр. 41—42.

Обследование констатирует «нарастание противоречий между коммунистами-бедняками и коммунистами-середняками и зажиточными».

Эти факты сигнализируют величайшую опасность. Мало-мальски значительное распространение этих явлений чревато самыми тяжелыми последствиями.

Если у нас плохо идет дело с машиноснабжением и кредитованием бедноты и маломощных, если слабо подвигаются вперед сплочение бедноты и работа с батраками, то об'яснений этому нужно искать, прежде всего, в тенденциях к перерождению самых элементарных, первичных тканей наших организаций в деревне. За трафаретными «слушали и постановили» скрывается размагничиванье наших основных проводников в деревне. Напор кулацкой стихии направлен как раз в эту сторону,—богатеющая верхушка старается заставить коммунистов, кооперацию, советский аппарат жить с нею «в согласии». *Это* для нее самое главное. На этой базе она развивается по восходящей линии.

Перед лицом этих кричащих фактов нужно вспомнить, что капитализм в нашей стране может повести наступление с тылу на пролетарскую диктатуру по преимуществу *как аграрный, земледельческий капитализм.*

Перед лицом этих кричащих фактов нельзя ограничиться обычными «слушали и постановили».

В сибирской деревне происходит наступление капитала.

С. Сырцов.

Неудачное наступление тов. Сафарова.

«Ору, а доказать ничего не умею».
(Сии слова Маяковским сказаны по другому поводу, но они как нельзя более подходят к статье Сафарова).

Проездом из Китая, заканчивая книжку о китайском народе, т. Сафаров решил обозреть «с птичьего дуазо» сибирскую деревню.

Плодом этого решения явилась статья «Наступление капитала в сибирской деревне (кричащие факты)».

Материалом для этой истерически-крикливой статьи послужили печатные доклады специальных комиссий, обследовавших по поручению Сибирского Краевого комитета партии несколько сельских районов.

Свою статью т. Сафаров вынужден начать комплиментом. Обследование, «вне всякого сомнения, является крупным шагом по пути выяснения фактического положения деревни. Высказать то, что есть—первейшая предпосылка для правильного политического руководства, для действительного упрочения и углубления союза рабочего класса и крестьянства».

Тов. Сафаров не договаривает. Он должен был бы признаться, что это обследование лишний раз опровергает утверждение оппозиции, будто партия затушевывает расслоение, скрывает его размеры, боится взглянуть в лицо действительности. Найдутся рьяные оппозиционеры, которые, и прочтя эти материалы, все же в тысячный раз станут повторять далекое от истины утверждение: «Партия замазывает расслоение, партия не видит кулацкой опасности».

Ослепленная предвзятым подходом, оппозиция совершенно потеряла способность видеть факты такими, какими они есть. Дальтонизм фракционности не позволяет различать и замечать явления, опровергающие положения и взгляды оппозиции. «Рассудку вопреки, наперекор стихии» такие исследователи способны видеть и улавливать лишь совпадающее с их фальшивыми построениями. Если факты говорят иное, что же—«тем хуже для фактов». Их не надо замечать. Больше того—их надо извращать. По такому несложному рецепту написана статья «Наступление капитала в сибирской деревне».

1. «Добросовестное» отношение тов. Сафарова к источникам.

Несколько примеров. Перед т. Сафаровым стоит задача—доказать, что «сила кулаков растет неудержимо». Для этого он выдергивает несколько фактов. Он их называет «кричащими». (Мо-

жет быть, они кричат от бесцеремонного обращения с ними нашего аграрного теоретика? Или, быть может, он собственный вопль принимает за крик фактов?).

По Старо-Бардинскому району Бийского округа зажиточные хозяйства за 2 года (1925—26) численно выросли на 3,3%, по посеву же они выросли на 10,3%, по рабочему скоту—7,8%, по коровам—5,6%. Отчет комиссии дает возможность проследить динамику всех групп за 3 года. Тов. Сафаров избегает приводить эти цифры. А что они показывают?

Численный состав группы:

	в 1924 г.	в 1925 г.	в 1926 г.	
Хозяйств бедняков . .	48,9%	48,8%	44,9%	Уменьшение за 2 года на 4% (—4%).
» середняков .	49,9%	49%	50,6%	Увеличение на 0,7% (+0,7%).
» зажиточных .	1,2%	2,2%	4,4%	Увеличение на 3,2% (+3,2).

Таким образом, если даже считать, что так называемые зажиточные хозяйства являются кулацкими, то мы имеем в этом районе кулаков меньше 4½%, что весьма разнится от голендовских цифр, которыми козыряла оппозиция. (Я ничего не говорю о методологии разбивки по группам. Тов. Сафаров пользуется этими цифрами, не оспаривая метода).

Дальше эти цифры говорят, что при наличии идущего расслоения (и сильного, его мы никогда не отрицали) в этом районе направление расслоения не совпадает с путями классического дореволюционного расслоения (крайние полюсы деревни увеличиваются, средняя группа размывается). Здесь мы имеем совершенно иную картину. *При довольно сильном росте верхушки деревни мы имеем сокращение* (на 4%) *нижнего слоя и увеличение* (небольшое, меньше 1%) *среднего*. Ту же тенденцию мы имеем и по ряду других районов, напр., по Родинскому Славгородского округа. Тут и т. Сафаров не может скрыть того обстоятельства, что бедняцкая группа (беспосевные и бесскотные, а также с посевом до 4 дес. и с 1—2 головами скота) с 1924 г. по 1926 г. значительно уменьшилась, а середняцкий слой вырос (с 46,4% до 53,2%). *Вместо классического типа расслоения мы имеем своеобразную картину расслоения деревни в советских условиях. Своеобразие заключается в том, что расслоение идет главным образом за счет бедняцкого слоя. Часть бедняцких хозяйств переходит в середняцкий слой.* (При этом, конечно, некоторая доля, к слову сказать, небольшая, пролетаризируется, теряет связь с хозяйством).

Вернемся к Старо-Бардинскому району и посмотрим распределение средств производства между отдельными группами в среднем на одно хозяйство.

	Обеспеченность посевом	Обеспеченность рабочим скотом
Малопосевная группа:		
1924 г. . .	1,08 дес.	0,9 гол.
1926 г. .	**1,5 дес.** (рост на 15%)	**0,9 гол.** (без изменения).

С. Сырцов.

Неудачное наступление тов. Сафарова.

«Ору, а доказать ничего не умею».
(Сии слова Маяковским сказаны по другому поводу, но они как нельзя более подходят к статье Сафарова).

Проездом из Китая, заканчивая книжку о китайском народе, т. Сафаров решил обозреть «с птичьего дуазо» сибирскую деревню.

Плодом этого решения явилась статья «Наступление капитала в сибирской деревне (кричащие факты)».

Материалом для этой истерически-крикливой статьи послужили печатные доклады специальных комиссий, обследовавших по поручению Сибирского Краевого комитета партии несколько сельских районов.

Свою статью т. Сафаров вынужден начать комплиментом. Обследование, «вне всякого сомнения, является крупным шагом по пути выяснения фактического положения деревни. Высказать то, что есть—первейшая предпосылка для правильного политического руководства, для действительного упрочения и углубления союза рабочего класса и крестьянства».

Тов. Сафаров не договаривает. Он должен был бы признаться, что это обследование лишний раз опровергает утверждение оппозиции, будто партия затушевывает расслоение, скрывает его размеры, боится взглянуть в лицо действительности. Найдутся рьяные оппозиционеры, которые, и прочтя эти материалы, все же в тысячный раз станут повторять далекое от истины утверждение: «Партия замазывает расслоение, партия не видит кулацкой опасности».

Ослепленная предвзятым подходом, оппозиция совершенно потеряла способность видеть факты такими, какими они есть. Дальтонизм фракционности не позволяет различать и замечать явления, опровергающие положения и взгляды оппозиции. «Рассудку вопреки, наперекор стихии» такие исследователи способны видеть и улавливать лишь совпадающее с их фальшивыми построениями. Если факты говорят иное, что же—«тем хуже для фактов». Их не надо замечать. Больше того—их надо извращать. По такому несложному рецепту написана статья «Наступление капитала в сибирской деревне».

1. «Добросовестное» отношение тов. Сафарова к источникам.

Несколько примеров. Перед т. Сафаровым стоит задача—доказать, что «сила кулаков растет неудержимо». Для этого он выдергивает несколько фактов. Он их называет «кричащими». (Может быть, они кричат от бесцеремонного обращения с ними нашего аграрного теоретика? Или, быть может, он собственный вопль принимает за крик фактов?).

По Старо-Бардинскому району Бийского округа зажиточные хозяйства за 2 года (1925—26) численно выросли на 3,3%, по посеву же они выросли на 10,3%, по рабочему скоту—7,8%, по коровам—5,6%. Отчет комиссии дает возможность проследить динамику всех групп за 3 года. Тов. Сафаров избегает приводить эти цифры. А что они показывают?

Численный состав группы:

	в 1924 г.	в 1925 г.	в 1926 г.	
Хозяйств бедняков . .	48,9%	48,8%	44,9%	Уменьшение за 2 года на 4% (—4%).
» середняков .	49,9%	49%	50,6%	Увеличение на 0,7% (+ 0,7%).
» зажиточных .	1,2%	2,2%	4,4%	Увеличение на 3,2% (+ 3,2).

Таким образом, если даже считать, что так называемые зажиточные хозяйства являются кулацкими, то мы имеем в этом районе кулаков меньше $4\frac{1}{2}$%, что весьма разнится от голендовских цифр, которыми козыряла оппозиция. (Я ничего не говорю о методологии разбивки по группам. Тов. Сафаров пользуется этими цифрами, не оспаривая метода).

Дальше эти цифры говорят, что при наличии идущего расслоения (и сильного, его мы никогда не отрицали) в этом районе направление расслоения не совпадает с путями классического дореволюционного расслоения (крайние полюсы деревни увеличиваются, средняя группа размывается). Здесь мы имеем совершенно иную картину. *При довольно сильном росте верхушки деревни мы имеем сокращение* (на 4%) *нижнего слоя и увеличение* (небольшое, меньше 1%) *среднего*. Ту же тенденцию мы имеем и по ряду других районов, напр., по Родинскому Славгородского округа. Тут и т. Сафаров не может скрыть того обстоятельства, что бедняцкая группа (беспосевные и бесскотные, а также с посевом до 4 дес. и с 1—2 головами скота) с 1924 г. по 1926 г. значительно уменьшилась, а середняцкий слой вырос (с 46,4% до 53,2%). *Вместо классического типа расслоения мы имеем своеобразную картину расслоения деревни в советских условиях. Своеобразие заключается в том, что расслоение идет главным образом за счет бедняцкого слоя. Часть бедняцких хозяйств переходит в середняцкий слой.* (При этом, конечно, некоторая доля, к слову сказать, небольшая, пролетаризируется, теряет связь с хозяйством).

Вернемся к Старо-Бардинскому району и посмотрим распределение средств производства между отдельными группами в среднем на одно хозяйство.

	Обеспеченность посевом	Обеспеченность рабочим скотом
Малопосевная группа:		
1924 г. . .	1,08 дес.	0,9 гол.
1926 г. .	**1,5 дес.** (рост на 15%)	**0,9 гол.** (без изменения).

	Обеспеченность посевом.	Обеспеченность рабочим скотом.
Среднепосевная группа:		
1924 г. . . .	3,9 дес.	2,8 гол.
1926 г. . . .	**4,3 дес.** (рост на 10,2%).	**2,7 гол.** (уменьшение на 3,6%).
Многопосевная группа;		
1924 г. . . .	10,2 дес.	4,9 гол.
1926 г. . . .	**10,6 дес.** (рост на 4,0%).	**4,9 гол.** (без изменения).

Соответствующие цифры по коровам будут: у малопосевной группы—рост на 25% (в 1924 г. было 1,2 гол., стало 1,5 гол.), у среднепосевных — рост 33,3%, у многопосевных—20,5%. Цифры говорят о более быстром относительно темпе роста посевов и коров у малопосевной и среднепосевной групп, о стабилизации по рабочему скоту. Таким образом, при всем глубоком расслоении и мощности верхушки деревни тенденции, определяемые, очевидно, советскими условиями, показывают совсем не то, что хотелось бы видеть т. Сафарову. Именно потому, что они показывают не то, что склонен декретировать суровый критик наших аграрных отношений, ему приходится делать вид, что он не замечает этих фактов, он проходит мимо них, маскируя свою недобросовестность истерическими воплями.

Можно было бы привести еще ряд примеров. Ограничусь одним.

В с. Белоярском Минусинского округа в 1924 г. бедняцкая группа (до 4 дес. посева) владела 56,6% общего количества плугов, в 1926 г. на ее долю приходилось лишь 38,31% всех плугов. Зато зажиточно-кулацкая группа, владевшая в 1924 г. 8,97% всех плугов, в 1926 г. располагает уже почти четвертью всего количества (24%). Читатель поражен, оглушен, что и требовалось Сафарову. Достигнут же этот результат довольно простым фокусом, даже не требующим особой ловкости рук. Обязуемся раскрыть этот фокус немного погодя, а пока приведем показательные цифры средней обеспеченности инвентарем на одно хозяйство в каждой группе.

Обеспеченность плугами хозяйств бедняцкой группы *не уменьшилась*. В 1924 г. в среднем на одно бедняцкое хозяйство приходилось 0,57 плуга, в 1926 г.—0,58 плуга.

А в зажиточно-кулацкой группе средняя обеспеченность плугами была в 1924 г. 1,66 п., в 1926 г.—1,36 п. *Уменьшение*.

Эх, т. Сафаров! Нельзя же так подводить себя! Никогда другой раз не оперируйте с такой легкостью источниками,—обязательно сядете в калошу!

А теперь перейдем к фокусу нашего автора. Читатель вправе спросить. Но все-таки верно ли то, что говорит т. Сафаров, что в 1924 г. бедняцкая группа владела 56,6%, а в 1926 г. на ее долю приходилось лишь 38,31%? Как это получается? Более вдумчивый читатель сообразил, в чем дело. Тов. Сафаров умалчивает о том, что с 1924 г. по 1926 г. бедняцкая группа *сама в своей численности уменьшилась* с 65,48% до 49,23%. На 16,25%! Значительная часть бедняцких хозяйств поднялась и перешла в вышестоящую группу. Но эти маломощные хозяйства переселялись в другую группу, надо полагать, со своими плугами. Плуги-то они с собой забирали? Ведь даже т. Сафаров, меняя место, захватывает с собою свое имущество, вплоть до своих идей (хотя немного потерял бы, если бы кое-какие идеи оставил на старом месте).

Тов. Сафарову до этой простой мысли, что хозяйства, передвигаясь из одной группы в другую, передвигают с собою и плуги, дела нет. Ему—лишь бы козырнуть и оглушить читателя. Занятый этим, он, конечно, не потрудится раз'яснить, что в Сибири, в том числе и в этом Абаканском районе Минусинского округа, бедняцкая группа, в частности беспосевщики, непрерывно пополняются переселенцами и т. н. неприписными, что не может не отражаться на общей картине. Эти переселенцы зачастую год — два и больше не получают земли, не имеют посева и притоком извне существенно меняют вид классовых группировок деревни. Скажем, в каком-либо селе в 1924 г. имелось 2 беспосевных хозяйства, в 1925 г. одно собралось с силами и завело небольшой посев. Но за этот период из европейской части Союза или из других мест Сибири прибыли три переселенческих семьи, поселились в этом селе в качестве «неприписного населения»—число беспосевных увеличилось сразу в 2 раза на 100%! «Серьезный» исследователь типа т. Сафарова, не вдумываясь в причины этого, безапелляционно закричит: «В сибирской деревне идет острое расслоение, беднота пролетаризируется, скатывается в ряды беспосевных». И бог весть, что еще может накричать такой исследователь, бесцеремонно, как свою перчатку, выворачивая факты наизнанку, озабоченный лишь одним—доказать во что бы то ни стало правильность своей предвзятой идейки.

2. Расслоение сибирской деревни по Сафарову и как оно есть.

Тов. Сафаров очень энергично, но совершенно безответственно заявляет: «Без всякого преувеличения можно сказать, что *эти цифры кричат, кричат об американском темпе роста зажиточно-кулацкого хозяйства. Через этот бешеный темп, с помощью его пробивается «американский тип развития аграрного капитализма»* на земле, очищенной от всех старых перегородок».

Уже в первой части своей статьи мне пришлось, указывая на расслоение и сильное экономическое неравенство в деревне (кто же может отрицать расслоение и неравенство), приводить доказательства того, что направление расслоения теперь существенно отличается от дореволюционного даже в Сибири, где нивелирующее значение революции (отсутствие комбедов и пр.) сказалось меньше. В противоположность дореволюционному времени нет рассасывания средних групп и роста за их счет крайних групп. При общем для всей деревни под'еме сельского хозяйства темп этого под'ема относительно выше в низших и средних группах. Об этом говорят не только материалы обследований комиссии Кр. Ком., но и статистические данные массовых обследований крестьянских хозяйств.

Вот данные 10% выборочных весенних обследований за 1925 и 1926 гг. (скоро мы будем располагать и материалами 1927 г.) о группировке хозяйств по размерам посева у них.

Группы хозяйств.	Юго-Зап. Сибирь: % хозяйств к общему итогу, 1925 г.	1926 г.	Изменение уд. веса групп в %	Сев.-Вост. Сибирь: % хозяйств к общему итогу, 1925 г.	1926 г.	Изменение уд. веса групп в %
Без посева и с посев. до 0,1 д.	6,7	5,1	— 23,9	7,8	6,7	— 16,4
С посев. от 0,1 д. до 1,0 д.	13,1	8,5	— 54,1	15,2	13,3	— 14,3
» » 1,1 д. » 2,0 д.	18,7	14,0	— 33,5	21,5	18,4	— 16,8
» » 2,1 д. » 3,0 д.	16,8	14,8	— 13,5	18,2	17,3	— 5,2
» » 3,1 д. » 4,0 д.	12,7	12,6	— 0,8	13,7	14,4	+ 5,2
» » 4,1 д. » 6,0 д.	16,4	18,9	+ 15,2	14,6	17,2	+ 17,8
» » 6,1 д. » 8,0 д.	7,8	11,2	+ 43,6	5,3	7,2	+ 35,8
» » 8,1 д » 10,0 д.	3,8	6,1	+ 60,5	2,2	3,1	+ 40,9
» » 10,1 д. » 16,0 д.	3,2	6,6	+ 106,2	1,3	2,1	+ 61,5
Свыше 16 дес.	0,8	2,2	+ 175,0	0,2	0,3	+ 50,0
	100	100	—	100	100	—

Эти данные говорят о значительном росте высших групп, но в то же время они говорят, что средние по посеву группы не рассасываются, а растут. При чем темп расслоения в Юго-Западной Сибири более энергичный, чем в Северо-Восточной.

Возьмем группировки по скоту (по данным весенних опросов).

	Ю.-З. Сибирь 1925 г.	1926 г.	С.-Вост. Сибирь 1925 г.	1926 г.
без раб. лошадей	11,5	12,3	7,3	8,1
с 1 лошадью	31,1	30,6	24,7	26,9
с 2 лошадьми	34,6	34,7	16,7	14,8
с 3 лошадьми	14,0	13,6	11,4	8,8
с 4 и бол. лошадьми	8,8	8,8	11,4	8,8
	100	100	100	100

Здесь мы в ослабленном виде наблюдаем ту же тенденцию устойчивости средней группы.

Надо иметь в виду и при группировках всякого рода—по посеву и по скоту—процесс притока переселенцев. В дальнейшем надо будет обеспечить возможность этих цифровых коррективов в общей картине расслоения.

Берем группировку по коровам.

Группы	Ю.-Зап. Сибирь 1925 г.	1926 г.	С.-Вост. Сибирь 1925 г.	1926 г.
без коров	8,4	8,0	6,8	7,1
с 1 коровой	40,2	36,0	41,4	39,4
с 2 коровами	29,6	29,3	32,8	33,6
с 3 коровами	11,7	13,0	11,4	12,1
с 4 и больше коровами	10,1	13,7	7,6	7,8

Расслоение имеется, но что тип его существенно иной, чем было в дореволюционное время, это не может не видеть только человек с оппозиционными шорами. При росте верхнего полюса растет и средний слой деревни за счет поднимающейся бедноты. Эту картину не может даже существенно исказить приток беспосевных и бесскотных переселенческих семейств.

Оставляю в настоящее время в стороне вопрос, кого можно в сибирской деревне относить к группе кулаков. Но нельзя не остановиться на ошибке т. Сафарова, когда он, говоря о кулацко-зажиточной группе, об'единяет под этой вывеской все хозяйства с посевом свыше 8 десятин (по Минусинскому округу). совершенно оставляя без внимания то, что пишет комиссия на стр. 18 отчета: «Хозяйство, имеющее 8 дес. и выше, является в этом районе уже хозяйством крепким, зажиточным. *Это, разумеется, вовсе не значит, что среди третьей категории многопосевных мы имеем только верхушку*. Ничего подобного: в этой группе мы найдем много хозяйств *многосемейных*, культурного типа, которые никаких кулацких приемов не применяют и растут и накопляют за счет культурного ведения своего хозяйства. Машины используются в своем хозяйстве и иногда через совместное пользование путем участия в машинных товариществах».

На стр. 25 отчета читаем:

«Среди этой группы развивается крепкий середняк, переходящий к культурным приемам ведения своего хозяйства и накопляющий за счет роста посевной площади, улучшенной обработки, улучшенного скота и т. д. В этой же зажиточной группе мы имеем *и кулацкую паразитическую часть*, ведущую хозяйство хищническими, эксплоататорскими приемами и закабаляющую маломощное крестьянство».

Тов. Сафаров роста середняцкой массы сибирской деревни не видит,—вернее не хочет видеть: такое добросовестное отношение к вопросу выше его сил, ибо тогда он должен был бы ревизовать все основные положения оппозиции.

Данные гнездовых динамических переписей подтверждают, что средние группы деревни не только не рассасываются, но растут, при чем этот рост идет главным образом за счет поднимающихся низших групп. Привожу данные, относящиеся ко всем районам обследования в Западной и Восточной Сибири о перемещении хозяйств без органических изменений по отдельным группам. Они достаточно убедительно подталкивают положение, что значительная часть хозяйств низших групп перемещается, поднимаясь в средние группы.

Группы по посеву 1925 г.	Число хоз-в в 1925 г. без органич. изменен	Из них в 1926 г. оказалось в группах: Без посева и с посевом до 0,1 дес.	От 0,1 до 1,0 дес.	От 1,1 до 2,0 дес.	От 2,1 до 3,0 дес.	От 3,1 до 4,0 дес.	От 4,1 до 6,0 дес.	От 6,1 до 8,0 дес.	От 8,1 до 10 дес.	Свыше 10 десятин
	В абсолютных цифрах									
Без посева и с посевом до 0,1 дес.	2.088	1.406	447	146	51	17	11	6	2	2
От 0,1 до 1,0 дес.	3.445	305	1.622	1.0[illegible]4	302	79	46	5	1	1
От 1,1 до 2 дес.	4.298	61	358	1.687	1.300	583	254	42	6	7
» 2,1 до 3,0 дес.	3.723	17	39	338	1.179	1.109	837	158	30	16
» 3,1 до 4,0 дес.	2.747	6	11	43	316	767	1.188	310	69	37
» 4,1 до 6,0 дес.	3.098	2	6	14	60	256	1.358	916	346	140
» 6,1 до 8,0 дес.	1.328	1	—	3	11	20	183	511	346	253
» 8,1 до 10,0 дес.	536	—	—	—	2	6	23	76	159	270
Свыше 10,1 дес.	458	2	—	1	—	—	1	15	34	405
Итого	21.721	1.800	2.483	3.316	3.221	2.837	3.901	2.039	993	1.131

В районах, охваченных динамической переписью, средними можно считать группы, хозяйства которых засевают от 3 до 10 д.; но возьмем, чтобы не смущать т. Сафарова, до 8 десят. Находим, что в них к 1926 г. оказалось 8.777 хозяйств вместо 7.173 в 1925 г. В это число входит 5.509 старых наличных хозяйств, бывших в этих группах в 1925 г., и 3.268, перешедших из других групп. При чем из вышестоящих групп сюда перешло только 121 хозяйство. Из беспосевной группы в средние группы перешли 34 хозяйства, с посевом от 0,1 десят. до 1,0 десят.—130 хозяйств, из группы с посевом до 2-х десятин вышло 879 (или 20,5%), из группы до 3 десятин—2.104 на 3.723 хоз. (т.-е. 56,5%).

Обратный процесс, т.-е. переход средних хозяйств в мелкопосевные группы, незначителен: всего из средних групп скатилось в низшие 473 хозяйства из 7.173 хоз. В результате мы имеем увеличение группы средних хозяйств на 22,4%.

Нельзя отрицать, что одновременно высшие по посеву группы росли за счет передвижки в них средних хозяйств. Группа с посевом от 8 до 10 дес. (тоже по существу по сибирским условиям средняя группа) выросла почти вдвое; группа с посевом свыше 10 дес. выросла почти в $2^1/_2$ раза.

Посмотрим изменения в беспосевной группе. Эта группа сократилась почти на 14%. В числе 1.800 хозяйств 1926 года оказались 1.406 старых наличных хозяйств, находившихся в этой группе в 1925 г., и 394 хозяйства, имевших в 1925 г. посев. К общему числу хозяйств без органических изменений эти 394 хозяйства, потерявшие за год посев, составляют 1,81%. Хозяйств же, перешедших в течение года из беспосевной группы в посевные, было 682, т.-е. их количество больше чем в $1^1/_2$ раза превышает количество утративших посев.

Беспосевная группа пополняла свои ряды в 1926 г. главным образом за счет хозяйств вселившихся, а не за счет деградирования посевных хозяйств, не за счет скатывания посевных хозяйств и даже не в результате разделов хозяйств. Имея в виду ряд фактических данных, приведенных в № 13 «Большевика» (статья тов. Бергавинова), я не буду останавливаться на цифровых материалах, характеризующих обеспеченность различных групп в отношении скота и инвентаря и темп этого роста. Позволю себе привести лишь одну очень интересную табличку, характеризующую степень участия в накоплении средств производства различных слоев крестьянства. Цифры указывают на распределение между группами хозяйств общей суммы прироста за год посевной площади, рабочих лошадей и сложного с.-х. инвентаря (см. табл. на стр. 104).

Цифры говорят сами за себя. Нечего и говорить, что я ни на одну минуту не думаю, что малопосевное хозяйство является обязательно бедняцким, так же, как не всякое многопосевное хозяйство является кулацким. Для определения экономической группы, к которой надо отнести данное хозяйство, статистических сведений недостаточно. Надо, по указанию т. Ленина, посмотреть историю этого хозяйства, его связь и отношение к выше и нижестоящим хозяйствам и т. д. Но для определения тенденций расслоения эти данные годятся, и они показывают не совсем то, что хочет с натяжкой установить т. Сафаров.

Группы по посеву в 1925 г.	Западная Сибирь: % прироста к итогу (к общей сумме прироста за год). Посева	Западная Сибирь: % прироста к итогу. Раб. скота	Западная Сибирь: % прироста к итогу. Сеялок и убор. машин	Западная Сибирь: % хозяйств в группе	Восточная Сибирь: % прироста к итогу (к общей сумме прироста за год). Посева	Восточная Сибирь: % прироста к итогу. Сеялок и убор. машин	Восточная Сибирь: % хозяйств в группе
Без посева и с посевом до 3,0 д.	39,9	50,7	27,9	59,0	51,2	23,3	66,2
С посев. от 3,1 до 8 д.	45,9	38,1	53,3	35,2	44,4	66,9	30,0
От 8,1 до 10 д.	5,4	3,7	10,7	2,9	2,2	6,3	2,0
От 10 д. и выше	8,8	7,5	8,1	2,9	2,2	3,5	1,3
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Свое утверждение об американском темпе роста зажиточно-кулацкого хозяйства в Сибири т. Сафаров обосновывает фактами и цифрами, произвольно и тенденциозно надерганными из материалов обследования, которые якобы, по его словам, указывают на резкое изменение от 1925 г. к 1926 г. в пользу деревенской верхушки доли в общей массе средств производства или громадное увеличение удельного веса этой группы по средствам производства. Некоторые фокусы т. Сафарова по этой части разоблачены в первой части статьи.

Но, конечно, надо сказать, что сравнительно быстрый рост верхушки приводит и к увеличению доли этой группы в общей массе средств производства. Но в какой мере происходит этот рост средств производства?

Данные сельскохозяйственных переписей в динамических гнездах показывают, что в абсолютных числах количество скота и инвентаря, оказавшееся в 1926 г. в руках высшей по посеву группы, увеличилось по сравнению с 1925 г., но *не в большей, а в меньшей степени, чем численно выросла эта группа.*

Что касается маломощного слоя (по посеву), то его доля посевной площади, скота и инвентаря в 1926 г. немного уменьшилась, по сравнению с предыдущим годом, но и это уменьшение совпадает с сокращением числа хозяйств в них.

Это отнюдь не означает, что все идет хорошо и благополучно, что кулацкая опасность не велика. И обследования и все решения сибирской организации говорят, что она трезво смотрит в глаза кулацкой опасности, не преуменьшает ее, умеет констатировать печальный вывод, что росту кулака не всегда успешно противостоит рост социалистических элементов и хозяйственная активность маломощных слоев. Но необходимо установить правильную пропорцию света и теней и поправить суздальскую мазню т. Сафарова.

По Сафарову получается, что «американский темп» развития приводит к «мобилизации земельной собственности кулаками». Доказать это при всех своих приемах ему не удается. Как может происходить эта мобилизация? Прежде всего, очевидно, на основе аренды. Тов. Сафаров приводит выписку из обследования Родинского района: «Главными арендаторами земель являются зажиточные и середняки, на долю которых падает 98,4% всех

арендующих хозяйств и 99,9% всей арендованной земли» (речь идет об обследованных трех селениях). А почему бы т. Сафарову не детализировать этой цифры. Из таблицы на стр. 13 материалов обследования мы узнаем, что на группу хозяйств с посевом в 15 дес. и больше (отнюдь не значит, что все эти хозяйства являются кулацкими, но допустим) приходится 22% всей арендованной земли. Остальное падает на среднепосевные и малопосевные группы. В отношении Старо-Бардинского района тов. Сафаров этого факта скрыть не может и вынужден признаться, что «арендуют землю по преимуществу середняки (68,6%), сдатчиками же на 53,8% являются бедняки».

Где же эти ужасающие «американские» картины «мобилизации земельной собственности», к которой, по словам т. Сафарова, «подбирается» кулак? Сафаров почувствовал слабость своей позиции и вынужден оговориться. «Распространение наемного труда и арендных отношений—особенно в Сибири—не является главным показателем или барометром кулацкого роста». Спасибо и на этом. Но как же тогда с «американским типом развития аграрного капитализма»? Замечательный «американский тип» без своих главных признаков! [1]).

Особо необходимо остановиться на машинах и эксплоатации с.-х. машин. При обследовании одно из заданий было—определить формы и степень эксплоатации кулацкими и мощными элементами с.-х. инвентаря, главным образом сложных машин. Сначала немного статистики. Из 10.292 хозяйств, зарегистрированных переписью 1926 г. в динамических гнездах Запад. Сибири (Омская губ.), сдававших внаем сеялки и уборочные машины, было 570 хозяйств, из них 17 хозяйств сдавали сеялки, остальные—уборочные машины. К общему числу хозяйств число сдававших в наем машины составляло около 6%. Из общего числа сдатчиков 89 хозяйств (15,4%) сдавали более одной машины в сезон. Число хозяйств, сдающих в многопосевных группах, достигает 20%, в среднепосевных оно более 14%. Из всего числа сдатчиков на долю многопосевных групп приходится всего 11,5%, свыше 75% всех сдававших машины падает на группы с посевом не более 10 десятин на двор, главным образом на группы, засевающие до 6 и до 8 дес.

Разумеется, это не исключает того факта, что владеющий, скажем, двумя сложными машинами, постоянно их эксплоатирующий, имеющий другие нетрудовые доходы, может быть кулаком и не имея большого посева.

Кто и какие машины арендует? Процент хозяйств, нанимавших жнейку, выше всего в среднепосевных группах, молотилку — почти одинаков как в среднепосевных, так и в крупнопосевных, зерноочистительные—выше в крупнопосевных, сенокосилку—в малопосевных и среднепосевных. Как видно, в силу специфических условий земледельческого хозяйства в Сибирском крае и недостатка машин вообще наем их почти в одинаковой мере распространен и в средних и в высших по зажиточности группах, меньше же всего в малопосевных группах, где часто

[1]) Следует иметь в виду относительно наемного труда специфические особенности Сибири, а именно: краткость вегетационного периода и периода уборки хлеба, что требует напряжения рабочей силы и применения временной наемной силы иной раз даже в бедняцких, не говоря уже о середняцких хозяйствах.

вынуждены с грехом пополам производить уборку хлеба ручным способом. Наиболее предприимчивые из владельцев машин могут много на них прирабатывать.

Последние два года доходы от эксплоатации машин входят в обложение сельхозналогом. Другое средство борьбы с кулачеством по этой линии—конкуренция со стороны машинных коллективов. При всей своей слабости, часто неудачном составе коллективов—этот фактор год от года будет влиять все сильнее и оттеснять кулачество от тех позиций, которые оно теперь занимает. Степень прочности этих позиций зависит от того, что кулачество сумело от дореволюционного периода сохранить машины, сумело зачастую приобрести и новые благодаря нашим ошибкам, ненормальностям в работе машиноторгующих организаций (погоня за наличным расчетом), бюрократическим извращениям наших органов, искажающих нередко партийную линию.

Но сомнительно, чтобы сдача напрокат машин в советской стране (особенно, если считать, что кооперативный план Ленина не есть пустая выдумка, а есть громадная положительная задача, которую мы год от года будем решать все успешнее), может явиться достаточным условием для развития мощной кулацкой группы, а тем более такой, которая развивается по американскому типу.

Следует иметь в виду, что значительные возможности в области аренды земли, применения наемного труда мощному слою деревни облегчаются неземлеустроенностью сибирской деревни.

Землеустройство в настоящее время является мощным орудием организации бедняцко-середняцких масс. Беспорядок в земельных отношениях на руку кулакам и мощным хозяйствам, идущим по пути превращения в кулацкие. Землеустройство лишает их многих возможностей. Поэтому они везде, как общее правило, выступают против землеустройства, но и везде же терпят поражения, ибо беднота в этом вопросе проявляет очень большую активность и отбрасывает кулачество с его позиций.

В обследовании Родинского района комиссия Сибкрайкома на стр. 14 отмечает следующее: «За истекшие 20 лет ни переделов, ни скидок и накидок не производилось, и освобождающиеся земли выбывших и выморочных хозяйств поступают в общественный фонд. Земельные же общества в редких случаях передают эти земли в бесплатное трудовое пользование, и если передают, то главным образом крепким середнякам и зажиточным; чаще же предпочитают использовать эти земли, впредь до землеустройства, в фискальных целях путем сдачи в аренду. В результате такого порядка бедняк остался «на бобах»—за счет его земель «распухли» общественные земельные фонды, а он не может использовать предоставленного ему законом права сдачи своих земель в аренду и терпеливо ждет землеустройства.

Совершенно ясно, что эта тяжелая картина, подмеченная нашими обследователями, обусловливается отнюдь не могуществом кулачества, а тем, что у нас «руки не дошли» до повсеместного проведения землеустройства. Нехватает средств и сил для скорейшего проведения этого организационного мероприятия, которое является фактором громаднейшего экономического и политического значения. В ряде мест Сибири, где землеустройство проведено, мы видим, резкое изменение картины: советские

земельные законы и порядки отбрасывают кулачество на несколько шагов назад и укрепляют позиции бедноты.

Обследователь Родинского района пишет: «Наиболее заинтересована в землеустройстве беднота, поддерживаемая середняком. В вопросах землеустройства у них крепкий блок против зажиточного. Первые вполне справедливо рассчитывают получить при землеустройстве причитающуюся им землю полностью, поближе к селению и не худшую, а лучшую. Для зажиточного землеустройство значит—ограничение его земельных аппетитов; мощному хозяйству—подальше земля, распределение не по мужским долям, а по едокам, справедливая расценка качества земель и т. д.». «Вместе с тем землеустройство четко выявит арендные земельные отношения» (стр. 27).

3. Борьба капиталистических и социалистических элементов в деревне.

Тов. Сафаров в самом начале своей статьи говорит: «Данные комиссий Сибкрайкома отметают прочь всякие иллюзии, всякий «сладенький самообман»... насчет того, что один стихийный рост производительных сил сам по себе способен нас приблизить к социализму, способен обеспечить победу кооперативно-социалистических тенденций над капиталистическими».

Позволительно спросить, где же усмотрел т. Сафаров эти иллюзии, кто ими заражен, где те люди, которые заражены этими иллюзиями, питают этот сладенький самообман и против которых мужественный Сафаров собрал все свое оружие и доспехи?

За несколько месяцев до статьи т. Сафарова происходила Сибирская краевая конференция, она подытожила материалы по изучению деревни. Уж не она ли, отражая напор кулачества на соответствующие «этажи советской и даже партийной лестницы», посеяла такие иллюзии?

В резолюции «об основных вопросах сельского хозяйства» имеется следующее:

«В условиях роста сельского хозяйства и повышения его товарности развертывание социалистического сектора сельского хозяйства приобретает особо важное значение. Рост производительных сил сельского хозяйства особенно усиленно должен происходить по этому руслу. *Отсюда—важнейшей задачей в развитии сельского хозяйства являются укрепление и усиление строительства колхозов и простейших коллективных об'единений, а также совхозов.*

Отмечая хозяйственное укрепление колхозов и совхозов и количественный рост простейших об'единений, необходимо устранить имеющиеся недостатки, тормозящие дальнейшее их укрепление и развитие». Дальше следует ряд конкретных практических предложений (Стеногр. отчет конференции. Стр. 285).

«Развитие сельского хозяйства и экономический рост деревни все еще порождают капиталистические отношения (наем рабочей силы, аренда земли и т. д.); при этом часть хозяйств верхушечной группы (кулацкие хозяйства) идет по пути систематической эксплоатации на стороне сельскохозяйственных машин, ростовщичества, по пути аренды земли и организации единоличных кустарно-промышленных предприятий с применением наемной силы.

Поэтому экономическая политика в деревне должна быть в первую очередь направлена на укрепление и повышение хозяйственной мощи бедняцких хозяйств и на создание благоприятных условий хозяйственного развития и роста для середняцких слоев деревни, как основной базы сельскохозяйственного производства. Подтягивая бедняцкие хозяйства и строя свою политику в направлении дальнейшего укрепления союза рабочих и деревенской бедноты с середняками, мы должны поставить задачу экономического преодоления кулацко-эксплоататорских хозяйств, как враждебного нам слоя деревни».

«В условиях под'ема сельского хозяйства и происходящего процесса расслоения деревни мероприятия по развитию производительных сил и реконструкции сельского хозяйства должны строиться таким образом, чтобы они способствовали наибольшему развитию коллективных форм хозяйства и хозяйственному укреплению бедноты. *Отсюда—каждое мероприятие в деревне обязательно должно содержать в себе две основные установки:* а) *поднять производительные силы хозяйства* и б) *содействовать усилению кооперирования и коллективизации и поднятию экономического состояния бедноты».*

Ну, разве эти решения оставляют надежду на успех того недобросовестного (мягко говоря) приема т. Сафарова, который сводится к тому, чтобы партийной организации подкинуть «струвистский» уклон и потом с торжеством его обнаружить, выступая в роли защитника чистоты классовой линии? Не пройдет, т. Сафаров, при всем вашем семиреченском опыте, не пройдет!

Почему бы тов. Сафарову не привести хотя бы один—два примера, говорящих за жизнеспособность коллективных форм. Обследование, имевшее целью обнаружить наши слабые места, прорывы, естественно фиксирует главное внимание на недостатках. Но тем ценнее и заслуживают максимального доверия положительные факты и явления, отмеченные обследованиями.

Комиссия, обследовавшая район Славгородского округа, характеризует работу коммун: «Обращает на себя внимание темп культурно-политического роста коммун» (значительное повышение грамотности), «значителен рост числа партийцев и комсомольцев» (стр. 28).

«Хозяйство коммун, как и хозяйство всего района, за время 1921—24 годов пережило период глубокого упадка. К 1923—24 г. оно опустилось до норм потребительского минимума и жило за счет проедания основных капиталов. Однако, в 1926 году коммуны уже встают на путь интенсификации сельского хозяйства *и далеко выдвигаются вперед по сравнению с хозяйством района* (стр. 29).

«...Хозяйственный рост коммун идет по пути реорганизации сельского хозяйства на началах его интенсификации. Особенно это ярко выражено в коммуне «Красный Алтай», где на ряду с увеличением культурного инвентаря и приобретением трактора, умножились агрикультурные приемы хозяйствования».

«На ряду с культурно-хозяйственным ростом в коммунах значительно поднялась трудовая дисциплина, а с ней—и производительность труда. Выросло сознание коллективного хозяйства, выраженное в бережном, хозяйственном и внимательном отношении к скоту, инвентарю и к хозяйственным начинаниям и мероприятиям, улучшился и выправился внутренний распорядок в

коммунах. Толковое распределение труда, распределение продуктов потребления по нормам и улучшение бытовых условий устранили склоки и недовольства и создали сплоченность членов коммуны» (стр. 30).

Особенно ценно улучшение отношения окружающего крестьянства к коммунам. Оно означает крах кулацкой линии и агитации.

«Отношение окружающего крестьянства к коммунам резко изменилось. Достигнутые коммунами культурно-хозяйственные успехи расцениваются как результат дружной работы коммунаров. Вместо презрительного отношения и клички «пустоплюи» и «советские нахлебники», крестьяне определяют коммунаров, как «хороших и толковых хозяев», и часто ставят в пример их хозяйственные достижения.

К недостаткам нужно отнести неналаженность учета и отсутствие правильно составленных операционных и организационных планов. Устранение их создало бы еще более благоприятные условия для культурно-хозяйственного роста коммун» (стр. 30).

Среди машинных товариществ и других первичных простейших коллективов очень много лжеколлективов, подверженных индивидуалистическим влияниям, некоторые из них захватываются кулаками, которые их пытаются превратить в ширму. Все это так, все это лишний раз подчеркивает те трудности, которые партии приходится преодолевать в деле социалистического строительства в деревне. Обратить эти факты против партии, обвинять ее можно было бы лишь в том случае, если бы партия не видела этих трудностей и опасностей, прикрашивала положение.

Имеется ли это? Обратимся снова к резолюциям сибирской организации.

«Рост простейших об'единений, особенно машинных товариществ, в последнее время происходит в значительной мере за счет верхушечных групп деревни, стремящихся организовать лжекооперативы и использовать предоставляемые об'единениям льготы и преимущества в личных целях. Это явление коренным образом извращает идею коллективизации и искривляет линию партии в этом вопросе.

Конференция поручает краевому комитету и местным парторганизациям: а) принять меры к подбору и оздоровлению социального состава простейших об'единений путем преимущественного вовлечения в них бедняцких и середняцких слоев и б) регулировать рост простейших об'единений, ставя преграды образованию лжекооперативов и всемерно содействуя развитию тех, которые действительно ставят перед собою задачи коллективизации сельского хозяйства» (Стеногр. отчет. Стр. 286).

Но разве наличие этих отрицательных явлений, с которыми партия борется и имеет волю бороться, ломает кооперативный план Ленина приобщения деревни к социализму? Наличие этих отрицательных фактов не может заслонить громадного положительного роста творческой энергии пролетарских и полупролетарских слоев деревни, вместе с середняками под руководством партии закладывающих социалистические ячейки в деревне.

Вот опыт работы товарищества по общественной обработке земли в Славгородском округе. Товарищество называется «Проснись, народ», организовано несколькими батраками и бедняками.

«Это товарищество с весны добилось получения кредита в размере 300 рублей. На полученный кредит оно приобрело четыре вола, семян для посева и, имея, кроме того, 1 лошадь, плуг и бричку, засеяло на своих и частью на землях общественного фонда, предоставленных ему обществом бесплатно, 20 десят. пшеницы. Собранный урожай дал 900 пудов пшеницы». Такой производственный эффект дал прекрасный результат для сплочения и укрепления товарищества. Члены товарищества восторженно расценивают свои достижения и только в товариществе видят выход из своего бедняцкого состояния. «Если селькредит нам поможет, то через год другой мы станем настоящими хозяевами и уж на поклон к кулаку или зажиточному не пойдем», говорят они».

«Процесс коллективизации охватывает все полевые работы, т.-е. посев, сенокос, уборку хлеба и молотьбу, с применением покрытия обязательств товарищества из общего урожая. Делится между членами остаток урожая после уплаты товарищеских долгов» (стр. 31—32).

Тов. Сафаров очень усердно и часто ссылается на обследование Заларинского района Иркутского округа. И понятно почему. Во многих отношениях здесь положение хуже. Но и здесь материалы дают представление о тех силах, которые растут в наших советских условиях в противовес капиталистическим тенденциям. Пусть тов. Сафаров на стр. 41—42 прочтет описание машин товарищества «Свобода» в д. Майгон. Может быть, его панические настроения несколько уменьшатся, а уверенность в силе социалистического начала увеличится.

Товарищество организовалось по инициативе культурного батрака (б. военнопленный, был в Красной армии, организатор подписки на «Крестьянскую Газету»). «Среди населения, бедноты и коммунистов пользуется авторитетом. В начале организации т-ва было 8 чел., теперь имеется 24 чел.» (по преимуществу бедняки и середняки). Товарищество завело несколько машин. В настоящее время имеет их на сумму около 1000 руб.

«Характерна для оценки направления деятельности товарищества выдержка из протокола от июля с. г.: «К 1/X кооперировать в машинное т-во 50 процентов населения с предоставлением льгот бедняцкому населению до 2-х лет».

«В дальнейшем вести работу усиленным темпом для того, чтобы *массы пошли, хотя бы маленькими шагами, к социалистическому строительству*».

Тов. Сафаров видит деятельность кулачества, не прочь раздуть эту деятельность до грандиозных размеров, не останавливаясь перед чудовищными гиперболами, а вот этих шагов к социализму, укрепления наших командных высот замечать не хочет.

Критика наших недостатков, пусть резкая, полезна [1]), но она должна исходить из правильных посылок, сохранять правиль-

[1]) «Краевая партийная конференция с большим удовлетворением отмечает курс Сибкрайкома на необходимость критического отношения к работе и на строгий критический подход к недочетам и ошибкам работы, что дает возможность на основе учета опыта улучшать качество своей работы, организовать проверку людей и сплачивать партийную организацию вокруг практического проведения политики партии в разных областях строительной работы» (из резолюции краев. конференции).

ную перспективу, давать правильное направление, а не превращаться в беззубое брюзжание против партии, выискивание и извращение фактов, чтобы опорочить линию партии, не должна разлагать веру в творческие силы партии и рабочего класса.

Абсолютно неверным, искусственным и надуманным является утверждение—будто недостатки и ошибки в деле машиноснабжения и кредита об'ясняются перерождением низовых первичных тканей наших организаций в деревне. Оппозиция очень много шумела по поводу мелкобуржуазной стихии, заливающей нижние этажи советского государства. Итоги перевыборов, в том числе и по Сибири, опровергли это утверждение оппозиции. Тов. Сафаров неспроста избегает говорить о сельсоветах Сибири, несмотря на то, что в книжках обследования материалов о низовых советах очень много. Тов. Сафаров, видимо, чувствует здесь безнадежность своих позиций. Тогда появляется модифицированная (измененная) постановка вопроса о стихии и нижних этажах. По Сафарову «кулацкая стихия, захватывая в нижних этажах дело распределения машин и кредитов, использует его в своих интересах, в целях прямого поощрения и покровительства сельскохозяйственному капитализму».

Наши ошибки и промахи нечего валить на низовые органы. Бюрократизм наших окружных, краевых, центральных хозяйственных инстанций, ведомственная драка и ограниченность в сочетании с тяжелыми об'ективными финансовыми условиями работы кредитующих организаций—вот что обусловило ошибки, которые пошли в значительной части на пользу мощным слоям деревни.

Здесь до известной степени повторилось явление, которое в нашей промышленности 2—3 года назад составляло больное место. Госпромышленность имела директиву вести работы преимущественно с госторговлей и кооперацией, а она часто в обход директив связывалась с частником не потому, что коммунисты-хозяйственники сплошь переродились, а потому, что близорукий хозрасчетный интерес сегодняшнего дня и угроза финансовых осложнений толкали к частнику, который платил наличными. Центры машиноторгующих организаций непрерывно давили на свою периферию: «нам надо расплачиваться с промышленностью, во что бы то ни стало реализуйте машины, продавайте значительную долю состоятельному крестьянину за наличные, урезывайте сроки кредита». Низовые органы, подгоняемые этими финансовыми, хозрасчетными (уродливыми, неправильными, близорукими) соображениями зачастую часть инвентаря и кредитов пускали не туда, куда требовала классовая линия партии. И часто бедняцко-середняцкое правление, включающее и коммунистов, ругательски ругая свой главк, подталкиваемое финансовой нуждой, сокращало долю бедноты и середняков в пользу более мощных хозяйств.

Если бы верно было, что низовые звенья кооперации сплошь захвачены кулачеством, то решения партии (ЦК: о сельскохозяйственном кредите и пр.) [1]), исправляющие эти грубые ошибки, они должны были бы встретить в штыки, а они их приняли

[1]) Из резолюции сибирской краевой конференции: «Обратить внимание... на ряд уклонений органов Селькредита и машиноснабжающих организаций от партийной линии в деле хозяйственной поддержки маломощных слоев деревни».

с удовлетворением («наконец-то, устраним безобразия с поручительством» и пр.).

Конечно, это не значит, что внизу в исполнительных органах все благополучно. Очень много ротозейства, неумения работать, есть и явления захвата отдельных звеньев чуждыми и враждебными нам элементами, сколько угодно волокиты, бюрократической нечуткости в отношении масс, но подгонять эти явления под сафаровскую предвзятую схему—оказывать медвежью услугу партии.

Передача дела машиноснабжения в некоторых случаях сельхоз.-кооперации (после громадной ведомственной вредной драки), той, которая, по мнению Сафарова, захвачена кулачеством, *улучшила* положение для бедняцких и середняцких слоев.

Цифры кооперированности различных слоев сибирской деревни отнюдь не говорят о значительном удельном весе мощной, тем более кулацкой верхушки. Цифры социального состава выборных органов кооперации говорят о преобладающем влиянии бедняцко-середняцких элементов. Отдельные случаи захвата влияния мощными группами в кредитных товариществах, кооперативах и пр. подвергнуты обследователями особо внимательному разбору. Отдельные случаи такого захвата отрицать не приходится, но партия мобилизовала свое внимание.

Говорить о значительном влиянии кулачества в сибирской кооперации не приходится. В большинстве случаев настороженность против кулачества так сильна, что в некоторых районах, несмотря на решения XIV партконференции, до сих пор отказывают зажиточному (иной раз даже не кулаку) в праве войти рядовым членом в кооперацию. В молочной кооперации ряд многокоровных хозяйств остается некооперированным, потому что правление, состоящее из малокоровных, боится их пустить в кооперацию—«пусти, мол, козла в огород». При перевыборах советов перегибы в лишении избирательных прав доходили до того, что в некоторых селах лишали права голоса по 20—25% и даже 30%.

В этих перегибах, где кулацкая опасность коммунистами или беспартийными-активистами толкуется чересчур расширительно, мы можем наделать ряд ошибок по отношению к некоторым слоям середняков, ошибочно зачисляя их в кулаки.

Это не исключает случаев отсутствия достаточной чуткости со стороны некоторых низовых парторганизаций к росту классовых противоречий в деревне, соглашательской линии по отношению к мощной верхушке. Обследовательские комиссии дают ряд примеров этого. Но чудовищным преувеличением и прямой клеветой на низовую деревенскую парторганизацию было бы утверждение, что сельская организация, что деревенские коммунисты переродились, окулачились. Величайшее внимание со стороны партийных комитетов проявлено к отдельным случаям, т. н. «хозобрастания» деревенских коммунистов, ведется борьба, и такие коммунисты отсеиваются из партии.

Если бы сибирские деревенские организации представляли собою переродившиеся, окулачившиеся ячейки, наверно, это сказалось бы на таком симптоме, как вступление в партию. Мы имеем за последние периоды усиление притока в партию батрачества.

Следующая табличка дает об этом представление:

	Батраки, вступающие в партию, составляли в % к общему числу принятых в партию
За первое полугодие 1925 г.	1,8%
» второе » 1925 г.	3,2%
Всего за год . . .	2,6%
За первое полугодие 1926 г.	5,0%
» второе » 1926 г.	6,1%
Всего за год . . .	5,4%
За первую треть 1927 г.	10,1%

Недостаточную закрепленность наших позиций в деревне мы видим, слабые места подверглись в обследованиях обстоятельному анализу и исчерпывающей критике. Слабых мест, недостатков очень много, но сделать из этого выводы о несостоятельности нашей политики в деревне, о потере пролетариатом командных позиций можно только в состоянии величайшего ослепления.

Мы имеем материал для сравнения. В конце 1924 года производилось обследование сибирской деревни. То, что дало обследование 1926 г., показывает, как далеко шагнуло дело строительства в деревне.

Мы иногда даже сами не подозреваем, какая инициатива и творчество проявляются низами. На вопрос о том, могут ли расти на основе этой инициативы, при условии осуществления кооперативного плана Ленина, социалистические элементы в деревне, в той деревне, которая для т. Сафарова окрашена в однотонный мрачный цвет кулацкого засилья, отвечает обследование Ирбейского района Канского округа.

«На вопрос о том, могут ли быть жизненными бедняцко-середняцкие товарищества, лучше всего отвечает работа машинного Покровского товарищества. Всего состоят членами этого товарищества из 100 дворов села 65 хозяйств, т.-е. 65 процентов. В 1924 г. оно об'единяло 26 чел., в 1925 г. — 32 и, наконец, в 1926 г. — 65 бедняцких и середняцких хозяйств. Уже сейчас все машины в этом селе приобретаются исключительно машинным т-вом. Работа производится также и на стороне только по такой же цене, что и для пайщиков». Сейчас оно превращается в товарищество по совместной обработке земли. Ближайшая за этим перспектива—превращение в коммуну. Нет сомнения, что это будет не худосочная, искусственная коммуна, а органический росток социализма, пробившийся к жизни при очень трудных условиях, но тем более жизнеспособный.

Как бы малы и скромны эти ростки ни были, но они дают уверенность, что приобщение деревни к пролетарскому делу строительства социализма совершается и совершится, несмотря на противодействия капиталистических элементов и несмотря на растерянность и истерические попытки свернуть партию с ее правильного пути.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

НОВАЯ „АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА“.

(О книге Отмара Шпанна „Мертвая и живая наука. Против индивидуализма и марксизма“).

Отмар Шпанн—восходящее светило в современной буржуазной науке. Влияние его среди буржуазных экономистов в Германии и Австрии все растет. Вместе с Георгом фон-Беловым он издает серию Deutsche Beiträge; кроме того, под руководством Шпанна выходит серия Herdflamme. Сам Шпанн тоже проявляет большую плодовитость. Незадолго до мировой войны Шпанн получил кафедру политической экономии в Вене, как ставленник националистской и клерикальной реакции. Замечательно, что в новом издании известного Handwörterbuch der Staatswissenschaften, лучшей (буржуазной) энциклопедии по экономическим наукам, Шпанну поручены были статьи о классах и сословиях, об «эгоизме» и др. Это свидетельствует о его растущем влиянии. Как никак, эти статьи его являются здесь диссонансом, бросают перчатку серьезной науке.

В статье о классах Шпанн называет «неслыханным заблуждением почти всех современных ученых», что они принимают в вопросе о классах примат экономики. Шпанн сетует, что современная экономическая наука вообще находится в плену у марксистской доктрины. Это грехопадение буржуазной науки Шпанн об'ясняет ее индивидуализмом. Шпанн валит в одну кучу индивидуализм и марксизм, выступает в поход против них обоих. Квинт'эссенцию своих взглядов он дает в книге под характерным полемическим заглавием: «Мертвая и живая наука. Против индивидуализма и марксизма»[1]). Любопытно, что в то же время другой немецкий профессор, Курт Брейзиг, напротив, в трехтомном труде[2]) «опровергает» Маркса именно с точки зрения индивидуализма и роли личности в истории.

У Шпанна темперамент бойца. Послушайте, какую характеристику дает он различным типам народного хозяйства. Строй индивидуализма и свободы в экономике, строй «чистого капитализма» он называет сумасшедшим домом, строй коммунизма или планового хозяйства—тюрьмой, строй свободно регулируемого или «умеренного» капитализма—лихорадкой, дележом наследства. Идеал Шпанна—это сословный, цеховой строй, ständische Wirtschaft. В провозглашении этого идеала в наше время—

---

[1]) Перечисляем другие труды О. Шпаппа:
Fundament der Volkswirtschaftslehre, 3-е изд., 1923 г.
Kategorienlehre, 1924 г.
Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre, 1923 г.
Gesellschaftslehre, 2-е изд., 1923 г.
Des wahre Staat, 2-е изд., 1923 г.

[2]) Vom geschichtlichen Werden. Umrisse einer zukünftigen Geschichtslehre, 1926 г.
I. Band. Persönlichkeit und Entwicklung.
II. Band. Die Macht des Gedankes in der Geschichte in Auseinandersetznng mit Marx und mit Hegel.

оригинальность Шпанна. Но это также—знамение времени, симптом упадочного периода капитализма.

Тогда как у Зомбарта (в его «Пролетарском социализме») лишь мимоходом проскальзывали, так сказать, настроения «Вишневого сада», меланхолические сетования по исчезнувшим патриархальным временам и нападки на наш беспокойный век моторов и радио, у Шпанна это возведено в целую систему с теоретико-познавательным, социологическим и экономическим аппаратом. Эта система силится доказать, что «сословный» строй не только самый желательный, но вообще единственно возможный, вечный строй, существовавший не только в средние века, но с первобытных времен вплоть до наших дней. Доказывается это тем, что из хаоса и «механистической атомистики» индивидуализма не может возникнуть никакого организующего начала. Даже классики,—говорит Шпанн,—чувствовали это и поэтому постулировали «предустановленную гармонию». Экономическая свобода есть утопия, абсурд, абстракция. Капитализм при своем появлении использует старые рамки; да и в наше время имеются картели, профсоюзы, кооперация. Эти последние тоже включаются Шпанном в понятие «сословного» хозяйства. Как видим, это понятие у него достаточно путанное и расплывчатое.

Отчасти под «сословным хозяйством» Шпанн понимает вообще принцип связанности, нормировки, регулирования в жизни общества. Однако, он умудряется обвинить в атомистике также марксизм. Последний—заявляет Шпанн,—сначала атомизирует общество, затем централизует его, постулирует армию «фабричных людей», как две капли воды похожих друг на друга, не считаясь с различиями в формах производства и пр. Старая песня. Шпанн проповедует völkische Wirtschaft, «хозяйство народности». В этом весь секрет. «Фёлькише», как известно, немецкое обозначение фашизма... *Народное хозяйство* проделывает у Шпанна эволюцию в *хозяйство народности*. Это весьма многозначительная эволюция, и вся задача Шпанна в том, чтобы дать ей теоретическое обоснование.

Для этого служит Шпанну его учение о цельности, о целом. Целое—раньше части. Шпанн поучает марксизм, что «простое суммирование частей не составляет еще целого». Целое есть народность, и каждое звено в сословном хозяйстве служит целям и духу народности», получает свой смысл и значение только от этой своей роли в целом. Это—zweckverbundene Wirtschaft, хозяйство, подчиненное целям национальной идеологии. В этом смысле каждая часть его служит целому и определяется своим местом в целом. Это место дано всей сложившейся исторической обстановкой, оно создается органически.

В своем «Учении о категориях» Шпанн противопоставляет целое, цельность не только механической причинности, но также диалектике и логике, а самое замечательное это то, что в конце концов дается «доказательство бытия бога из понятия цельности»... Шпан выдает себя здесь головой, как матадор клерикальной реакции. В серии Herdflamme вышла в 1926 г., между прочим, работа проф. Карла Фейгля: «Цельность и число. Этюд о строении и гносеологической ценности математической и цельной системы понятий». Любопытно, что этот сторонник Шпанна попутно следует также по стопам известного германского психолога Ганса Дриша, свернувшего в последнее время не только на путь неовитализма, но также на путь спиритизма...

Шпанн выступает в поход против индивидуализма и марксизма во имя «универсализма» и учения о целом. Но замечательно, что это выливается у него на деле в прямую противоположность. Сословное хозяйство

является сугубой дифференциацией, и, начав за здравие, Шпанн кончает за упокой, проповедует доведенную до крайности распыленность, своего рода федерализм в теории, столь же реакционный, каким был федерализм в эпоху Французской революции.

Задавшись целью провести высший синтез экономической науки во имя «хозяйства народности», Шпанн на самом деле делает невозможным какой-либо синтез, ставит крест над политической экономией, как наукой. Согласно Шпанну, один и тот же товар может и должен иметь различную цену в Вене и Граце и даже в одном и том же городе на отдельных фабриках. Доказывает он это тем, что каждое производство не повторяемо, индивидуально; поэтому конкуренция не может дать в результате единой цены. В наш век массового производства несколько смелое утверждение! Шпанн ссылается также на «общеизвестный факт», что за одну и ту же работу, например, металлиста каждая фабрика платит другую цену. Слова одну и ту же он ставит при этом в кавычки; он подвергает сомнению возможность такого нивелирования. Довод, впрочем, не новый. Зато ново следующее: все цены,—уверяет Шпанн,—носят монопольный характер, в каждой цене имеется иррациональный элемент, поэтому они не поддаются научному исчислению. Вся экономическая наука была до сих пор на ложном пути, рассматривая цены «только с точки зрения рынка»; этого недостаточно, Шпанн доискивается понятия «органической» цены и вполне последовательно возвращается к архаическому понятию «справедливой цены». Если цена булки различна у пекаря и на постоялом дворе, то это потому, что каждый из них является «различным экспонентом цельности», занимает свое место на службе у целого. То же об'яснение дается различиям цен на больших и мелких рынках, у оптовика и розничника и пр. Разумеется, «экспонент цельности» ровно ничего не об'ясняет. Энгельс в таких случаях любил говорить:

Wie Jungfer Jettchen's Fingerhut
Passt er zu allen Dinglu gut.

Есть такая немецкая сказка: у девицы Иеттхен чудесный наперсток, который годится на все вещи, его можно надеть на все. «Экспонент цельности» тоже можно надеть на все. Это столь же расплывчатое, сколь бессодержательное об'яснение.

Шпанн обвиняет всю существовавшую до него науку политической экономии в том, что под стоимостью и ценой она понимала только количественные отношения. Это вполне в духе его теории «хозяйства народности». При этом приводятся такие вульгарные доводы, как то, что за одну и ту же цену получаешь совсем другой обед в Вене и Линце, совсем другую квартиру и пр. Выбросив за борт меновую и потребительную стоимость, Шпанн бесконечно запутывает проблему. Он обвиняет всю политическую экономию, что обмен у нее трактуется как нечто случайное, зависящее только от воли (?) обменивающихся личностей, что у нее «цена внезапно рождается из хаоса, суммируется из действий индивидуумов»; на самом деле это обвинение падает обратно на Шпанна, так как он не дает ни конкретного мерила, ни конкретного субстрата для цен и стоимости, кроме своего пресловутого «экспонента цельности». У Шпанна «справедливая», «органическая», «качественная» цена зависит от «функции данного средства в сверхиндивидуальной связи всех средств». Это логический круг. У Шпанна, с одной стороны, качество определяет цену, с другой стороны, цена служит для определения этого качества. То утверждается, что качество тоже нуждается в мериле, то оно оказывается «не повторимым».

Распределение, расположение частей на службе у целого—вот тот кит, на котором построена теория Шпанна. Он жонглирует словами Gliederung, Gliedickeit, Eingegliedertheit и т. п., словами без всякого реального смысла, словами, которым можно придать любой смысл, наперстками девицы Иеттхен. То они получают у Шпанна значение распределения в том обычном смысле, в котором этот термин употребляется в политической экономии, то это—просто расположение, размещение. Конечно, всякая перемена может быть названа переменой в размещении. И вот на этом основании Шпанн опровергает всю политическую экономию, начиная от Адама Смита, ополчается на нее за то, что она все явления экономики производит от стоимости и цены. Это неверно—поучает нас Шпанн.—Не распределение зависит от цен, а цены зависят от распределения (размещения). Он приводит следующий пример: если открыты новые залежи железа и произошло падение цен железа, то «здесь произошло изменение размещения экономических средств, изменилось распределение (!) а с ними и цены; цены здесь не произвели никакой перемены, они сами—выражение происшедшей перемены». Как видим, это—вульгарное об'яснение стоимости из редкости, но по жаргону Шпанна, мы имеем здесь, «изменение в размещении частей на службе у целого». Тот же сказочный наперсток Иеттхен, который можно надеть на все вещи.

Шпанн обвиняет всю буржуазную политическую экономию, а также Маркса в том, что они строят свои теории на «слепой причинности». Нужды нет, что диалектический материализм Маркса нечто совершенно иное. Он, Шпанн, строит свою теорию не на причинности, а на Gliedlichkeit, на размещении частей на службе у целого. Как на пример такой «непричинной связанности», корреляции, он указывает на соподчинение сердца и легких в организме. Отказываясь от категории причинности, Шпанн тем усерднее работает с помощью категорий средства и цели. Все его фразы о целом и размещении частей на службе у целого выливаются в одно русло служения принципу «фёлькише» (фашизма), «хозяйства народности». Целеустремленность его экономики имеет вполне определенную окраску. Отсюда и его теоретическое подчеркивание качества. Отсюда все качества [1]).

Шпанн идет далее. Он уже не ограничивается учением о ценах. Вся экономика, весь комплекс ее, вся градация ее ставятся им в зависимость от этого чисто формального признака размещения, нормировки, устава. В различных странах строительные уставы предписывают особый формат кирпичей,—Шпанн берет этот пример, чтобы доказать, что производственные издержки зависят от правовых норм. Первенство формата в производстве. Точно так же Шпанн провозглашает первенство торговли и рынка над производством, а в самом рынке—то же первенство рыночного устава, в мировом хозяйстве—первенство тарифов, пошлин, договоров, правовых норм, «размещения». Опять столь же убедительный пример: торговый договор между Белградом и Веной может внезапно

[1]) В своем рвении доказать утопичность индивидуализма Шпанн обрушивается на учение Бюхера о замкнутом домашнем хозяйстве, как первоначальной стадии, и заявляет, что «этого нет и в каменном веке». Но любопытно, что Шпанн пристегивает к Бюхеру Дарвина и Маркса. Против «механически-индивидуалистической концепции Бюхера-Дарвина-Маркса выдвигается Шпанном совсем невпопад исследования Допша и Георга Белова. Они доказали существование «капиталистической волны» в эпоху Каролингов. Это должно служить подтверждением учения Шпанна, что в основе нынешнего капитализма и всего исторического развития лежит «не каузальность, а перемена умонастроения и всего духовного склада эпохи» (der Wechsel der Gesinnung = einer Zeit).

сделать возможной поставку в Сербию австрийских текстильных товаров, бывшую до сих пор невозможной. Попутно Шпанн игнорирует кризисы перепроизводства. Даже технику Шпанн об'являет производной от права, утверждая, что без патентов невозможны изобретения. Таким же издевательством над теорией, да и над самой историей экономики является утверждение Шпанна, что деньги—изначальное явление всякого хозяйства и не отсутствуют полностью даже при чисто натуральном хозяйстве. Точно так же, как «рыночная зрелость» оказывается раньше «фабричной зрелости», так деньги ставятся Шпанном впереди товара. Отметим: не только для периода торгового капитализма. Шпанн ставит также финансовый капитал перед производственным (это еще куда ни шло), кредит перед производством и чуть ли не фабрикат перед сырьем (на его жаргоне: Genussreife vor Rohstoffreife).

Совершив все эти подвиги, поставив дыбом Маркса и всю политическую экономию, наш неутомимый новатор затем одним росчерком пера лишает силы свои открытия, заявив, что имеет в виду не генетическое, а логическое первенство. Эта лазейка—опять тот же сказочный наперсток юнгфер Иеттхен. С такой оговоркой можно, конечно, утверждать все, что угодно. Конечно, в этом смысле можно утверждать, что, если нет потребителя на фабрикат, то отпадает и сырье. Но Шпанн проблему о примате права над экономикой вовсе не ставит в «логическом» разрезе. В таком разрезе она поставлена скорее у Штаммлера, при чем у последнего речь не о примате права, а о его эквивалентности экономике. У Шпанна же правовые нормы определенно выставляются первичным фактором, а производство вторичным, производным. Еще характернее его утверждение, что деньги имеются (как норма, как условие) уже в первобытном натуральном хозяйстве; между прочим, Шпанн доходит даже до утверждения, что у первобытных народов имеется уже чуть ли не мировое хозяйство.

Любопытно, что профессор Бернгард Гармс развивает аналогичную, ультра-идеалистическую теорию мирового хозяйства, об'являя его производным от государственного нормирования, от международных торговых договоров, железнодорожных тарифов, пошлин и т. п. формальных, во всяком случае вторичных признаков. Это совпадение нельзя не считать показательным. Взгляды Шпанна симптоматичны для буржуазной науки времен упадочного капитализма. Они должны создать школу. Так или иначе, отметим следующее. Занявший кафедру Карла Менгера и Визера Шпанн оказывается врагом их теории предельной полезности. Он видит в ней тоже индивидуализм и атомистику. Уже тот факт, что венский университет предоставил эту кафедру противнику «австрийской школы», весьма знаменателен. Для старой австрийской школы наступили «сумерки богов». На смену им выступает новая австрийская школа, школа Шпанна. Но вряд ли это будет прогрессом.

Мы познакомились с откровениями этого нового светила буржуазной экономической науки. Они преподносятся им с величайшим апломбом. Мы видели, что Шпанн не оставляет камня на камне в здании, сооруженном его предшественниками. Это Саванаролла упадочного периода. Из всех теоретиков политической экономии он признает только выкопанного им некоего архинемецкого Адама Мюллера, читавшего в 1808/9 гг. лекции принцу Бернгарду Саксен-Веймарскому и собранию государственных деятелей и дипломатов. Этот Мюллер превозносится Шпанном до небес и противопоставляется им Адаму Смиту и прочим классикам. Произведения Мюллера впервые издаются теперь в серии Hendflamme, издаются с такой же тщательностью и заботливостью, как у нас произведения

Маркса. (За исключением этого Мюллера Шпанн признает еще разве Фридриха Листа). Мюллер—для него идеал «национальной» и неиндивидуалистической науки, представитель «романтической школы в экономике»[1]). Как Шпанн, так и Георг Белов поют дифирамбы *романтизму в экономике*. На первый взгляд не совсем понятно, в каком сочетании являются здесь столь различные вещи, как романтизм и экономика. Дело, видите ли, в том, что романтизм был реакцией против индивидуализма и впервые занялся народностью, как целым, тайниками ее души. В этом духе и Шпанн строит свой идеал традиционного, сословного хозяйственного строя.

Учение Шпанна носит яркий реакционный характер. Народность служит ширмой для национализма, клерикализма и фашизма (между прочим, Шпанн ведет ожесточенную дуэль с недавно умершим проф. Максом Вебером за его религиозность). Только этим реакционным, фашистским характером нового учения об'ясняется то большое влияние, которого оно достигло за сравнительно короткое время. Только этим об'ясняется, что буржуазная немецкая экономическая наука сама себя высекла, дав место нелепицам нового оракула на столбцах своей первоклассной энциклопедии.

Ф. Капелюш.

КОНДУРУШКИН, И. С. «Частный капитал перед советским судом». С предисловием Д. И. Курского. 1927 г. Гос. изд. Стр. 240.

В эпоху нэпа, когда рабочий класс СССР строит экономику социалистического общества в условиях непрерывной борьбы с капиталистическими формами хозяйства, когда вопрос «кто кого?» решается на поле хозяйственного строительства, экономической борьбы и преодоления буржуазных форм хозяйства, задача изучения частного капитала имеет, несомненно, огромное не только теоретическое, но и практическое значение: чтобы успешно бить врага, надо его знать.

Вопросы частного капитала представляют собою широкое поле для исследования. Здесь задачи исследователя так же многогранны, как многогранны, разнообразны и своеобразны формы проявления частного капитала в хозяйстве, переходном от капиталистического к социалистическому.

В то же время вопросы частного капитала почти не тронуты в нашей литературе и особенно трудны для обработки в виду почти полного отсутствия достоверных и систематизированных статистических данных.

---

[1]) Об этом Мюллере Меринг в его статье «Об историческом материализме» (1893 г.) приводит следующее из письма Фр. Энгельса:

«Маркс во время своего пребывания в Бонне и Берлине познакомился с Адамом Мюллером и с «Реставрацией» господина фон-Галлера. Он отзывался с заметным презрением об этих пошлых, фразистых и напыщенных подражаниях французским романтикам—Жозефу де-Местр и кардиналу Бональду».

Дальше у Энгельса крайне интересные строки о другом «романтике»—Lavergne-Peguilhen, феодальном мастодонте, как его называет Фр. Меринг. «Удивительно,—пишет Энгельс по поводу одной цитаты,—что in abstracto правильное историческое понимание бывает как раз у тех людей, которые in concreto совершенно не понимают истории как в теории, так и на практике. Эти люди могли бы на феодализме заметить, что в *этом случае* государственные формы определяются формами хозяйства, так как это слишком ясно и очевидно». Дальше Энгельс говорит, что такое понимание у романтиков равносильно об'явлению феодализма «истинной формой хозяйства», которую надо сохранить на вечные времена, вместе с ней восстановить и государственные формы XIII и XIV столетий. Мы видим, что Шпанн с его «сословным хозяйством» возвращается к тому же идеалу феодализма, как истинной, вечной формы хозяйства. Энгельс оказался хорошим пророком.

Как отмечает автор в предисловии, его работа «представляет из себя обработку материалов наиболее крупных должностных и хозяйственных процессов за период с 1918 г., т.-е. с момента действия советского суда, по настоящее время».

Поле судебной деятельности в основном ограничено, как известно, вопросами *криминального* характера, поэтому автор поневоле должен ограничиться рассмотрением деятельности частного капитала лишь под этим криминальным углом зрения. Главный об'ект исследования—махинации и злоупотребления частного капитала в недрах советских государственных, кооперативных и др. хозяйственных организаций или около и в связи с последними; область «законной», «легальной» деятельности частника в основном неизбежно осталась вне круга зрения автора. Тем не менее в книге И. С. Кондурушкина мы находим богатый и интересный материал о жизни и «деятельности» частника на протяжении 7—8 лет, начиная с 1918 года. В I части книги И. С. Кондурушкин дает описание соответствующей деятельности частного капитала за время военного коммунизма. «Рассматривать период военного коммунизма значит изучать ту обстановку, в которой жил и боролся за свое существование буржуа и мелкий собственник, изучать те пути и способы, при помощи которых бывший предприниматель сохранял свои организационные силы и даже некоторые материальные ресурсы». Автор описывает, как буржуа и мелкий собственник сохранял свои средства путем мешочничества, нелегальной торговли, контрабанды. Вторым средством сохранения и накопления средств для появившегося в условиях «военного коммунизма» буржуа явилась служба в советских учреждениях и в Красной армии, куда они хлынули для того, чтобы хищничествовать, спекулировать, наживать, пользуясь тем, что рабочий класс, ставший у власти, не имел достаточных *собственных* кадров для работы на многих ответственных военных и гражданских постах и государство принуждено было привлекать людей чужого класса в качестве «спецов» военных и хозяйственных.

В трех последующих главах автор описывает деятельность частника-спекулянта, бывшего капиталиста, за время нэпа. Угол зрения, доминирующий на протяжении всей книги—хищническая «работа» частника в советских хоз. и пр. учреждениях и организациях и около них. Перед нами длинной и яркой вереницей проходят эксплоатирующие сов. государство и расхищающие народное имущество комиссионеры, поставщики, подрядчики, торговцы, арендаторы, контрагенты, ростовщики с «надельными суммами» и т. д. и т. д.

Вся эта туча бывших, современных и будущих капиталистов, примазываясь к совучреждениям, тащит, «хапает», перепродает украденное государственное добро и таким образом наживается, «выходит в люди», чаще восстанавливает в той или иной доле отнятые революцией капиталы. Автор прослеживает связь между такими казалось бы «частными» предприятиями, как «технические» конторы разного рода, с сов. учреждениями и с краденым госимуществом.

Пользуясь богатым материалом судебных процессов, автор широко развертывает перед читателем картину частного «накопления» за счет советского государства, картину бесчисленных ухищрений частника и его методы «работы», из которых главный—взятки. Далее идет описание работы частника под флагом различных советских общественных организаций—потребительской кооперации, промысловой кооперации, в виде ехидных «учрежденьиц» под вывеской «свой труд» и прочее, инвалидной кооперации с великолепной практикой симуляции «инвалидных» припадков, кредитной, сельскохозяйственной кооперации и даже под флагом колхозов «имени председателя ЦИК Союза М. И. Калинина».

Ряд разделов посвящен валютным, контрабандным операциям частников, акционерным обществам и жилищной лжекооперации.

Страницы книги, посвященные уголовным и хищническим деяниям частного капитала, в то же время направлены против недостатков советского хоз. аппарата, против бюрократизма, бесхозяйственности, неуменья работать, против корыстных побуждений и деяний наполняющих сов. аппарат представителей буржуазных классов и старого чиновничества. Автор находит много гневных слов по адресу недостатков нашего аппарата, питающих частника, помогающих ему «устроиться» так или иначе «на службу» государству. Всего несколько страниц посвятил автор описанию «последних форм» работы частного капитала. Если в период военного коммунизма и «первый» период нэпа (до 1923 г.) за время наибольшей дезорганизации нашего хоз. аппарата и менее совершенной работы суда и уголовного законодательства «деятельность» частника, по автору, почти целиком направлялась на расхищение в той или иной форме гос. ценностей, то во второй период нэпа (1923—25 гг. и 1926 г.), период подтягивания аппарата и существования уголовного кодекса—частный капитал вынужден перейти к более «легальным» формам работы. «Уменьшаются,—пишет автор,—взятки, хищения, проходит эпидемия растрат; но надолго останется основное условие для роста частного капитала: товарные, частнокапиталистические (?) отношения между госпромышленностью и с. хозяйством» (почему *госпромышленностью? П. А.*). Частник в большей степени переходит к «работе» в кооперации, куст. промышленности, к эксплоатации кустарей, рабочих и пр., старается использовать рыночную кон'юнктуру в торговле и пр.

Как видим, основной материал книги—уголовно-хищническая деятельность частника в недрах и около советских учреждений. С этой точки зрения, книжка, несомненно, представляет интерес и известную ценность для читателя. В этой ее части книжка была бы весьма полезна и для некоторых наших «совдураков» (по выражению автора), склонных ротозейничать и добродушничать по отношению к частнику. Но автор не ограничивается систематизацией и изложением судебных материалов. Он идет дальше. На основании этих материалов, излагаемых местами по типу уголовной хроники, он делает выводы, заключения, дает общие «оценки» и «перспективы». От спокойных берегов фактического материала автор пускается в зыбкое море общих построений и, как это часто случается, изрекает... «перлы».

Основное обобщение автора касается вопроса об источниках и природе частнокапиталистического «первоначального накопления», которое он относит по времени к первому периоду нэпа (1926—23 гг.). «В первые годы нэпа,—читаем мы на стр. 53,—когда частник был гол, как новорожденный младенец, он мог оперировать только государственными ценностями и материалами». На стр. 222 автор, злоупотребляя цитатой из Ленина, пишет: «Мы видим, что капитализм с неба не сваливается, что каждый строй существует и развивается лишь при финансовой поддержке господствующего класса». Т.-е. частный капитал сначала питался тем, что ему удалось наворовать и урвать из гос. складов, запасов; он вырос на тех кредитах, переплатах, которые давались ему иногда по экономической необходимости, чаще по нашей неорганизованности или из корысти и продажности пришлых и чуждых элементов в гос. аппарате».

По автору выходит, что частник 1921—23 гг. рос и «вырос» целиком на операциях с государственными ценностями на советских переплатах и кредитах.

Совершенно очевидно, что подобное утверждение не только пахнет преувеличением, но является совершенно абсурдным, если мы обратимся к экономической стороне вопроса. 1921—23 годы были годами наибольшего господства частника в торговле, особенно в розничной, т.-е. в первую очередь в деревенской торговле. Автор сам приводит цифры: в 1923 году оптовая торговля находилась в руках частника на 14%, оптово-розничная—на 50%, розничная—на 83%. Известную *долю* накопления через торговлю частник получил, разумеется, и от государства. Однако, было бы неправильным утверждать, что частник накоплял больше или главным образом за счет гос. ценностей и гос. имущества. Ведь, *тогда* получилось бы, что частник на протяжении 3-х лет нэпа *ничего* или почти ничего не брал непосредственно из прибавочного и необходимого труда крестьянина, из крестьянского и рабочего кармана. А между тем частник торговал и спекулировал не только ворованным у государства имуществом, но и товарами крестьянского производства и в первую очередь хлебом и товарами кустарного производства.

Таким образом, ограниченный рамками судебной практики и судебных материалов, автор представляет себе частный капитал вышедшим исключительно из спекуляций и перепродаж от учреждения учреждению гос. имущества. Подобное представление о частном капитале означает, что автор в сущности забывает про глубокие корни частного капитала в мелкобуржуазной экономике нашей страны, забывает про те 83%, которые он сам приводит в своей книге.

В соответствии со столь «своеобразными» представлениями об источниках и природе частного накопления автор перевертывает вверх ногами действительную историю развития частного капитала.

В приводимом автором разграничении истории частного капитала на периоды совершенно отсутствует то основное, что отличает первые годы нэпа (1921—23 гг.) от последующих лет—переход соц. сектора хозяйства в наступление против частника. Раз позабыв о 83% доле частного капитала в розничной торговле в 1921—23 гг., автор, естественно, не видит того важнейшего хозяйственного процесса последних лет, который заключается в поступательном наступлении на частный капитал со стороны кооперации и госторговли. Получается так, что в 1921—23 гг. частник оперировал только «госценностями», а вот с 1923 года начинается его укрепление в экономике торговли и производства страны, тогда как в действительности все происходит «наоборот». Несмотря на то, что в последней части книги автор приводит кое-какие цифры о росте доли кооперации и госторговли в торговом обороте и о сокращении доли частника, он в тексте всюду «пужает» читателя: так, к 1926 году частный торговый капитал стал серьезной и реальной величиной, как будто не было и нет *наступления* гос. и кооп. торговли на частный капитал в 1926 году. Доказательства? За ними автор в карман не полезет. Автор сообщает, что «Госплан СССР констатирует абсолютный и относительный рост оборота частного капитала по Союзу во втором полугодии 1925 года», забывая про первое полугодие и про весь год в целом; что «постановление СТО от 23 июля 1925 г. также констатирует абсолютный рост частного капитала», забывая про *относительное* его сокращение и т. д. Из отдельных разрозненных фактов и приведенных не к месту цитат «выводится» извращенная, паническая перспектива. Мы отнюдь не хотим сказать, что следует почивать на лаврах и игнорировать опасности, которые несет с собой частный капитал. Однако, надо же соблюдать надлежащие пропорции, надо дать читателю *правильную* картину развития частного капитала.

Вызывают недоумение и заключительные строки книжки: «В бедной и отсталой стране вопреки унылым кликушам, вопреки бешенству буржуазии, строить социализм руками рабочего класса и его партии». Чтонибудь одно: или автор помнит слова Ленина о том, что *невозможно* построить социализм руками одной партии, даже одного рабочего класса, что задача рабочего класса в использовании людских навыков и опыта буржуазного общества—тогда приведенные строки только досадный недосмотр автора.

Или же автор кое-что позабыл из Ленина.

Весьма легкомысленно обращается автор с оценками и характеристиками гос. и хоз. аппарата периода военного коммунизма. Подчеркивая бесхозяйственность и дезорганизацию сов. аппарата в годы гражданской войны, использование этого аппарата частниками, автор пишет: «Особая экономика военного коммунизма централизовала снабжение и распределение, создавала известные главки: Главспичка, когда не было спичек, Главгвоздь, когда не было ни гвоздя. В эти-то учреждения и хлынула главная масса буржуазии, оставшейся не у дел» (34).

Легко вознегодовать на недостатки хозорганов периода гражданской войны, но правильнее было бы спокойно и об'ективно охарактеризовать и «особую экономику» и значение и роль «централизованного снабжения и распределения» того времени.

Отмечая отрицательнные стороны книги И. С. Кондурушкина, нельзя все же не согласиться с автором предисловия, Д. Курским, что «в интересной книге т. Кондурушкина» читатель найдет «отдельные моменты преодоления частника и красочные эпизоды борьбы с ним».

Книга издана хорошо. Высока цена—2 рубля.

П. Александров.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.